ALEXANDER TVARDOVSKY

VASSILI TYORKIN

A Book About A Soldier

PROGRESS PUBLISHERS
MOSCOW

PROGRESS
SOVIET AUTHORS LIBRARY

ALEXANDER TVARDOVSKY

VASSILI TYORKIN

A Book About A Soldier

PROGRESS PUBLISHERS
MOSCOW

Translated by *Alex Miller*
Illustrations by *Orest Vereisky*, People's Artist of the RSFSR
Александр Твардовский
ВАСИЛИЙ ТЕРКИН
Книга про бойца
На английском языке
© Translation into English. Progress Publishers 1975
First Printing 1975
Printed in the Union of Soviet Socialist Republics

70402-498
Т ——— 1017-75
014(01)-75

Содержание

От автора 6
На привале 12
Перед боем 26
Переправа 40
О войне 56
Теркин ранен 62
О награде 80
Гармонь 86
Два солдата 102
О потере 116
Поединок 128
От автора 142
«Кто стрелял?» 150
О герое 162
Генерал 168
О себе 184
Бой в болоте 194
О любви 212
Отдых Теркина 224
В наступлении 238
Смерть и воин 250
Теркин пишет 264
Теркин — Теркин 270
От автора 282
Дед и баба 292
На Днепре 308
Про солдата-сироту 322
По дороге на Берлин 336
В бане 348
От автора 364

CONTENTS

	Page
From the Author	7
Bivouac	13
Before Battle	27
Crossing Over	41
Concerning War	57
Tyorkin Wounded	63
On Military Decorations	81
The Accordion	87
Two Soldiers	103
Lost Property	117
The Duel	129
From the Author	143
"Who Did That?"	151
The Hero	163
The General	169
About Myself	185
The Battle of the Marshes	195
On Love	213
Tyorkin Has a Rest	225
On the Offensive	239
Death and the Soldier	251
Tyorkin Writes	265
Tyorkin v. Tyorkin	271
From the Author	283
The Old Couple	293
On the Dnieper	309
The Bereaved Soldier	323
The Road to Berlin	337
The Baths	349
From the Author	365
Afterword. How *Vassili Tyorkin* Was Written	374

ОТ АВТОРА

На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода
Лучше нет простой, природной —
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-подо льда, —
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б — вода.

На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под хвойным кровом,
На стоянке полевой, —
Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пищи фронтовой.

Важно только, чтобы повар
Был бы повар — парень свой;
Чтобы числился недаром,
Чтоб подчас не спал ночей, —
Лишь была б она с наваром

FROM THE AUTHOR

When the dust of war blows bitter,
When it's hot or cold as hell,
Nothing's nicer, nothing's sweeter—
From the spring or from the well,
From the faucet or from Nature,
From the hoof-track in the dell,
From the river, any river,
From the pool in winter's spell—
Than a drink of pure fresh water;
If it's water, then all's well.

In the stress and strain of wartime
When the going's getting tough,
On the snow, beneath the tall pine,
Out on bivouac, sleeping rough,
What can beat that good old front-line
Food, and who can have enough!

But your Cook must know his onions,
Yes, your Cook must know his stuff;
Always busy, never dreaming,
Never dozing on the job,
Serving soup all hot and steaming,

8

Да была бы с пылу, с жару—
Подобрей, погорячей;
Чтоб идти в любую драку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя.
Однако
Дело тут не только в щах.

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.

Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой,—

Без тебя, Василий Теркин,
Вася Теркин — мой герой,
А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Что ж еще?.. И все, пожалуй.
Словом, книга про бойца
Без начала, без конца.

Почему так — без начала?
Потому, что сроку мало
Начинать ее сначала.

Почему же без конца?
Просто жалко молодца.

С первых дней годины горькой,
В тяжкий час земли родной

So that you can swear you've never
Tasted better Army grub:
Leaves you fit to fight forever,
Fit to tackle anything;
Fit as twenty men—
However
Soup is not the only thing.

Without any food inside you,
You can march a day and thrive;
But without your mates beside you,
And no stories to delight you,
It's a problem to survive;

Without baccy for the smoking
When it's "All Clear!" for a time;
Without laughing, without joking,
(Hey, pass this one down the line!);

Without you, Vassili Tyorkin,
Vasya Tyorkin, hero mine.
But you just can't go on living
Without one thing most of all.
What is that? The truth, arriving
Harsh, relentless, undeceiving,
Soulwards mercilessly driving,
Bitter though it be as gall.

Finally, it needs explaining
Why this soldier's book was penned—
No beginning and no end.

Why, you'll ask me, no beginning?
Well, there was no time for spinning
All this yarn from the beginning.

Why is it without an end?
So that we can spare our friend.

From the first days of affliction,
In the homeland's hour of grief,

10

Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой,

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне.
Делу время, час забаве,
Дорог Теркин на войне.

Как же вдруг тебя покину?
Старой дружбы верен счет.

Словом, книгу с середины
И начнем. А там пойдет.

11

You and I, Vassili Tyorkin,
Bosom friends became for life.

I would never dare forgo you,
There is so much that I owe you,
So much that I'm grateful for.
It has been a joy to know you.
Tyorkin, dear in time of war.

Can I leave you without warning?
Friendship calls for loyalty.

So we'll make our real beginning
Halfway through. And then we'll see.

НА ПРИВАЛЕ

— Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колесах прямо.
Суп — во-первых. Во-вторых,
Кашу в норме прочной.
Нет, старик он был старик
Чуткий — это точно.

Слышь, подкинь еще одну
Ложечку такую,
Я вторую, брат, войну
На веку воюю.
Оцени, добавь чуток.

Покосился повар:
«Ничего себе едок —
Парень этот новый».
Ложку лишнюю кладет,
Молвит несердито:
— Вам бы, знаете, во флот
С вашим аппетитом.

BIVOUAC

"He had genius, some old chap:
Found a way of boiling
Soup with never spill or slop
While the kitchen's rolling.
First, soup piping hot, and then
Kasha for your mess-tin.
Yes, he was a bright old man,
There can be no question!

"Dish us out a spoonful more.
Here, let's have another!
This is not my only war,
It's my second, brother!
One more dab—it's only fair."

Cook is slightly startled.
"Well, we've got a right one here.
This new lad's an eater."
Slaps some extra on his plate,
Growls, but not in anger,
"Better join the Navy, mate,
If you're always hungry."

14

Тот: — Спасибо. Я как раз
Не бывал во флоте.
Мне бы лучше, вроде вас,
Поваром в пехоте. —
И, усевшись под сосной,
Кашу ест, сутулясь.
«Свой?» — бойцы между собой,—
«Свой!» — переглянулись.

И уже, пригревшись, спал
Крепко полк усталый.
В первом взводе сон пропал,
Вопреки уставу.
Привалясь к стволу сосны,
Не щадя махорки,
На войне насчет войны
Вел беседу Теркин.

— Вам, ребята, с серединки
Начинать. А я скажу:
Я не первые ботинки
Без починки здесь ношу.
Вот вы прибыли на место,
Ружья в руки — и воюй.

А кому из вас известно,
Что такое сабантуй?

— Сабантуй — какой-то праздник?
Или что там — сабантуй?

— Сабантуй бывает разный,
А не знаешь — не толкуй.
Вот под первою бомбежкой
Полежишь с охоты в лежку,
Жив остался — не горюй:
— Это малый сабантуй.

Отдышись, покушай плотно,
Закури и в ус не дуй.
Хуже, брат, как минометный
Вдруг начнется сабантуй.

15

"Thanks, but that would never do,
Tyorkin in the Navy.
Let me be a cook like you,
Always in the gravy."
And he sits beneath a tree,
Shoulder hunching over.

"One of us!" the lads agree,
Winking at each other.

All the regiment now snores
Full of evening rations,
Number One Platoon ignores
Army Regulations.
Leaning up against his tree,
See Vassili Tyorkin
Dishing out most generously
Wisdom and *makhorka.**

"No need for preliminaries;
I'm not one of your recruits,
And I've worn out in the service
Many a pair of Army boots.
Brand-new uniforms and rifles,
Straight off to the front, that's you.
But can any of you soldiers
Tell me what's a *sabantu***?"

"*Sabantu*? Dunno. Or maybe
It's Mongolian for booze?"
"Don't show up your ignorance, matie.
There's three sorts of sabantus.
Air-raid warning. Helter-skelter
To the nearest ditch for shelter.
You'll survive it. Don't get blue.
That's a ***little*** *sabantu.*

"Have a breather. Get some food down.
Smoke. So that's an air raid! Pooh!
Then old Jerry starts a showdown
With a mortar *sabantu.*

* Low-grade tobacco.
** Normally, a spree or celebration.

16

Тот проймет тебя поглубже,—
Землю-матушку целуй.
Но имей в виду, голубчик,
Это — средний сабантуй.

Сабантуй — тебе наука,
Враг лютует — сам лютуй.
Но совсем иная штука
Это — главный сабантуй.

Парень смолкнул на минутку,
Чтоб прочистить мундштучок,
Словно исподволь кому-то
Подмигнул: держись, дружок...

— Вот ты вышел спозаранку,
Глянул — в пот тебя и в дрожь:
Прут немецких тыща танков...
— Тыща танков? Ну, брат, врешь.

— А с чего мне врать, дружище?
Рассуди — какой расчет?
— Но зачем же сразу — тыща?
— Хорошо. Пускай пятьсот.

— Ну, пятьсот. Скажи по чести,
Не пугай, как старых баб.
— Ладно. Что там триста, двести—
Повстречай один хотя б...

— Что ж, в газетке лозунг точен:
Не беги в кусты да в хлеб.
Танк — он с виду грозен очень,
А на деле глух и слеп.

— То-то слеп. Лежишь в канаве,
А на сердце маята:
Вдруг как сослепу задавит,—
Ведь не видит ни черта.

Повторить согласен снова:
Что не знаешь — не толкуй.
Сабантуй — одно лишь слово —
Сабантуй!.. Но сабантуй

17

"This time, all those bangs and whizzes
Really scare the pants off you.
But remember, brother, this is
Just a ***medium*** *sabantu.*

"*Sabantus* teach you a lesson.
Fritz gets rough and so should you.
Quite a different proposition
Is a ***super-sabantu.***"

Tyorkin pauses here, delaying,
Cleans his mouthpiece for a bit.
Winks at someone, as if saying,
"Just a moment. Wait for it!..."

"Up you get as day is dawning,
Take a look and—suffering cats!
German tanks—a thousand—coming...."
"German tanks—a thousand? Rats!"

"Listen, would I fool you, brother?
No sense trying anyway."
"How come all those tanks together?"
"Well, all right. Five hundred, say."
"Still too many tanks. You've blundered.
Needn't try to scare us, son."

"Say, three hundred, or two hundred...
Well, if you insist—just one."

"Like it tells you on the poster,
'Don't dash into scrub or grain!'
Though your tank may look a monster,
He's stone-deaf and blind, that's plain."

"Sure! Down in a ditch you're lying,
And your heart goes pit-a-pat.
Since he can't see where he's going,
Suddenly he'll squash you flat.

"Don't show off your ignorance, matie,
Don't talk such a lot of rot.
Sabantu seems nothing, maybe,
But a word—and yet, and yet

18

Может в голову ударить,
Или попросту, в башку.
Вот у нас один был парень...
Дайте, что ли, табачку.

Балагуру смотрят в рот,
Слово ловят жадно.
Хорошо, когда кто врет
Весело и складно.

В стороне лесной, глухой,
При лихой погоде,
Хорошо, как есть такой
Парень на походе.

И несмело у него
Просят: — Ну-ка, на ночь
Расскажи еще чего,
Василий Иваныч...

Ночь глуха, земля сыра.
Чуть костер дымится.

— Нет, ребята, спать пора,
Начинай стелиться.

К рукаву припав лицом,
На пригретом взгорке
Меж товарищей бойцов
Лег Василий Теркин.

Тяжела, мокра шинель,
Дождь работал добрый.
Крыша — небо, хата — ель,
Корни жмут под ребра.

Но не видно, чтобы он
Удручен был этим,
Чтобы сон ему не в сон
Где-нибудь на свете.

19

It can smack you on the noddle,
Otherwise known as the bonce.
(Got some baccy, anybody?)
We'd a laddie with us once...."

And they hang on every word,
Scared to lose a minute;
Good to have a wag like him
Serving with the unit.

In the forest dark and grim,
When the cold winds bite you,
Good to have a lad like him
Marching there beside you.

And they ask him, all polite,
"Tell another yarn which
We could end on for the night,
Vassili Ivanych."

Still the night and damp the ground,
Campfire embers fading....

"No, lads. Time for kipping down.
Organise your bedding."

Face half-buried in his arm,
Flat out on his stomach,
Tyorkin settles, snug and warm,
On a grassy hummock.

Damp his heavy greatcoat feels.
Fine rain drizzling lightly;
Sky for roof and trees for walls,
Tree-roots hurting slightly.

But he never gives a sign
That he's feeling restless.
You would think him bedded down
On a feather mattress.

20

Вот он полы подтянул,
Укрывая спину,
Чью-то тещу помянул,
Печку и перину.

И приник к земле сырой,
Одолен истомой,
И лежит он, мой герой,
Спит себе, как дома.

Спит — хоть голоден, хоть сыт,
Хоть один, хоть в куче.
Спать за прежний недосып,
Спать в запас научен.

И едва ль герою снится
Всякой ночью тяжкий сон:
Как от западной границы
Отступал к востоку он;

Как прошел он, Вася Теркин,
Из запаса рядовой,
В просоленной гимнастерке
Сотни верст земли родной.

До чего земля большая,
Величайшая земля.
И была б она чужая,
Чья-нибудь, а то — своя.

Спит герой, храпит — и точка.
Принимает все, как есть.
Ну, своя — так это ж точно.
Ну, война — так я же здесь.

Спит, забыв о трудном лете.
Сон, забота, не бунтуй.
Может, завтра на рассвете
Будет новый сабантуй.

Спят бойцы, как сон застал,
Под сосною впóкат,
Часовые на постах
Мокнут одиноко.

Then he gives his coat a hitch,
Since his back feels colder;
Silently, he starts to bitch,
Just like any soldier.

On the damp ground lying prone,
Very tired and weary,
Just as in his bed at home
Sleeps my gallant hero.

Cold or hungry, he's adept,
Sleeping to some purpose;
Catching up when underslept,
Storing up a surplus.

But there's one thing, while he's resting,
Spoils his sleep some nights at least:
And that's how he left the Western
Border-line, retreating East.

How he trudged, did Private Tyorkin,
Through his homeland in retreat,
Verst on verst, with tunic soaking,
Aching heart and aching feet.

Vast and boundless is our homeland,
And no matter where you stray,
It is yours, it is your own land,
You belong there anyway.

Tyorkin snores. There's no more to it.
He just takes things as they come.
"I belong, and well I know it.
Russia needs me. Here I am!"

Sleep. Forget the summer's sorrow.
Worrying's no good to you.
Maybe dawn will bring tomorrow
Yet another *sabantu.*

And the men sleep on the ground
Underneath the pine trees,
While the rain comes drizzling down
On the lonely sentries.

Зги не видно. Ночь вокруг.
И бойцу взгрустнется.
Только что-то вспомнит вдруг,
Вспомнит, усмехнется.

И как будто сон пропал,
Смех прогнал зевоту.

— Хорошо, что он попал,
Теркин, в нашу роту.

* * *

Теркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

И чтоб знали, чем силен,
Скажем откровенно:
Красотою наделен
Не был он отменной.

Не высок, не то чтоб мал,
Но герой — героем.
На Карельском воевал —
За рекой Сестрою.

И не знаем почему,—
Спрашивать не стали,—
Почему тогда ему
Не дали медали.

С этой темы повернем,
Скажем для порядка:
Может, в списке наградном
Вышла опечатка.

23

Pitch-black night. The sentry there
Stands, in some dejection.
Then he grins from ear to ear
At some recollection.

Sleep is banished right away,
Yawning turns to laughter.

"Now that Tyorkin's come to stay,
Things'll be much better."

* * *

Tyorkin, who might he be, pray?
No need to be chary:
He's a fellow, you might say,
Rather ordinary.

Still, he's really quite a lad,
Got something about him.
There's no Army company
Or platoon without him.

Is he handsome of aspect?
No need to be chary:
We must answer with regret,
Frankly, no, not very.

Not so tall as soldiers go;
But true hero's mettle
During the Karelian show
He displayed in battle.

And we really don't know why
(Not that we would meddle)
Vasya Tyorkin's bravery
Didn't rate a medal.

Shall we give this one a miss?
It would be much fairer
Just to say the Honours List
Had a printer's error.

24

Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!

В строй с июня, в бой с июля,
Снова Теркин на войне.

— Видно, бомба или пуля
Не нашлась еще по мне.

Был в бою задет осколком,
Зажило — и столько толку.
Трижды был я окружен,
Трижды — вот он! — вышел вон.

И хоть было беспокойно —
Оставался невредим
Под огнем косым, трехслойным,
Под навесным и прямым.

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблен...

Но, однако,
Жив вояка,
К кухне — с места, с места — в бой.
Курит, ест и пьет со смаком
На позиции любой.

Как ни трудно, как ни худо —
Не сдавай, вперед гляди,

Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.

25

Never mind what's on your chest,
Look ahead and keep abreast!

June—called up. July—in action.
Tyorkin's in the wars again.

"Contrary to expectation,
Still no bullet with my name.

"In the fighting I was wounded
By a fragment—just a nip.
And three times I was surrounded,
And three times I gave the slip.

"And though feeling mildly nervous,
I've come through (and it was dire)
Indirect and cross, as well as
Overhead and triple fire.

"To the long route-march accustomed,
Often on the dusty road
I've been partially dispersed, and
I've been partially destroyed."

But he's still
Alive and kicking:
Kitchen—camp-site—battle station.
Gaily eating, drinking, smoking,
Whether waiting or in action.

When you think you can't be winning,
Don't give up, but look ahead.

This is only the beginning,
Now the story starts instead.

26

ПЕРЕД БОЕМ

— Доложу хотя бы вкратце,
Как пришлось нам в счет войны
С тыла к фронту пробираться
С той, с немецкой стороны.

Как с немецкой, с той зарецкой
Стороны, как говорят,
Вслед за властью за советской,
Вслед за фронтом шел наш брат...

Шел наш брат, худой, голодный,
Потерявший связь и часть,
Шел поротно и повзводно,
И компанией свободной,
И один, как перст, подчас.

Полем шел, лесною кромкой,
Избегая лишних глаз,
Подходил к селу в потемках,
И служил ему котомкой
Боевой противогаз.

BEFORE BATTLE

Here's reporting how a soldier
In those unpropitious times
Headed frontwards from the rear,
From behind the German lines;

From the wrong side of the river,
As the lads all used to say,
Towards the embattled Soviet armies,
Gaining slowly day by day.

How he marched, gaunt with privation,
All communications gone,
With this squad or with that section,
Or with any chance collection,
Or entirely on his own.

Crossing fields and skirting forests,
Steering clear of alien eyes,
Nearing villages in darkness,
All his gear inside his Service
Gas-mask, carried knapsack-wise.

28

Шел он, серый, бородатый,
И, цепляясь за порог,
Заходил в любую хату,
Словно чем-то виноватый
Перед ней. А что он мог!

И по горькой той привычке,
Как в пути велела честь,
Он просил сперва водички,
А потом просил поесть.

Тетка — где ж она откажет?
Хоть какой, а все ж ты свой.
Ничего тебе не скажет,
Только всхлипнет над тобой,
Только молвит, провожая:
— Воротиться дай вам бог...

То была печаль большая,
Как брели мы на восток.

Шли худые, шли босые
В неизвестные края.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя!

Шли, однако. Шел и я...

Я дорогою постылой
Пробирался не один.
Человек нас десять было,
Был у нас и командир.

Из бойцов. Мужчина дельный,
Местность эту знал вокруг.
Я ж, как более идейный,
Был там как бы политрук.

Шли бойцы за нами следом,
Покидая пленный край.
Я одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай.

29

Dusty, ashen-faced, unshaven,
Clutching at the lintel post,
If he called at any cabin,
He was haunted by some craven
Sense of guilt for so much lost.

And obedient to the bitter
Custom of that long retreat,
First he'd beg a glass of water,
Then he'd beg a bite to eat.

Grannie can't refuse him lightly—
Ours, whoever he may be—
Though she may be weeping slightly,
Not another word says she,
Only, "So you have to leave us?
May God send you back at least."

Sad the story was and grievous
Of our trek towards the east.

Marching barefoot, marching hungry,
Into regions no one knew.
What's ahead? Where are you, Russia?
How much is there left of you?

On they marched. And I did, too.

I was not the only soldier
Pushing down that road through hell.
There were ten of us together,
And an NCO as well.

From the ranks. A canny fellow.
Knew those parts. I was a kind
Of political adviser
Being seriously inclined.

And the men brought up behind us,
Leaving lands no more our own.
My political advice was
Just,
"Don't let them get you down.

30

Не зарвемся, так прорвемся,
Будем живы — не помрем.
Срок придет, назад вернемся,
Что отдали — все вернем.

Самого б меня спросили,
Ровно столько знал и я,
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?

Командир шагал угрюмо,
Тоже, исподволь смотрю,
Что-то он все думал, думал...
— Брось ты думать,— говорю.

Говорю ему душевно.
Он в ответ и молвит вдруг:
— По пути моя деревня.
Как ты мыслишь, политрук?

Что ответить? Как я мыслю?
Вижу, парень прячет взгляд,
Сам поник, усы обвисли.
Ну, а чем он виноват,
Что деревня по дороге,
Что душа заныла в нем?
Тут какой бы ни был строгий,
А сказал бы ты:«Зайдем...»

Встрепенулся ясный сокол,
Бросил думать, начал петь.
Впереди идет далеко,
Оторвался — не поспеть.

А пришли туда мы поздно,
И задами, коноплей,
Осторожный и серьезный,
Вел он всех к себе домой.

Вот как было с нашим братом,
Что попал домой с войны:
Заходи в родную хату,
Пробираясь вдоль стены.

31

"If we play it cool and stick it,
We'll come out of this alive.
We'll be back again. We'll make it.
Wait, our moment will arrive."

Even had the soldiers asked me,
I'd have not known any more:
What's ahead? Where is she, Russia?
How much is there left of her?

Silent our CO and moody,
So I watched him covertly.
He kept brooding, brooding, brooding....
"Here, you think too much," said I.

What I said was meant sincerely,
He gave me a funny look:
"Well, we're at my village, nearly.
What's the verdict, *politruk*?"

Verdict? What am I to tell him?
He won't look me in the eye,
Shoulders bowed, moustaches wilting....
Is it his fault, anyway,
If his home is near the pathway,
If he's feeling sad and low?
Who'd be strict and not give leeway?
Anyone would say, "Let's go!"

Lo, the falcon stretched his pinions,
Brightened up, burst into song;
Left us lagging far behind him
As he swiftly strode along.

It was late when we arrived there.
Wary, watchful, stern of face,
He conducted us through hemp-fields
And back gardens to his place.

That's how many a Russian soldier
Had to pay his folks a call,
Creeping round the family cottage
Flattened up against the wall.

32

Знай вперед, что толку мало
От родимого угла,
Что война и тут ступала,
Впереди тебя прошла,
Что тебе своей побывкой
Не порадовать жену:
Забежал, поспал урывком,
Догоняй опять войну...

Вот хозяин сел, разулся,
Руку правую — на стол,
Будто с мельницы вернулся,
С поля к ужину пришел.
Будто так, а все иначе...
— Ну, жена, топи-ка печь,
Всем довольствием горячим
Мне команду обеспечь.

Дети спят. Жена хлопочет,
В горький, грустный праздник свой,
Как ни мало этой ночи,
А и та — не ей одной.

Расторопными руками
Жарит, варит поскорей,
Полотенца с петухами
Достает, как для гостей.

Напоила, накормила,
Уложила на покой,
Да с такой заботой милой,
С доброй лаской такой,
Словно мы иной порою
Завернули в этот дом,
Словно были мы герои,
И не малые притом.

Сам хозяин, старший воин,
Что сидел среди гостей,
Вряд ли был когда доволен
Так хозяйкою своей.

And be warned—there's little for you
In the place you love the most.
War has stepped in there before you,
War has beat you to the post.
For your wife, small consolation
In those hours of stolen time.
Snatch some fitful sleep, then hasten
Off to find the battle line....

Right arm on the supper table,
Boots off, beaming with good-will,
Sat our host, as comfortable
As if just back from the mill.
Such, at least, was the impression....
"Stoke the fire, love, stoke it well.
CO's orders. Issue rations
Piping hot to personnel!"

The children sleep. But at that bitter
Festive time she never rests.
Though her night is short and precious
Still she shares it with her guests.

Boiling, roasting without respite,
At the steaming stove she stands;
Takes her guests the embroidered towels
As the custom there demands.

Generously she entertained us,
Served us food and drink to spare,
And with fussy, loving kindness
Found us room to sleep somewhere.

As if we had called to see her
When times were not what they were,
As if we were gallant heroes
Home triumphant from the war.

And our host and senior, seated
There among his guests at ease,
Was he ever more delighted
With that darling wife of his?

34

Вряд ли всей она ухваткой
Хоть когда-нибудь была,
Как при этой встрече краткой,
Так родна и так мила.

И болел он, парень честный,
Понимал, отец семьи,
На кого в плену безвестном
Покидал жену с детьми...

Кончив сборы, разговоры,
Улеглись бойцы в дому.
Лег хозяин. Но не скоро
Подошла она к нему.

Тихо звякала посудой,
Что-то шила при огне.
А хозяин ждет оттуда,
Из угла.
Неловко мне.

Все товарищи уснули,
А меня не гнет ко сну.
Дай-ка лучше в карауле
На крылечке прикорну.

Взял шинель да, по присловью,
Смастерил себе постель,
Что под низ, и в изголовье,
И наверх,— и все — шинель.

Эх, суконная, казенная,
Военная шинель,—
У костра в лесу прожженная,
Отменная шинель.

Знаменитая, пробитая
В бою огнем врага
Да своей рукой зашитая,—
Кому не дорога!

On this all too brief occasion
Never did she show more charm,
Leave upon him an impression
More endearing, kind, or warm.

And it grieved him, honest soldier,
Father of a family,
So to leave his wife and children
Doomed to face captivity....

Soon, the evening's talk was over,
All the soldiers hit the sack.
So did he. She didn't join him,
Waited, as if holding back.

Washing up the dishes quietly,
Sitting by the fire to sew.
He lay in the corner, waiting.
Seemed to me
I'd better go.

All my mates were sleeping soundly.
I lay sleepless, open-eyed,
Thought I'd do some sentry duty,
Kip down on the porch outside.

Well, I had no choice of bedding,
And the job was quickly done;
Made my greatcoat do for pillow,
Sheets and blankets—all in one.

How I'd miss you, Army issue
Military coat,
Governmental, free from rental,
Singed-at-campfire coat.

Governmental, free from rental,
Slightly bullet-holed,
Mended duly by yours truly,
Worth your weight in gold.

36

Упадешь ли, как подкошенный,
Пораненный наш брат,
На шинели той поношенной
Снесут тебя в санбат.

А убьют — так тело мертвое
Твое с другими в ряд
Той шинелкою потертою
Укроют — спи, солдат!

Спи, солдат, при жизни краткой
Ни в дороге, ни в дому
Не пришлось поспать порядком
Ни с женой, ни одному...

На крыльцо хозяин вышел.
Той мне ночи не забыть.

— Ты чего?
— А я дровишек
Для хозяйки нарубить.

Вот не спится человеку,
Словно дома — на войне.
Зашагал на дровосеку,
Рубит хворост при луне.

Тюк да тюк. До света рубит.
Коротка солдату ночь.
Знать, жену жалеет, любит,
Да не знает, чем помочь.

Рубит, рубит. На рассвете
Покидает дом боец.

А под свет проснулись дети,
Поглядят — пришел отец.
Поглядят — бойцы чужие,
Ружья разные, ремни.
И ребята, как большие,
Словно поняли они.

If a bullet finds its billet,
Sends you flying over,
No fine stretcher for to fetch yer,
But your greatcoat, brother!

If you fade out, then it's laid out,
With the rest you'll be,
Very dead there in your threadbare
Greatcoat. RIP.

Sleep. In your brief lifetime, soldier,
On the march or safe at home,
You have slept but little, either
With your wife or all alone....

From the house our host emerges.
How can I forget that night?

"Something wrong?"
"Just for the missus...
Firewood's getting kind of light."

He's not in the mood for sleeping.
Though he's home, war still seems near.
And he goes to chop some firewood
In the moonlight, cold and clear.

Chop, chop, chopping until sunrise....
All too soon, it's break of day.
Yes, he loves his wife most dearly,
Wants to help her in some way.

So he hews and hews. For morning's
Light will find our soldier gone.

When the children, waking early,
Looked, and saw their dad was home,
Saw the unfamiliar soldiers,
Different rifles, different gear,
Then they understood, like grown-ups,
And were filled with sudden fear.

38

И заплакали ребята.
И подумать было тут:
Может, нынче в эту хату
Немцы с ружьями войдут...

И доныне плач тот детский
В ранний час лихого дня
С той немецкой, с той зарецкой
Стороны зовет меня.

Я б мечтал не ради славы
Перед утром боевым,
Я б желал на берег правый,
Бой пройдя, вступить живым.

И скажу я без утайки,
Приведись мне там идти,
Я хотел бы к той хозяйке
Постучаться по пути.

Попросить воды напиться —
Не затем, чтоб сесть за стол,
А затем, чтоб поклониться
Доброй женщине простой.

Про хозяина ли спросит,—
«Полагаю — жив, здоров».
Взять топор, шинельку сбросить,
Нарубить хозяйке дров.

Потому — хозяин-барин
Ничего нам не сказал.
Может, нынче землю парит,
За которую стоял...

Впрочем, что там думать, братцы,
Надо немца бить спешить.
Вот и все, что Теркин вкратце
Вам имеет доложить.

And the children started crying,
And you saw in your mind's eye
German soldiers armed with rifles
Bursting in there suddenly....

And that sound of children crying
Calls to me from far away,
From the wrong side of the river
Even to this very day.

In my dreams, awaiting battle,
Not for glory do I strive,
But to make it through the fighting
To that farther shore alive.

And I say it quite sincerely,
Should I reach the other shore,
Then, believe me, I would surely
Knock on that good lady's door.

And I'd beg a glass of water
Not so's to be wined and dined,
But to take my cap off humbly
To a lady good and kind.

Should she ask about her husband—
"No doubt doing fine," I'd say;
Take the axe, throw off my greatcoat,
Chop some firewood for the day.

From our genial host and master
None of us heard any more.
He might well be six feet under
In the soil he battled for.

No two ways about it, fellows.
Smash the Germans soon! In short,
That is all Vassili Tyorkin
Has to say in his report.

ПЕРЕПРАВА

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому темная вода,—
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыхнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

CROSSING OVER

Crossing over! Crossing over!
Left bank, right bank of the river,
Crusted snow and fringe of ice....

Some found memories, some found glory,
Some, the water's dark embrace—
Not a vestige, not a trace.

Night, and leading all the column,
Number One Platoon,
Broke the sheet-ice on the water,
Boarded the pontoons;
Boarded them and pushed off slowly,
And were gone. Next, Number Two.
After them, half-shuffling, stooping,
Number Three got ready too.

Off the pontoons glided slowly,
One by one, like rafts afloat,
Booming in a bass of iron
Like a rooftop underfoot.

42

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они,

Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружней и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад.

Поглядеть — и впрямь — ребята!
Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженый народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи — отцы.

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишьих глаз
Смерть в бою свистела часто
И минет ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом.
А вода ревет правее —
Под подорванным мостом.

Вот уже на середине
Их относит и кружит...

А вода ревет в теснине,
Жухлый лед в куски крошит,
Меж погнутых балок фермы
Бьется в пене и в пыли...

With their bayonets hid in shadow,
Off they sail, silent, intent;
And the faces, so familiar,
Suddenly seem different.

For the lads now standing near you
Aren't the ones you used to know;
Each is closer, each is clearer,
Each is graver, starker, dearer
Than he was an hour ago.

Look—and suddenly it hits you:
All those lads with close-cropped hair,
Whether married men or single,
Are just rookies standing there.

Yet they're going into battle,
Though mere boys and nothing more,
Like their fathers and their comrades
Way back in the Civil War.

Theirs the road down which the Russian
Soldier-toiler had to go,
Flintlock musket on his shoulder,
Some two hundred years ago.

Past the unkempt, tousled temples,
Past the boyish eyes so bright,
Death in battle whistled often—
Will it spare them all tonight?

Now the oarsmen pull together,
Guided by a punting pole;
To their right, beneath a blown-up
Bridge, the waters seethe and roll.

And the current midstream hits them
Broadside on and spins them round....

Roars and booms as through a mill-race,
Cracks the ice and grinds it down,
'Mid the twisted girders flinging
Spray and dust high in the air....

44

А уж первый взвод, наверно,
Достает шестом земли.

Позади шумит протока,
И кругом — чужая ночь.
И уже он так далеко,
Что ни крикнуть, ни помочь.

И чернеет там зубчатый,
За холодною чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над черною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересек наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженых ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо,—
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,

Now the first platoon is punting
Through the shallows over there.

And the rapids boom behind them.
All around—the alien night;
And they're far beyond assistance,
Out of earshot, out of sight.

Black and jagged in the distance,
Past the snowline's chilly gleam,
Looms the distant virgin forest
High above the inky stream.

Crossing over! Crossing over!
Right bank towering ominously....

Blood that night ran in the river
And was carried down to sea.

Sudden through the pitch-black darkness
Blazed a searchlight's spreading beam,
Stabbing with a quivering finger
Slantwise down across the stream.

Then a shell. The water fountained.
Pontoons jammed. No room to spare.
Very tightly packed together
Were the lads with close-cropped hair....

How could anyone forget it,
Seeing helpless soldiers drown—
Live, warm-blooded human beings
Sinking down, and down, and down....

Pandemonium and chaos.
Fritz lays on the heavy stuff....

Then there comes an eerie silence,
And the river crossing's off.

Who was brave and who was timid?
Still the answer is unknown.

Кто там парень расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.

Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нем молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудою взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И усталая с похода,
Что б там ни было,—жнва,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, по́том,
Мерзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом,—
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперед и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно

Did some soldier prove a hero?
There was surely such a one!

Crossing over! Crossing over!
How long must this cold night last?

On the right bank of the river,
Number One Platoon—clings fast.

And the soldiers on the near side
Don't speak of it any more,
As if guilty for their comrades
Stranded on the other shore.

On and on the hours drag slowly.
Will the cold night never pass?
Ice and mud and snow are churned up
Into one great dark morass.

And the soldiers, footsore, weary,
Duly thankful for their lives,
Try to snatch some shut-eye, shivering,
Hands tucked in their greatcoat sleeves.

Shivering, fitfully they slumber,
And the forest in the night
Faintly smells of frozen pine-twigs,
Boots, *makhorka,* human sweat.

And the shore lies still, scarce breathing,
Like those who, without a sound,
Over there, praying for daylight,
Flattened prone upon the ground,
Wait for sunrise, wait for rescue,
Will not let their spirits flag.

Night drags on interminably,
No way forward, no way back....

Or, perhaps, the snowflakes drifting,
On the eyelids lightly sifting,
Still lie sparkling there;

Он не тает в их глазницах
И пыльцой лежит на лицах —
Мертвым все равно.

Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть еще паек им пишет
Первой роты старшина.

Старшина паек им пишет,
А по почте полевой
Не быстрей идут, не тише
Письма старые домой,
Что еще ребята сами
На привале при огне
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы.
Свое сказали
И уже навек правы.

И тверда, как камень, груда,
Где застыли их следы...

Может — так, а может — чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеды.

Долги ночи, жестки зори
В ноябре — к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодною водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть,
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Dusting, powdering cold faces,
With their soft, unmelting traces—
Dead men do not care.

Death for them can hold no terrors,
Frost and wind can scarce be missed,
Though the Quartermaster Sergeant
Keeps them on the rations list;

Keeps them on the list for rations,
And by post, the while,
Neither faster nor yet slower
Posthumously goes the mail:
Family letters that the writers,
Borrowing one another's backs,
Scribbled somewhere in the forests
Out on nightly bivouacs.

Lads from far Siberia, Moscow,
From Kazan and from Ryazan—
Duty done,
They sleep the eternal
Sleep of just and honest men.

And where death came swift upon them
There's a silent, frozen mound....

Or has good luck smiled upon them?
Oh for just one signal from them
That would give us peace of mind!

Long the nights and harsh the dawnings
In November. Winter's close.

Two men sit on sentry duty,
Watching where the river flows.

Is it fancy? Are they dreaming?
Something's moving—not quite clear....
Is it rime upon their eyelids,
Or is something really there?

50

Видят — маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

— Нет, не чурка и не бочка —
Просто глазу маята.
— Не пловец ли одиночка?
— Шутишь, брат. Вода не та!
— Да, вода... Помыслить страшно.
Даже рыбам холодна.
— Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
— Нет, он выплыл бы в шинели,
С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было, — впервой.

Подошел сержант с биноклем.
Присмотрелся: нет, живой.
— Нет, живой. Без гимнастерки.
— А не фриц? Не к нам ли в тыл?
— Нет. А может, это Теркин? —
Кто-то робко пошутил.

— Стой, ребята, не соваться,
Толку нет спускать понтон.
— Разрешите попытаться?
— Что пытаться!
— Братцы, — он!

И, у заберегов корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Теркин,
Встал живой, — добрался вплавь.

Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.

Then they see it—just a pinpoint:
Only driftwood, it might seem,
Or perhaps an empty barrel
Floating gently down the stream.

"That's no driftwood! That's no barrel!"
And they strain their weary eyes.
"Could it be somebody swimming?"
"What? You're joking! In that ice?!"
"Guess you're right. It's cold enough to
Freeze the gills off any fish."
"Maybe one of ours has surfaced,"
Said the first, uneasyish.

And they instantly fell silent,
Till the other sentry said,
"He'd be in his coat and webbing
If he was one of our dead."

And they got the creeps all over,
Strange to this new face of death.

Came the Sergeant with field glasses,
Levelled them, and caught his breath.
"He's alive! Without his tunic."
"Fritz behind our lines, maybe?"
"Or perhaps it's Vasya Tyorkin!"
Said some joker timidly.

"Hold it, lads! Just keep away from
That pontoon! The man can swim!"
"Won't you let us have a go, Sarge?"
"Have a go? What for!"
"It's him!"

Up he rises from the water,
Crashing through the icy crust,
Large as life, Vassili Tyorkin—
Yes, he's made it—only just!

Naked, as if from the bath-house
Only just this moment come.

Ни зубами, ни губами
Не работает — свело.

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не все на кожу тратить?

Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.

А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем.
Что там есть, перекалечим,
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.

— Молодец! — сказал полковник.—
Молодец! Спасибо, брат.

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Tries to speak, but nothing happens:
Jaw and lips are frozen numb.

So they wrapped him up and gave him
Felt boots from a comrade's feet;

Threatened, ordered him, "Keep running,
Even if you *are* dead beat!"

At HQ, a sheltered cabin,
Medics took the lad in charge,
Laid him on a bed to dry him,
Tried an alcohol massage.

And they rubbed him and they rubbed him,
Till he murmured, sleepy-eyed,
"Doctor, Doctor, won't you let me
Have some of that warmth inside?
Please don't waste it on my body!"

So they poured him out a short,
And it worked. Said he, half rising:
"Beg permission to report:
All is well with our platoon.
Jerry will be sorry soon.
Our Lieutenant says, send over
Fire enough to give us cover.

Following the last few crumps,
We'll get up, we'll stir our stumps.
Anything that's there, we'll strafe,
And the crossing will be safe."

He was strictly formal, as if
Game to swim back there and then.

"Well done, soldier!" said the Colonel.
"Thanks! Well done!" said he again.

With a grin by no means timid,
Tyorkin said, "If that's the case,
Then perhaps another snifter
Won't be too much out of place?"

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

55

Very much more than old-fashioned
Was the look that Tyorkin got.
"That's too much, lad,
Two drinks running."
"For two trips—a double shot!... "

Crossing over! Crossing over!
Gunfire booming in the night.

For mere fame and glory—never,
But for life on earth forever
Fight the just and holy fight!

О ВОЙНЕ

— Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.

А война — про все забудь
И пенять не вправе.
Собирался в дальний путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.

От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе — это мы,
Тот народ, Россия.

И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,

CONCERNING WAR

Beg permission to report
That I'm much inclined to
Reach a ripe old age—in short,
Live until I'm ninety.

Drop all that in time of war,
Try not to regret it.
Dreaming of long life in store?
Orders are—forget it!

Year of storm. The wheel has turned.
Now we're answerable
For the people, for the land,
All that's good and noble.

Each Ivan and each Foma,
Live or dead, together
In and of this land we are,
Russia, now and ever.

And, since that means you and me,
Let me put it clearly,

Нам из этой кутерьмы
Некуда податься.

Тут не скажешь: я — не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.

Не велик тебе расчет
Думать в одиночку.
Бомба — дура. Попадет
Сдуру прямо в точку.

На войне себя забудь,
Помни честь, однако,
Рвись до дела — грудь на грудь,
Драка — значит, драка.

И признать не премину,
Дам свою оценку,
Тут не то, что в старину,—
Стенкою на стенку.

Тут не то, что на кулак:
Поглядим, чей дюже,—
Я сказал бы даже так:
Тут гораздо хуже...

Ну, да что о том судить,—
Ясно все до точки.
Надо, братцы, немца бить,
Не давать отсрочки.

Раз война — про все забудь
И пенять не вправе,
Собирался в долгий путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Сколько жил — на том конец,
От хлопот свободен.
И тогда ты — тот боец,
Что для боя годен.

There's no hidey-hole where we
Can escape this mêlée.

No use saying, "I don't know
Anything about it.
It's your scrap, not mine, and so
I'll get by without it."

No use sitting on the fence,
Quietly introspective.
Bombs are stupid. They come down,
Hit you irrespective.

Do not think of self in war,
Strive for honour in it,
And, if there's a fight in store,
Fight it out and win it.

But the time—I must be frank—
Has been long since over
When two armies, rank on rank,
Marched against each other.

No, war's not a boxing match
Just to see who's tougher:
I would even say this much:
Nowadays it's rougher.

But, when all is said and done,
No one would contest it:
Brothers, we must beat the Hun
Giving him no respite.

Drop all else in time of war,
Try not to regret it.
Dreaming of long life in store?
Orders are—forget it!

Young or old, so what! You're free
From your former worries,
And a soldier you can be,
Fit for active service.

И пойдешь в огонь любой,
Выполнишь задачу.
И глядишь — еще живой
Будешь сам в придачу.

А застигнет смертный час,
Значит, номер вышел.
В рифму что-нибудь про нас
После нас напишут.

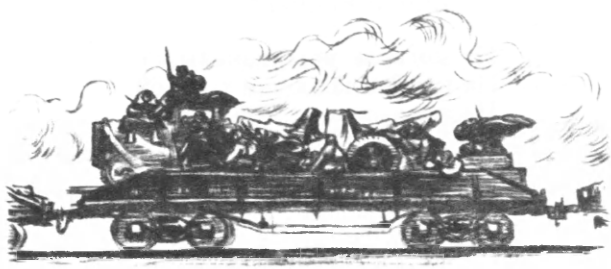
Пусть привруг хоть во сто крат,
Мы к тому готовы,
Лишь бы дети, говорят,
Были бы здоровы...

61

Under heavy fire, be brave,
Carry out your mission,
And if you come out alive,
Well, you've earned remission!

If death strikes you down in time,
Then it's up, your number.
They will write of us in rhyme
When we're six feet under.

Let them burble as they will;
Still they can't upset us,
If our kids are fit and well,
Then that's all that matters.

ТЕРКИН РАНЕН

На могилы, рвы, канавы,
На клубки колючки ржавой,
На поля, холмы — дырявой,
Изувеченной земли,
На болотный лес корявый,
На кусты — снега легли.

И густой поземкой белой
Ветер поле заволок.
Вьюга в трубах обгорелых
Загудела у дорог.

И в снегах непроходимых
Эти мирные края
В эту памятную зиму
Орудийным пахли дымом,
Не людским дымком жилья.

И в лесах, на мерзлой груде,
По землянкам без огней,
Возле танков и орудий
И простуженных коней

TYORKIN WOUNDED

On the mounds of graves, on ditches,
On half-rusted barbed-wire stretches,
On the hills, on open patches
Of the mangled countryside,
In the marshy woods, on bushes—
See the snows of wintertide.

And the ground-wind swathes the meadows
In a white, impervious shroud;
Blizzards boom in gutted chimneys
Down along the empty road.

Locked in snowdrifts quite impassable,
These once quiet and peaceful lands
All this winter unforgettable
Reeked of smoke from guns innumerable,
Not of smoke from ingle brands.

And in dug-outs with no heating,
In the woods, on icy snows,
By their tanks and field-guns waiting
While the patient horses froze,

На войне встречали люди
Долгий счет ночей и дней.

И лихой, нещадной стужи
Не бранили, как ни зла:
Лишь бы немцу было хуже,
О себе ли речь там шла!

И желал наш добрый парень:
Пусть померзнет немец-барин,
Немец-барин не привык,
Русский стерпит — он мужик.

Шумным хлопом рукавичным,
Топотней по целине
Спозаранку день обычный
Начинался на войне.

Чуть вился дымок несмелый,
Оживал костер с трудом,
В закоптелый бак гремела
Из ведра вода со льдом.

Утомленные ночлегом,
Шли бойцы из всех берлог
Греться бегом, мыться снегом,
Снегом жестким, как песок.

А потом — гуськом по стежке,
Соблюдая свой черед,
Котелки забрав и ложки,
К кухням шел за взводом взвод.

Суп досыта, чай до пота,—
Жизнь как жизнь.
И опять война — работа:
— Становись!

* * *

Вслед за ротой на опушку
Теркин движется с катушкой,

Soldiers learnt the tedious wartime
Count of endless nights and days.

Yet the cold, however evil,
None of them saw fit to curse,
Just as long as Fritz was finding
Things considerably worse.

For the lads were thinking: please,
Let the German lordling freeze.
Fritz won't find it very pleasant,
Ours can take it—he's a peasant.

Army mittens loudly slapping,
Tramp of boots on fallow ground—
Every routine day in wartime
Started with those early sounds.

Lazy whisps of smoke upcurling,
Flames fanned up from embers pale....
Into sooty cauldron tumbled
Ice and water from the pail.

Underslept and tired, the soldiers
Crawl from lairs on every hand,
Run for warmth, and wash themselves in
Snow as harsh and dry as sand.

Then they file along the footpath
In strict order, taking turns,
Spoons and mess-tins at the ready,
For the kitchens, by platoons.

Full of soup, with hot tea sweating—
War or no war, men must eat.
Then it's back to routine duties—
"On your feet!"

* * *

Following his unit, Tyorkin
With a drum of wire is working,

Разворачивает снасть,—
Приказали делать связь.

Рота головы пригнула.
Снег чернеет от огня.
Теркин крутит: — Тула, Тула!
Тула, слышишь ты меня?

Подмигнув бойцам украдкой:
Мол, у нас да не пойдет,—
Дунул в трубку для порядку,
Командиру подает.

Командиру все в привычку,—
Голос в горсточку, как спичку
Трубку книзу, лег бочком,
Чтоб поземкой не задуло.
Все в порядке.
— Тула, Тула,
Помогите огоньком...

Не расскажешь, не опишешь,
Что за жизнь, когда в бою
За чужим огнем расслышишь
Артиллерию свою.

Воздух круто завивая,
С недалекой огневой
Ахнет, ахнет полковая,
Запоет над головой.

А с позиций отдаленных,
Сразу будто бы не в лад,
Ухнет вдруг дивизионной
Доброй матушки снаряд.

И пойдет, пойдет на славу,
Как из горна, жаром дуть,
С воем, с визгом шепелявым
Расчищать пехоте путь,
Бить, ломать и жечь в окружку.
Деревушка? — Деревушку.

In accordance with instructions
Laying down communications.

All the Company keep their heads down.
Black the snow with enemy fire.
Tyorkin cranks the handle: "Tula,
Tula, Tula, are you there?"

He winks slyly at his comrades:
"Thought you said it wouldn't go!"
Blows discreetly down the mouthpiece,
Passes it to the CO.

And the CO, practised, calm,
Cups his voice inside his palm,
Like a match, lies low for cover,
Back turned to the icy breeze.
Yes, it's working!
"Tula, please,
Send a bit of barrage over!"

There's no telling, no describing
What it feels like when you hear
Your own guns above the enemy's,
Thundering, booming in the rear.

From the regimental gun lines
Not so very far away,
Shells come whizzing steeply upwards,
Sighing, singing on their way.

From the grand old parent unit,
Out of tune with all the rest,
Comes a *whoosh*! as the Division
Sends one over of the best.

On to glory it goes sailing,
On, to breathe its flames of wrath,
Howling, keening, whining, wailing,
Clearing for the troops a path,
All around it smashing, burning,
Villages to rubble turning,

Дом — так дом. Блиндаж — блиндаж.
Врешь, не высидишь — отдашь!

А еще остался кто там,
Запорошенный песком?
Погоди, встает пехота,
Дай достать тебя штыком.

Вслед за ротою стрелковой
Теркин дальше тянет провод.
Взвод — за валом огневым,
Теркин с ходу — вслед за взводом,
Топит провод, точно в воду,
Жив-здоров и невредим.

Вдруг из кустиков корявых,
Взрытых, вспаханных кругом,—
Чох! — снаряд за вспышкой ржавой.
Теркин тотчас в снег — ничком.

Вдался вглубь, лежит — не дышит,
Сам не знает: жив, убит?
Всей спиной, всей кожей слышит,
Как снаряд в снегу шипит...

Хвост овечий — сердце бьется.
Расстается с телом дух.
«Что ж он, черт, лежит — не рвется,
Ждать мне больше недосуг».

Приподнялся — глянул косо.
Он почти у самых ног —
Гладкий, круглый, тупоносый,
И над ним — сырой дымок.

Сколько б душ рванул на выброс
Вот такой дурак слепой
Неизвестного калибра —
С поросенка на убой.

Оглянулся воровато,
Подивился — смех и грех:

Hamlet, house, or parapet...
Useless—you'll surrender yet!

Is there someone lying low there,
Covered by a shower of grit?
Wait until our lads with bayonets
Come and get you out of it!

And the men go into action
With the barrage for protection,
Tyorkin bringing up behind;
Seemingly inviolable,
Carefully unreeling cable,
As a fisherman his line.

Rusty flash among the bushes
On the shell-torn, pitted ground,
And a shell lands with a wallop.
Tyorkin hits the snow face down,

Burrows deep and lies, scarce breathing.
Still alive? He doesn't know.
Gooseflesh at the sound of something
Hissing near him in the snow.

Craven panic. Heart thumps wildly.
Soul and flesh part company.
"Won't the blasted thing go off, then?
Can't lie here all day," thinks he.

Half-erect, he twists his head round.
Yes—just by his feet—it's there!
Round and smooth and snubby-snouted,
Smoking damply in the air.

Many souls could be sent packing
By that blind and stupid beast
Of the calibre uncertain,
Like a piglet for a feast.

Tyorkin warily looks round him,
Bursts out laughing. What d'you know!

Все кругом лежат ребята,
Закопавшись носом в снег.

Теркин встал, такой ли ухарь,
Отряхнулся, принял вид:
— Хватит, хлопцы, землю нюхать,
Не годится,— говорит.

Сам стоит с воронкой рядом
И у хлопцев на виду,
Обратясь к тому снаряду,
Справил малую нужду...

Видит Теркин погребушку —
Не оттуда ль пушка бьет?
Передал бойцам катушку:
— Вы — вперед. А я — в обход.

С ходу двинул в дверь гранатой.
Спрыгнул вниз, пропал в дыму.
— Офицеры и солдаты,
Выходи по одному!..

Тишина. Полоска света.
Что там дальше — поглядим.
Никого, похоже, нету.
Никого. И я один.

Гул разрывов, словно в бочке,
Отдается в глубине.
Дело дрянь: другие точки
Бьют по занятой. По мне.

Бьют неплохо, спору нету.
Добрым словом помяни
Хоть за то, что погреб этот
Прочно сделали *они*.

Прочно сделали, надежно —
Тут не то что воевать,
Тут, ребята, чай пить можно,
Стенгазету выпускать.

All the lads are lying round him
With their faces in the snow.

Up gets Tyorkin, dusts the snow off
With a most superior air.
"No use grovelling on the ground, lads,
That won't get you anywhere."

There he stands beside a crater
And, in full view of them all,
Turns towards the shell close by him,
And obeys a natural call....

Tyorkin spots a kind of cellar:
That's the gun-site there, maybe.
Gives his mates the coil. "Keep moving,
While I double round," says he.

Then he lobs one through the doorway.
Smoke and dust hide him from view.
"German officers and rankers,
Come out singly, all of you!"

Silence. Strip of light below there.
Better look inside and see.
Not a sign of anybody.
Not a soul in here. Just me.

Then the cellar, like a barrel,
Booms, reverberates within.
This is bad. One gun-site taken,
Now there's others ranging in....

Bang on target! Must admit it—
Give Fritz credit where it's due—
When he built this place, he made it
To withstand a thing or two.

Yes, he built it good and solid,
Not for fighting in at all.
You could organise a buffet,
Run off news-sheets for the wall.

Осмотрелся, точно в хате:
Печка теплая в углу,
Вдоль стены идут полати,
Банки, склянки на полу.

Непривычный, непохожий
Дух обжитого жилья:
Табаку, одежи, кожи
И солдатского белья.

Снова сунутся? Ну что же,
В обороне нынче — я...
На прицеле вход и выход,
Две гранаты под рукой.

Смолк огонь. И стало тихо.
И идут — один, другой...

Теркин, стой. Дыши ровнее.
Теркин, ближе подпусти.
Теркин, цельсь. Бей вернее,
Теркин. Сердце, не части.

Рассказать бы вам, ребята,
Хоть не верь глазам своим,
Как немецкого солдата
В двух шагах видал живым.

Подходил он в чем-то белом,
Наклонившись от огня,
И как будто дело делал:
Шел ко мне — убить меня.

В этот ровик, точно с печки,
Стал спускаться на заду...

Теркин, друг, не дай осечки.
Пропадешь,— имей в виду.

За секунду до разрыва,
Знать, хотел подать пример:
Прямо в ровик спрыгнул живо
В полушубке офицер.

Cosy as a country cottage,
Corner stove still warm, what's more;
Bunks along the wall for sleeping,
Jars and bottles on the floor.

Never seen a dug-out like it;
Smells so warm and lived-in here....
Piles of clothes, tobacco, leather,
Army issue underwear....

Will they sneak back in? All right, then,
I'm the one in charge this time.
Tommy-gun aimed at the doorway,
Two grenades to hand, both primed....

No more shelling. Sudden silence.
Here's the first ... one more behind....

Tyorkin, steady. Take it easy.
Tyorkin, wait—don't fire in haste.
Tyorkin, aim. Don't miss the target,
Tyorkin. Heart, don't beat so fast.

I could scarce believe my eyes, lads,
But it happened, true enough:
There I saw a German soldier
Large as life two paces off!

Wearing something white, and charging
Under fire with lowered head—
Evidently meaning business—
In a word—to shoot me dead.

As from off the stove in winter,
Down he slid on his behind....

Tyorkin, chum, you mustn't miss him,
Else you're sunk—bear that in mind.

Just before the bang resounded—
Showing leadership, that's clear,
Down into the ditch there bounded,
Sheepskin-clad, an officer.

И поднялся незадетый,
Цельный. Ждем за косяком.
Офицер — из пистолета,
Теркин — в мягкое — штыком.

Сам присел, присел тихонько.
Повело его легонько.
Тронул правое плечо.
Ранен. Мокро. Горячо.

И рукой коснулся пола:
Кровь,— чужая иль своя?

Тут как даст вблизи тяжелый,
Аж подвинулась земля!

Вслед за ним другой ударил,
И темнее стало вдруг.

«Это — наши,— понял парень,—
Наши бьют,— теперь каюк».

Оглушенный тяжким гулом,
Теркин никнет головой.
Тула, Тула, что ж ты, Тула,
Тут же свой боец живой.

Он сидит за стенкой дзота,
Кровь течет, рукав набряк.
Тула, Тула, неохота
Помирать ему вот так.

На полу в холодной яме
Неохота нипочем
Гибнуть с мокрыми ногами,
Со своим больным плечом.

Жалко жизни той, приманки,
Малость хочется пожить,
Хоть погреться на лежанке,
Хоть портянки просушить...

Quite unscathed, up leapt the German.
Dodge behind the door and wait!
As the other fired his pistol,
Tyorkin used his bayonet,

And he sank, sank very slowly,
Sitting down somewhat askew,
And he felt his right-hand shoulder.
Wounded. Warm. And sticky, too.

Then he touched the ground beside him.
Blood. But whose blood? Goodness knows!

Then a heavy shell exploded,
And the earth shook. That was close!

Then a second heavy landed.
All went darker than before.

"Our artillery," thought Tyorkin.
"Now you've had it, mate, for sure!"

Deafened by the racket, Tyorkin
Bows his head in sheer despair.
Tula, Tula, why d'you do it,
When there's one of yours down here?

On the dug-out floor he huddles,
Arm limp, bleeding steadily.
Tula, Tula, calling Tula,
This is not a way to die.

Shivering in this blighted hell-hole,
What a useless way to go,
With a badly wounded shoulder,
And with both your feet wet through.

Leaving this sweet life so early,
When you'd like a bit more time,
Just to dry out on the stove-shelf,
Drape your puttees* on the line.

* Probably the nearest equivalent to the *portyanki* or footcloths which the Russian soldiers wound round their feet and ankles in lieu of socks. They were warmer and more practical in Russian winter conditions.— *Tr.*

Теркин сник. Тоска согнула.
Тула, Тула... Что ж ты, Тула?
Тула, Тула. Это ж я...
Тула... Родина моя!..

* * *

А тем часом издалека,
Глухо, как из-под земли,
Ровный, дружный, тяжкий рокот
Надвигался, рос. С востока
Танки шли.

Низкогрудый, плоскодонный,
Отягченный сам собой,
С пушкой, в душу наведенной,
Страшен танк, идущий в бой.

А за грохотом и громом,
За броней стальной сидят,
По местам сидят, как дома,
Трое-четверо знакомых
Наших стриженых ребят.

И пускай в бою впервые,
Но ребята — свет пройди.
Ловят в щели смотровые
Кромку поля впереди.

Видят — вздыбился разбитый,
Развороченный накат.
Крепко бито. Цель накрыта.
Ну, а вдруг как там сидят!

Может быть, притих до срока
У орудия расчет?
Развернись машина боком —
Бронебойным припечет.

Или немец с автоматом,
Лезть наружу не дурак,
Там следит за нашим братом,
Выжидает. Как не так

Tyorkin hangs his head, despairing.
Tula, what's come over you?
Tula, Tula, Tyorkin calling...
Tula.... Hometown, where are you?

Meanwhile, with a distant growling,
Muffled, as if underground,
With a steady, thunderous rolling
From the East the tanks came crawling
Westward bound.

Squat, flat-chested and flat-bottomed,
Into battle rolls the tank,
Terrible to see—its cannon
Aiming at your soul point-blank.

And, behind the armour plating
And the din, quite snug in there,
You might see them in their places,
You might recognise their faces—
Three or four with close-cropped hair.

Though it's their first taste of action,
They're not worried—not a bit,
Scanning the terrain before them
Through the narrow viewing slit.

And they see the shattered roof-beams
Sticking up into the air.
Knocked for six. Objective dealt with.
Any signs of life down there?

Is the gun-crew simply shamming,
Lying doggo for a spell?
Don't swing sideways—they could slam us
With an armour-piercing shell.

Maybe with a sub-machine gun
Fritz is down there, lying low,
Following our movements, waiting
For the moment.... Who's to know?

78

Двое вслед за командиром
Вниз — с гранатой — вдоль стены.
Тишина.— Углы темны...

— Хлопцы, занята квартира,—
Слышат вдруг из глубины.
Не обман, не вражьи шутки,
Голос вправдашный, родной:
— Пособите. Вот уж сутки
Точка данная за мной...

В темноте, в углу каморки,
На полу боец в крови.
Кто такой? Но смолкнул Теркин,
Как там хочешь, так зови.

Он лежит с лицом землистым,
Не моргнет, хоть глаз коли.
В самый срок его танкисты
Подобрали, повезли.

Шла машина в снежной дымке,
Ехал Теркин без дорог.
И держал его в обнимку
Хлопец — башенный стрелок.

Укрывал своей одежой,
Грел дыханьем. Не беда,
Что в глаза его, быть может,
Не увидит никогда...

Свет пройди,— нигде не сыщешь,
Не случалось видеть мне
Дружбы той святей и чище,
Что бывает на войне.

79

Two men follow their commander
With grenades along the wall.
Dark inside. No sound at all.

"Sorry, lads, this flat's been taken,"
Someone there is heard to call.
That's no trick or hanky-panky.
But a real live Russian voice.
"I've held out a day and night here.
Come on, lend a hand, you boys!"

In the darkness in the corner
Lies a soldier drenched in blood.
Who is he? He doesn't answer.
Useless trying—it's no good.

Ashen-faced, he lies unmoving,
Doesn't even blink an eye.
In the nick of time they found him,
Hauled him in, drove him away.

Through a mist of snow they travelled,
Not a sign of roads or farms.
One of them, the turret-gunner,
Cradled Tyorkin in his arms.

Draped his sheepskin round him, warmed him
With his breath, and felt no pain
At the thought of never setting
Eyes upon this man again....

I could search the wide world over
All my living days, before
I would see a thing more holy
Than the comradeship of war.

О НАГРАДЕ

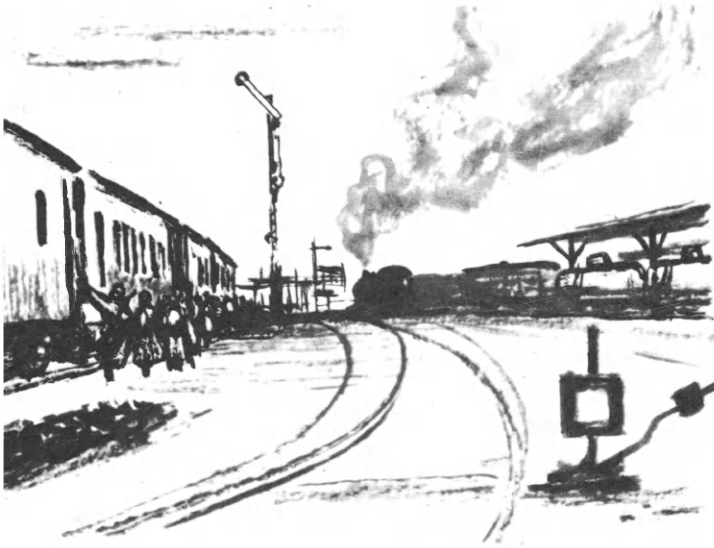
— Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.

Буду ль жив еще! — Едва ли.
Тут воюй, а не гадай.
Но скажу насчет медали:
Мне ее тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
Дело самое простое —
Человек пришел с войны.

Вот пришел я с полустанка
В свой родимый сельсовет.

ON MILITARY DECORATIONS

No, lads, I'm not that conceited:
Without looking far ahead,
I'd say, why give me an Order,
When a gong would do instead?

Yes, a gong. All in good time, though.
Wait until the war's been won.
Wait till I return on furlough
To the place where I was born.

Shall I live to see it? Hardly.
Fight, don't guess in time of war.
Still, I wouldn't mind that medal,
Afterwards, if not before.

Pin it on me if I've earned it.
Try to understand my point:
Me, I'm just another soldier
Home from fighting at the front.

From the railway halt I've walked it
To my local Soviet hall.

Я пришел, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз и в третий —
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.

И, явившись на вечерку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку,
А достал бы я «Казбек».

И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.

И дымил бы папиросой,
Угощал бы всех вокруг.
И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг.

— Как, мол, что? — Бывало всяко.
— Трудно все же? — Как когда.
— Много раз ходил в атаку?
— Да, случалось иногда.

И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.

И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!

Ждет девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего...

There should be a dance this evening...
No? Well, I don't mind at all.

One kolkhoz and then another,
Round the countryside I go.
There must be a social evening
Going on somewhere, I know.

And, arriving at the party,
Though not proud, as I've just said,
I would never smoke *makhorka*,
I'd produce *Kazbeks** instead.

And I'd sit myself right down, lads,
There upon the very seat
Under which a little urchin
Used to dangle two bare feet.

And I'd puff away, and offer
Cigarettes to all nearby.
And to all the many questions
With an air I would reply.

"Just how was it?" "Very varied."
"Was it tough, then?" "Well, so so."
"Did you charge the Germans often?"
"Yes, we sometimes had a go."

And the young girls at the party
Would forget the other boys,
Thrilled to hear my straps of leather
Creaking with a gallant noise.

And I'd joke with all and sundry;
But there'd be one in that throng....
And at such a moment, fellers,
I'd be grateful for that gong!

She'd sit fascinated, hanging
On to every word of mine....

* High-quality Russian cigarettes.— *Tr.*

— Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?

Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка — самый цвет.

— Нет,— сказал Василий Теркин
И вздохнул. И снова: — Нет.
Нет, ребята. Что там орден.
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль.

* * *

Теркин, Теркин, добрый малый,
Что тут смех, а что печаль.
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далеко вдаль.

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвой.
А не носит писем почта
В край родной смоленский твой.

Где девчонки, где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Теркин,
Что туда дороги нет.

Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.

Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

"And you mean to say an Order
Wouldn't help at such a time?

There you're sitting at the party,
And she's quite a peach, you know...."

"No," replied Vassili Tyorkin,
Sighed, and then repeated, "No.
No, lads. No need for an Order.
Let's not look too far ahead.
I'm not proud, as I've just told you,
And a gong would do instead."

* * *

Tyorkin, Tyorkin, decent fellow,
We could laugh and we could cry,
For you've looked into the future
Farther than a man should try.

Leaves there were, and then the buds came,
And the buds grew leaves in turn;
Still no letters to the village
Near Smolensk, where you were born.

Where are all the girls, the parties,
Where's the rural Soviet too?
You know well, Vassili Tyorkin,
There's no going back for you.

There is no returning for you
To the village of your birth.

Fight the battle grim and gory,
Not for fame and not for glory,
But for life upon this Earth.

ГАРМОНЬ

По дороге прифронтовой,
Запоясан, как в строю,
Шел боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
Роту первую свою.

Шел легко и даже браво
По причине по такой,
Что махал своею правой,
Как и левою рукой.

Отлежался. Да к тому же
Щелкал по лесу мороз,
Защемлял в пути все туже,
Подгонял, под мышки нес.

Вдруг — сигнал за поворотом,
Дверцу выбросил шофер,
Тормозит:
— Садись, пехота,
Щеки снегом бы натер.

THE ACCORDION

Down a road, in brand-new greatcoat,
Somewhere near the front-line zone,
As if for inspection belted,
Goes a lad to join his unit,
Rifle Company Number One.

Goes he cheerly, goes he blithely,
And the reason is quite plain:
Healed, his right arm swings as freely
As his left arm once again.

And, what's more, the frost is crackling
In the trees beside the road,
Stinging harder and yet harder,
Spurring onward like a goad.

Suddenly, a toot behind him.
Leaning out, the driver brakes;
Holds the door:
"Quick, hop in, soldier.
Get some snow and rub your cheeks.

Далеко ль?
— На фронт обратно.
Руку вылечил.
— Понятно.
Не герой?
— Покамест нет.
— Доставай тогда кисет.

Курят, едут. Гроб — дорога.
Меж сугробами — туннель.
Чуть ли что, свернешь немного,
Как свернул — снимай шинель.

— Хорошо — как есть лопата.
— Хорошо, а то беда.
— Хорошо — свои ребята.
— Хорошо, да как когда.

Грузовик гремит трехтонный,
Вдруг колонна впереди.
Будь ты пеший или конный,
А с машиной — стой и жди.

С толком пользуйся стоянкой.
Разговор — не разговор.
Наклонился над баранкой,—
Смолк шофер,
Заснул шофер.

Сколько суток полусонных,
Сколько верст в пурге слепой
На дорогах занесенных
Он оставил за собой...

От глухой лесной опушки
До невидимой реки —
Встали танки, кухни, пушки,
Тягачи, грузовики,
Легковые — криво, косо,
В ряд, не в ряд, вперед-назад,
Гусеницы и колеса
На снегу еще визжат.

"Going far?"
"Back to my unit
At the front. Arm hit."
"I get it.
Hero, are you?"
"No, not yet."
"Then give us a cigarette."

Smoke and drive. The road's blue murder,
Just a cutting through the snow.
Swerve a fraction and you're in it:
Greatcoats off and here we go!

"Just as well you've got a shovel."
"Just as well. It would be hell."
"Just as well there's those'll help you."
"Some folks do. It's just as well."

Onward roars the three-ton lorry,
Till a convoy comes in view.
Horse and infantry can skirt it,
Lorries have to join the queue.

Take advantage of the hold-up.
Chat a bit ... well, hardly chat.
Slumped across the wheel, the driver's
Passed out flat,
Just like that.

For how many hours, half-dozing,
Never resting, on the go,
Has the driver put behind him
In all weathers through the snow....

From the outskirts of the forest
To the unseen river, stand
Ordnance, tanks, field kitchens, trailers,
Tractors, lorries, cars—all jammed
Higgledy-piggledy, this way, that way,
Back to front and front to back,
While the tortured snow screams under
Wheel and caterpillar track.

На просторе ветер резок,
Зол мороз вблизи железа,
Дует в душу, входит в грудь—
Не дотронься как-нибудь.

— Вот беда: во всей колонне
Завалящей нет гармони,
А мороз — ни стать, ни сесть...

Снял перчатки, трет ладони,
Слышит вдруг:
— Гармонь-то есть.

Уминая снег зернистый,
Вперемену — пляс не пляс —
Возле танка два танкиста
Греют ноги про запас.

— У кого гармонь, ребята?
— Да она-то здесь, браток...—
Оглянулся виновато
На водителя стрелок.

— Так сыграть бы на дорожку?
— Да сыграть — оно не вред.
— В чем же дело? Чья гармошка?
— Чья была, того, брат, нет.

И сказал уже водитель
Вместо друга своего:
— Командир наш был любитель...
Схоронили мы его.

— Так...— С неловкою улыбкой
Поглядел боец вокруг,
Словно он кого ошибкой,
Нехотя обидел вдруг.

Поясняет осторожно,
Чтоб на том покончить речь:
— Я считал, сыграть-то можно,
Думал, что ж ее беречь.

And out here the wind's pernicious,
Close to iron, the frost is vicious.
It can cut your chest in two;
I'd stand back if I were you!

"All this pile-up—nothing doing,
And no spare accordion going.
We'll get frozen, waiting here...."

Peels his gloves off and starts blowing.
"We've got one,"
says someone near.

Stamping down the powdery snowdust
In a kind of hopping dance,
By their tank, two shivering crewmen
Warm their feet up in advance.

"Well, who's got the squeege-box, fellers?"
"Why, we've got it here, inside...."
And the gunner glanced round, shamefaced,
At his driver by his side.

"Shall I play one for the road, then?"
"Play?... No harm in that, I'm sure...."
"What's the matter, then? Whose is it?"
"He's not with us any more...."

Then the driver interrupted.
"Our commander," ventured he,
"He was very fond of playing.
We've just buried him, you see...."

"Oh..." The soldier glanced around him,
Smiled in his embarrassment,
As if guilty of a blunder
Where no real offence was meant.

And, to smooth the matter over,
He explained himself with care:
"Thought it might be better played on,
Than just lying idle there."

А стрелок:
— Вот в этой башне
Он сидел в бою вчерашнем...
Трое — были мы друзья.

— Да нельзя так уж нельзя.
Я ведь сам понять умею,
Я вторую, брат, войну...
И ранение имею,
И контузию одну.
И опять же — посудите —
Может, завтра — с места в бой...

— Знаешь что,— сказал водитель,—
Ну, сыграй ты, шут с тобой.

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно — гармонист.
Для началу, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

Позабытый деревенский
Вдруг завел, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской
Грустный памятный мотив,

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых
Шел народ, как на огонь.
И кому какое дело,
Кто играет, чья гармонь.

Только двое тех танкистов,
Тот водитель и стрелок,
Все глядят на гармониста —
Словно что-то невдомек.

Что-то чудится ребятам,
В снежной крутится пыли.

Then the gunner:
"He sat through it
Yesterday up in that turret.
We were all great friends, you know."

"Well, of course, then, it's no go.
I can guess just how you're feeling;
This one is my second war.
I've been wounded once in action,
And I've been concussed, what's more,
And, who knows, tomorrow maybe
I'll be in it once again...."

"Oh, well, blow you," said the driver,
"Go ahead and play it, then."

When our soldier took the accordion,
It was clear he knew his stuff,
As he ran his nimble fingers
Down the studs to start things off.

Eyes half closed, he played a haunting
Melody, sad and forlorn,
From somewhere around the country
Near Smolensk, where he was born.

And the ancient squeege-box, lonely
For its master dead and gone,
Warmed things up along the highway
Somewhere near the front-line zone.

From their lorries, white with hoarfrost,
Soldiers poured, as to a fire.
Who was playing whose accordion
They could neither know nor care.

Only two of them, the driver
And the gunner, standing by,
Stared and stared at the musician
In a puzzled kind of way,

As if they were seeing phantoms
In the mists of whirling snow,

Будто виделись когда-то,
Словно где-то подвезли...

И, сменивши пальцы быстро,
Он, как будто на заказ,
Здесь повел о трех танкистах,
Трех товарищах рассказ.

Не про них ли слово в слово,
Не о том ли песня вся.
И потупились сурово
В шлемах кожаных друзья.

А боец зовет куда-то,
Далеко, легко ведет.
— Ах, какой вы все, ребята,
Молодой еще народ.

Я не то еще сказал бы,—
Про себя поберегу.
Я не так еще сыграл бы,—
Жаль, что лучше не могу.

Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу,
И давайте я на шутку
Это все переведу.

Обогреться, потолкаться
К гармонисту все идут.
Обступают.
— Стойте, братцы,
Дайте на руки подуть.

— Отморозил парень пальцы,—
Надо помощь скорую.
— Знаешь, брось ты эти вальсы,
Дай-ка ту, которую...

И опять долой перчатку,
Оглянулся молодцом
И как будто ту трехрядку
Повернул другим концом.

As if they had met the player
Somewhere not so long ago.

He, with swift and nimble fingers,
Started, as if by request,
Playing of the three brave tankmen,
Friends and comrades of the best.

Yes, the song was all about them:
Every detail, every word.
Stern, those two in leather helmets
Bowed their heads at what they heard.

And the soldier worked his magic,
Took them far away somewhere.
"Oh, how young you are, you people,
All you soldier boys out there!

"I would say a lot more, really,
But I'll keep it hid from you.
I would play much better, truly—
It's the best that I can do.

"I forgot myself completely.
Guess the tune went to my head.
That's enough of being serious,
Let's have something gay instead."

All come running to the player
For a warm and chat. They stand
In a circle round him.
"Hold it!
Let me blow upon my hand!"

"Diddums get himself frostbitten?
Better call the ambulance!"
"Listen, never mind those waltzes,
How about a Russian dance?"

Once again he peels his glove off,
Glances challengingly round,
Then he seems to turn that squeege-box
Inside out and upside down.

И забыто — не забыто,
Да не время вспомнинать,
Где н кто лежит убитый
И кому еще лежать.

И кому траву живому
На земле топтать потом,
До жены прийти, до дому,—
Где жена и где тот дом?

Плясуны на пару пара
С места кинулися вдруг.
Задышал морозным паром,
Разогрелся тесный круг.

— Веселей кружитесь, дамы!
На носки не наступать!

И бежит шофер тот самый,
Опасаясь опоздать.

Чей кормилец, чей поилец,
Где пришелся ко двору?
Крикнул так, что расступились:
— Дайте мне, а то помру!..

И пошел, пошел работать,
Наступая и грозя,
Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.

Словно в праздник на вечерке
Половицы гнет в избе,
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.

Подает за штукой штуку:
— Эх, жаль, что нету стуку,
Эх, друг,
Кабы стук,
Кабы вдруг —
Мощеный круг!

Yes, forget — It's not the moment
To remember anyway —
Who's been killed and where he's buried,
Or whose turn will come next day.

Who will live to tread the grasses
On this Earth in time to come,
Go home to his wife and family —
Where's his wife, and where's his home?

And the dancers leave their places,
Coming forward, pair by pair.
Things warm up inside that circle,
Breath steams in the frosty air.

"Come on, ladies, spin more lively!
Mind their toes, gents, as you go!"

Look, here runs the lorry driver,
Desperate not to miss the show.

Who's this father of a family,
Like a bolt come from the blue,
Life and soul of all the party,
Shouting, "Quickly, let me through!"

In he goes to lead the dancing,
Wags his head from side to side,
Improvising steps and movements
Quite impossible to describe,

As if clumping round the dance-floor
On a village holiday,
Letting off a stream of wisecracks,
Gags and patter on the way.

One crack follows on another:
"What we need is floor-boards, brothers!
Damn! Damn!
Just can't slam
With a wham —
Bam-bam-bam!

Кабы валенки отбросить,
Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому — каюк!

А гармонь зовет куда-то,
Далеко, легко ведет...

Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ.

Хоть бы что ребятам этим,
С места — в воду и в огонь.
Все, что может быть на свете,
Хоть бы что — гудит гармонь.

Выговаривает чисто,
До души доносит звук.
И сказали два танкиста
Гармонисту:
— Знаешь, друг...
Не знакомы ль мы с тобою?
Не тебя ли это, брат,
Что-то помнится, из боя
Доставляли мы в санбат?

Вся в крови была одежа,
И просил ты пить да пить...

Приглушил гармонь:
— Ну что же,
Очень даже может быть.

— Нам теперь стоять в ремонте.
У тебя маршрут иной.
— Это точно...
— А гармонь-то,
Знаешь что,— бери с собой.

Забирай, играй в охоту,
В этом деле ты мастак,
Весели свою пехоту.
— Что вы, хлопцы, как же так?..

"What we want is heels of metal
Nailed on each and every boot!
Then we'd stamp in fine old fettle
Till our heels were all kaput!"

And the music works its magic,
Takes them far away somewhere.

"Oh, you are such marvellous people,
All you soldier boys out there!"

Send them all through fire and water,
Yet, wherever they may be,
You will hear an old accordion
Wheezing out some melody.

And its voice is pure and simple,
And your heart thrills to the sound.
Then the gunner and the driver
To the player:
"Listen, friend,
Don't we sort of seem to know you?
Was it you, as we recall,
That we drove away from battle
To the Army hospital?

"Yes, your uniform was bloody,
You were thirsty as can be...."

Sudden silence. "Now you say so,
There's a chance that it was me...."

"We'll be held up on repair work,
You'll be pushing on, of course."
"True enough."
"Then here you are, mate,
You can take that box. It's yours.

"Play it when the fancy takes you.
You're an expert, anyway.
Keep your comrades in good spirits."
"Boys, you can't mean what you say!"

— Ничего,— сказал водитель,—
Так и будет. Ничего.
Командир наш был любитель,
Это — память про него...

И с опушки отдаленной
Из-за тысячи колес
Из конца в конец колонны:
«По машинам!» — донеслось.

И опять увалы, взгорки,
Снег да елки с двух сторон...
Едет дальше Вася Теркин,—
Это был, конечно, он.

101

"Not to worry," said the driver.
"We've made up our minds, you see.
Our commander loved his music;
Keep that in his memory...."

From the fringes of the forest,
As a thousand engines roared,
Echoing up and down the convoy
Came the order, "All aboard!"

Hills and vales again, and snowdrifts,
And the highway flanked with firs.
On he rides, Vassili Tyorkin—
Him and no one else, of course!

ДВА СОЛДАТА

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гудит война.
На печи в избе старуха,
Дед-хозяин у окна.

Рвутся мины. Звук знакомый
Отзывается в спине.
Это значит — Теркин дома,
Теркин снова на войне.

А старик как будто ухом
По привычке не ведет.
— Перелет! Лежи, старуха.—
Или скажет:
— Недолет...

На печи, забившись в угол,
Та следит исподтишка
С уважительным испугом
За повадкой старика,

TWO SOLDIERS

Blizzard whirling round the cabin,
Din of war just three versts off.
Grandpa's sitting by the window,
Grandma's huddled on the stove.

Shells exploding; noise familiar
Tingling up and down the spine,
Meaning, Tyorkin's back on home ground,
Tyorkin's in the wars again.

Veteran Grandpa just ignores it,
Doesn't seem to give a hoot.
"Overshoot! Lie down, old lady!"
Or: "That was an undershoot...."

Shrinking back into the corner,
She's as quiet as a mouse,
Suddenly grown deferential
To the master of the house,

С кем жила — не уважала,
С кем бранилась на печи,
От кого вдали держала
По хозяйству все ключи.

А старик, одевшись в шубу
И в очках подсев к столу,
Как от клюквы, кривит губы —
Точит старую пилу.

— Вот не режет, точишь, точишь,
Не берет, ну что ты хочешь!..—
Теркин встал:
— А может, дед,
У нее развода нет?

Сам пилу берет:
— А ну-ка...—
И в руках его пила,
Точно поднятая щука,
Острой спинкой повела.

Повела, повисла кротко.
Теркин щурится:
— Ну, вот.
Поищи-ка, дед, разводку,
Мы ей сделаем развод.

Посмотреть — и то отрадно:
Завалящая пила
Так-то ладно, так-то складно
У него в руках прошла.

Обернулась — и готово.
— На-ко, дед, бери, смотри.
Будет резать лучше новой,
Зря инструмент не кори.

И хозяин виновато
У бойца берет пилу.
— Вот что значит мы, солдаты,—
Ставит бережно в углу.

Whom she's never much respected,
Whom she's quarrelled with night and day,
And from whom she's long since taken
All the household keys away.

Grimacing as at the flavour
Of unsweetened cranberry juice,
He's at table — fur coat, specs on —
Sharpening a saw. No use.

"Drat this blade! I've sharpened, sharpened,
Still the wretched thing won't bite."
Tyorkin says:
"It could be, Grandad,
You've not got the teeth set right."

Then he takes the saw from Grandpa
And the blade on the incline
Like a pike fished from the river
Curves its long and narrow spine.

Curves and hangs there unprotesting.
Tyorkin frowns.
"H'm, yes, I see....
Find the setter for me, Grandpa,
And we'll fix it properly."

And it is a joy and pleasure
Just to see what Tyorkin's made,
With a few adroit adjustments,
Of that almost useless blade.

He transformed it, as by magic.
"See? Now that would put to shame
Any new one. Doesn't pay, Dad,
Saying that the tool's to blame."

Grandpa takes the saw from Tyorkin,
Guilt is written on his face.
"That's the stuff, men! Up the Army!"
And he stands it in its place.

А старуха:
— Слаб глазами.
Стар годами мой солдат.
Поглядел бы, что с часами,
С той войны еще стоят...

Снял часы, глядит: машина,
Точно мельница, в пыли.
Паутинами пружины
Пауки обволокли.

Их повесил в хате новой
Дед-солдат давным-давно:
На стене простой сосновой
Так и светится пятно.

Осмотрев часы детально,—
Все ж часы, а не пила,—
Мастер тихо и печально
Посвистел:
— Плохи дела...

Но куда-то шильцем сунул,
Что-то высмотрел в пыли,
Внутрь куда-то дунул, плюнул,—
Что ты думаешь,— пошли!

Крутит стрелку, ставит пятый,
Час — другой, вперед — назад.
— Вот что значит мы, солдаты,—
Прослезился дед-солдат.

Дед растроган, а старуха,
Отслонив ладонью ухо,
С печки слушает:
— Идут!
— Ну и парень, ну и шут...

Удивляется. А парень
Услужить еще не прочь.
— Может, сало надо жарить?
Так опять могу помочь.

Then says she:
"My soldier laddie
Can't see proper any more.
Try that clock. It's not been going
Ever since the other war...."

Tyorkin takes it down, looks at it....
Innards dusty as a mill,
Choked with spiders' webs cocooning
Spring and pinion, cog and wheel.

Years ago, in their new cabin,
Grandpa hung that clock up there.
You can see the plain pine gleaming
On the patch of wall left bare.

Careful, Tyorkin looks it over—
It's a clock and not a saw—
Soft and low our expert whistles:
"Goodness, this is pretty poor!"

But he pokes an awl inside it,
Seems to find what's wrong. He blows,
Then he spits on something in there,
And—you'll never guess—it goes!

Then to five o'clock he sets it,
Forward, back again he tries.
"That's the stuff, men! Up the Army!"
There are tears in Grandpa's eyes.

He's much moved. She, with a stare,
Cups her hand behind her ear.
"Why, it's going! Well I never!
Bless the laddie—he's right clever!"

She's amazed. As for the laddie,
He'd like something else to do.
"If I fried some of your bacon,
Would that be a help to you?"

Тут старуха застонала:
— Сало, сало! Где там сало...

Теркин:
— Бабка, сало здесь.
Не был немец — значит, есть!

И добавил, выжидая,
Глядя под ноги себе:
— Хочешь, бабка, угадаю,
Где лежит оно в избе?

Бабка охнула тревожно,
Завозилась на печи.
— Бог с тобою, разве можно...
Помолчи уж, помолчи.

А хозяин плутовато
Гостя под локоть тишком:
— Вот что значит мы, солдаты,
А ведь сало под замком.

Ключ старуха долго шарит,
Лезет с печки, сало жарит
И, страдая до конца,
Разбивает два яйца.

Эх, яичница! Закуски
Нет полезней и прочней.
Полагается по-русски
Выпить чарку перед ней.

— Ну, хозяин, понемножку,
По одной, как на войне.
Это доктор на дорожку
Для здоровья выдал мне.

Отвинтил у фляги крышку:
— Пей, отец, не будет лишку.

Поперхнулся дед-солдат.
Подтянулся:
— Виноват!..

Whereon Grandma moans in anguish.
"Bacon? Bacon? What d'you mean?"

Tyorkin:
"Must be bacon somewhere,
If the Germans haven't been."

And he adds, determined, patient,
Eyes fixed firmly on the floor:
"If you like, give me three guesses
Where you usually keep a store."

Grandma stirs in agitation,
Horrified at what she's heard.
"Lord above, you wouldn't, would you?...
Not a word, now, not a word!"

Then, unseen by her, the guv'nor
Nudges Tyorkin roguishly.
"That's the stuff, men! Up the Army!
Yes, it's under lock and key!"

After much mysterious groping,
Down she climbs, gets out the bacon,
Hides her grief as best she can,
Breaks two eggs into the pan.

Scrambled eggs! Now there's an entrée!
Nothing nicer from the pantry!
Russian custom says that thirst
Should be slaked with vodka first.

"Come on, Grandpa, just a noggin...
There's a war on, after all.
Got this from the Army doctor.
Quite legit—medicinal."

Tyorkin then unscrewed the top.
"Here we are, there's still a drop."

Grandpa coughed and Grandpa spluttered....
"Beg your pardon, son," he muttered;

Крошку хлебушка понюхал.
Пожевал — и сразу сыт.

А боец, тряхнув над ухом
Тою флягой, говорит:
— Рассуждая так ли, сяк ли,
Все равно такою каплей
Не согреть бойца в бою.
Будьте живы!
— Пейте.
— Пью...

И сидят они по-братски
За столом, плечо в плечо.
Разговор ведут солдатский,
Дружно спорят, горячо.

Дед кипит:
— Позволь, товарищ.
Что ты валенки мне хвалишь?
Разреши-ка доложить.
Хороши? А где сушить?

Не просушишь их в землянке,
Нет, ты дай-ка мне сапог,
Да суконные портянки
Дай ты мне — тогда я бог!

Снова где-то на задворках
Мерзлый грунт боднул снаряд.
Как ни в чем — Василий Теркин,
Как ни в чем — старик солдат.

— Эти штуки в жизни нашей,—
Дед расхвастался,— пустяк!
Нам осколки даже в каше
Попадались. Точно так.
Попадет, откинешь ложкой,
А в тебя — так и мертвец.

— Но не знали вы бомбежки,
Я скажу тебе, отец.

Took a crust of bread and sniffed it,
Gulped it down and seemed well fed.

Tyorkin shook the little hip-flask
Close against his ear, and said:
"Might as well admit it, that'll
Never warm a bloke in battle.
Come on, Dad, good health to you.
Knock it down!"
"I'm going to!"

And, like brothers at the table,
Side by side they sat, and spent
All their time on Army shop-talk,
Lost in heated argument.

Grandpa fumed:
"Here, no offence, mate,
But felt boots—it don't make sense, mate.
Beg permission to report,
How d'you dry 'em out, in short?

"How d'you dry 'em in a dug-out?
You'll wear leather if you're wise.
Leather boots, puttees of flannel—
That's what I call paradise!"

One more shell crumped in the frozen
Earth out in the back somewhere.
Neither Tyorkin nor the veteran
Soldier really seemed to care.

"Now, when I was in the Army
That was only chicken feed!
Why, we had the shrapnel landing
In our *kasha*, yes indeed!
You could flick it out, unless it
Hit you too. Then you were dead!"

"Still, you don't know what it feels like
Being bombed, though," Tyorkin said.

— Это верно, тут наука,
Тут напротив не попрешь.
А скажи, простая штука
Есть у вас?
— Какая?
— Вошь.

И, макая в сало коркой,
Продолжая ровно есть,
Улыбнулся вроде Теркин
И сказал:
— Частично есть...

— Значит, есть? Тогда ты — воин,
Рассуждать со мной достоин.
Ты — солдат, хотя и млад,
А солдат солдату — брат.

И скажи мне откровенно,
Да не в шутку, а всерьез.
С точки зрения военной
Отвечай на мой вопрос.
Отвечай: побьем мы немца
Или, может, не побьем?

— Погоди, отец, наемся,
Закушу, скажу потом.

Ел он много, но не жадно,
Отдавал закуске честь,
Так-то ладно, так-то складно,
Поглядишь — захочешь есть.

Всю зачистил сковородку,
Встал, как будто вдруг подрос,
И платочек к подбородку,
Ровно сложенный, поднес.
Отряхнул опрятно руки
И, как долг велит в дому,
Поклонился и старухе
И солдату самому.
Молча в путь запоясался,

"True enough. That's science for you,
You can't argue back, what's worse.
Tell me, though, would you still have those
Little things...."
"What?"
"Lice, of course!"

Tyorkin dipped his bread in dripping,
Eating imperturbably,
Then he smiled a sort of half-smile
And replied:
"Yes, partially."

"Yes? Then you're a soldier too,
And I'm proud to sit with you,
And one soldier to another,
Young or old, is like a brother.

"So please tell me very frankly,
Honestly and seriously,
From the military angle
Put it very straight to me:
Are we going to lick the Germans,
Or d'you think we might not win?"

"Hold it, let me finish eating,
And we'll talk about it then."

He ate well, but with decorum,
Gave the meal all honour due.
Sheer delight to see him eating—
Made your own mouth water, too.

And he cleaned the frying pan up,
Rose, seemed taller suddenly;
Raised the neatly folded hankie
To his chin most delicately.
Neatly brushed his tunic sleeves down,
And, to old tradition true,
Bowed his thanks to the old lady,
Bowed to the old soldier too;

Осмотрелся — все ли тут?
Честь по чести распрощался,
На часы взглянул: идут!
Все припомнил, все проверил,
Подогнал и под конец
Он вздохнул у самой двери
И сказал:
— Побьем, отец...

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гремит война.
На печи в избе — старуха.
Дед-хозяин у окна.

В глубине родной России,
Против ветра, грудь вперед,
По снегам идет Василий
Теркин. Немца бить идет.

Donned his leather belt in silence,
Checked his gear—he'd got it all.
Said goodbye; glanced up—the clock was
Ticking gaily on the wall;
Tightened up his straps a little—
All correct; our soldier lad
Paused and turned right in the doorway,
And announced:
"We'll lick 'em, Dad."

Blizzard whirling round the cabin.
Din of war just three versts off.
Grandpa's sitting by the window,
Grandma's huddled on the stove.

In the very heart of Russia
Through the blizzard, pressing on
With his chest out, goes Vassili
Tyorkin, off to lick the Hun.

О ПОТЕРЕ

Потерял боец кисет,
Заискался,— нет и нет.

Говорит боец:
— Досадно.
Столько вдруг свалилось бед:
Потерял семью. Ну ладно.
Нет, так на́ тебе — кисет!

Запропастился куда-то,
Хвать-похвать, пропал и след.
Потерял и двор и хату.
Хорошо. И вот — кисет.

Кабы годы молодые,
А не целых сорок лет...
Потерял края родные,
Все на свете и кисет.

Посмотрел с тоской вокруг:
— Без кисета, как без рук.

LOST PROPERTY

Missing—one tobacco pouch.
Soldier searches, starts to grouch.

"Well, this is a proper nuisance,
Never rains but what it pours!
Lost my family, and survived it;
Now I've lost my pouch, what's worse!

"Put it somewhere, tried to find it—
Vanished! Honest, it's too much:
Lost my stock and lost my cottage—
Fair enough. But now my pouch!

"If I wasn't passing forty,
If I was a youngster still....
But I've lost my own home country,
Everything—my pouch as well."

Scans the room from end to end.
"Just like losing your best friend."

В неприютном школьном доме —
Мужики, не детвора.
Не за партой — на соломе,
Перетертой, как костра.

Спят бойцы, кому досуг.
Бородач горюет вслух:

— Без кисета у махорки
Вкус не тот уже. Слаба!
Вот судьба, товарищ Теркин.—
Теркин:
— Что там за судьба!

Так случиться может с каждым,—
Возразил бородачу,—
Не такой со мной однажды
Случай был. И то молчу.

И молчит, сопит сурово.
Кое-где привстал народ.
Из мешка из вещевого
Теркин шапку достает.

Просто шапку меховую,
Той подругу боевую,
Что сидит на голове.
Есть одна. Откуда две?

— Привезли меня на танке,—
Начал Теркин,— сдали с рук.
Только нет моей ушанки,
Непорядок чую вдруг.

И не то чтоб очень зябкий,—
Просто гордость у меня.
Потому, боец без шапки —
Не боец. Как без ремня.

А девчонка перевязку
Нежно делает, с опаской,
И, видать, сама она
В этом деле зелена.

In what used to be a schoolhouse,
Not small children — full-grown men;
Not at desks, but on straw bedding,
Trodden down till fine as bran.

Some doze off; their duties done.
Loud laments the bearded one:
"If you've got no pouch, *makhorka*
Doesn't keep: it tastes like muck.
"Just my luck, eh, Comrade Tyorkin!"
Tyorkin:
"What d'you mean, *your* luck?

"Why, it could be anybody,"
Tyorkin said protestingly.
"I lost something too, except that....
You'll hear no complaint from me."

He fell silent, snorting fiercely.
Several men looked up at that.
Rummaging inside his kitbag,
Tyorkin came up with a hat.

Usual titfer, made of fur,
Worn by soldiers in the war.
What's a second doing there?
How come Tyorkin's got a spare?

"It was in a tank they brought me,
Dumped me at the hospital.
Hadn't got my fur hat with me,
Didn't care for that at all.

"Not that I was feeling frozen —
Just my pride," the lad confessed.
"Take his fur hat from a soldier
And he only feels half dressed.

"Now, the girl who bandaged me
Was as careful as could be.
Yes, she was so downright nervous,
You could see she was a novice.

— Шапку, шапку мне, иначе
Не поеду! — Вот дела.
Так кричу, почти что плачу,
Рана трудная была.

А она, девчонка эта,
Словно «баюшки-баю»:
— Шапки вашей,— молвит,— нету,
Я вам шапку дам свою.

Наклонилась и надела.
— Не волнуйтесь,— говорит
И своей ручонкой белой
Обкололась: был небрит.

Сколько в жизни всяких шапок
Я носил уже — не счесть,
Но у этой даже запах
Не такой какой-то есть...

— Ишь ты, выдумал примету.
— Слышал звон издалека.
— А зачем ты шапку эту
Сохраняешь?
— Дорога.

Дорога бойцу, как память.
А еще сказать могу
По секрету, между нами,—
Шапку с целью берегу.

И в один прекрасный вечер
Вдруг случится разговор:
«Разрешите вам при встрече
Головной вручить убор...»

Сам привстал Василий с места
И под смех бойцов густой,
Как на сцене, с важным жестом
Обратился будто к той,
Что пять слов ему сказала,
Что таких ребят, как он,

"'Find my hat! My hat, somebody!
I won't leave till it's been found,'
I was shouting, almost sobbing....
Yes, it was a nasty wound.

"Then she soothed me, like a mother
Tucking up her child in bed.
'But you never had one with you.
Here, I'll give you mine instead.'

"So she stooped and put it on me.
'Don't you fret, now,' she declared.
And her hand, so white and gentle,
Brushed the stubble of my beard.

"Just how many different kinds of
Hats I've worn, I just can't tell.
But this one is special, somehow—
Got a sort of fragrant smell...."

"What d'you know—he'd got it serious!"
"He's been hearing bells, that one!"
"Why've you kept it all this time, though?"
"Sentimental value, chum.

"It's a keepsake, very precious,
And I might point out to you
Confidentially and in secret,
I've a certain aim in view.

"Maybe some enchanted evening
You will hear me saying this:
'Since we meet again, allow me
To return your headgear, Miss....'"

To his feet rose Vasya Tyorkin,
Grand, theatrical his air,
And, amid the general laughter,
He addressed himself to her
Who had said but five words to him,
Who, for all that he could tell,

За войну перевязала,
Может, целый батальон.

— Ишь, какие знает речи,
Из каких политбесед:
«Разрешите вам при встрече...»
Вон тут что. А ты — кисет.

— Что ж, понятно, холостому
Много лучше на войне:
Нет тоски такой по дому,
По детишкам, по жене.

— Холостому? Это точно.
Это ты как угадал.
Но поверь, что я нарочно
Не женился. Я, брат, знал!

— Что ты знал! Кому другому
Знать бы лучше наперед,
Что уйдет солдат из дому,
А война домой придет.

Что пройдет она потопом
По лицу земли живой
И заставит рыть окопы
Перед самою Москвой.
Что ты знал!..

— А ты постой-ка,
Не гляди, что с виду мал,
Я не столько,
Не полстолько,—
Четверть столько! —
Только знал.

— Ничего, что я в колхозе,
Не в столице курс прошел.
Жаль, гармонь моя в обозе,
Я бы лекцию прочел.

Разреши одно отметить,
Мой товарищ и сосед:

Might have bandaged a battalion
Of young lads like him as well.

"Hark at him! He's been rehearsing!"
"Where's his soap-box? He's no slouch!"
"'*Since we meet again, allow me...*'
You and your tobacco pouch!"

"Well, of course, it's best in wartime
If you're single, on your own.
Then you needn't worry, thinking
Of the wife and kids at home."

"Single? How d'you know I'm single?
That was pretty sharp of you.
But I stayed that way on purpose;
Never married, 'cause I *knew*!"

"Knew? And how could you have known
That a man would leave his home,
Or that, when he'd gone, the war
Would come banging on his door?

"That it would come sweeping onwards
Like a flood across the land,
Or that even outside Moscow
We'd dig in to make a stand.
Knew indeed!"

"Now just a minute!
Though I'm no great shakes to you,
Didn't know much,
Only so much,
Less than so much—
But I knew!

"On the farm, and not in Moscow—
That's where I learnt all I knew.
If I had my squeege-box with me,
I'd teach you a thing or two.

"One more thing. Just how old are we,
Friend and comrade with the grouch?

124

Сколько лет живем на свете?
Двадцать пять! А ты — кисет.

Бородач под смех и гомон
Роет вновь труху-солому,
Перещупал все вокруг:
— Без кисета, как без рук...

— Без кисета, несомненно,
Ты боец уже не тот.
Раз кисет — предмет военный,
На-ко мой, не подойдет?

Принимай, я — добрый парень.
Мне не жаль. Не пропаду.
Мне еще пять штук подарят
В наступающем году.

Тот берет кисет потертый.
Как дитя, обновке рад...

И тогда Василий Теркин
Словно вспомнил:
— Слушай, брат.

Потерять семью не стыдно —
Не твоя была вина.
Потерять башку — обидно,
Только что ж, на то война.

Потерять кисет с махоркой,
Если некому пошить,—
Я не спорю,— тоже горько,
Тяжело, но можно жить,
Пережить беду-проруху,
В кулаке держать табак,
Но Россию, мать-старуху,
Нам терять нельзя никак.

Наши деды, наши дети,
Наши внуки не велят.
Сколько лет живем на свете?
Тыщу?.. Больше! То-то, брат!

Twenty-five! And all you think of
Is your damned tobacco pouch."

While the other men guffaw,
Bearded one combs through the straw,
Muttering, "No two ways about it,
Feel completely lost without it."

"Certainly, there's no denying
You're not half the man you were.
If it means all that much to you,
Here, take mine, if you prefer.

"Go on, take it. I'm not fussy.
I'll get by without it. Here!
Dare say I'll be sent five new ones
In the post this coming year."

So he takes the pouch, delighted
As a child with something new.

Then, as if some thought had struck him,
Tyorkin says,
"Now, listen, you!

"Lost your family? Not your fault, mate.
That you can't be punished for.
Lose your head quite literally—
That's a nuisance, but it's war.

"Lose your pouch, and no one there to
Sew you one—I'll not deny,
That's a beastly thing to happen,
But at least you can get by.
You can weather the disaster,
Keep the baccy in your hand.
But we mustn't lose old Russia,
Mustn't lose our motherland.

"That our grandparents, our children,
And their children won't permit.
Count the years we've lived. A thousand?
Even more? Well, that's just it!

126

Сколько жить еще на свете,—
Год, иль два, иль тыщи лет,—
Мы с тобой за все в ответе.
То-то, брат! А ты — кисет...

"For the future that awaits us,
You and I alone can vouch.
One year, two years, or a thousand....
You and your tobacco pouch!"

ПОЕДИНОК

Немец был силен и ловок,
Ладно скроен, крепко сшит,
Он стоял, как на подковах,
Не пугай — не побежит.

Сытый, бритый, береженый,
Дармовым добром кормленный,
На войне, в чужой земле
Отоспавшийся в тепле.

Он ударил, не стращая,
Бил, чтоб сбить наверняка.
И была как кость большая
В русской варежке рука...

Не играл со смертью в прятки,—
Взялся — бейся и молчи,—
Теркин знал, что в этой схватке
Он слабей: не те харчи.

Есть войны закон не новый:
В отступленье — ешь ты вдоволь,

THE DUEL

Strong, fast-moving was the German,
Tough as nails and hard as rock,
Steady as an iron-shod carthorse,
Quite immune to fear or shock.

Shaved, well-fed, well cared for, he:
Bedded, boarded, all for free;
Sort of uninvited guest,
Glowing from a warm night's rest.

He struck out in deadly earnest—
Not a blow that could have missed.
Massive in the Russian mitten,
Like a hambone was his fist....

It was all too clear he wasn't
Playing hide-and-seek with death.
Tyorkin knew himself the weaker:
Short of food and short of breath.

There's a military rule:
In retreat, your belly's full,

В обороне — так ли сяк,
В наступленье — натощак.

Немец стукнул так, что челюсть
Будто вправо подалась.
И тогда боец, не целясь,
Хряснул немца промеж глаз.

И еще на снег не сплюнул
Первой крови злую соль,
Немец снова в санки сунул
С той же силой, в ту же боль.

Так сошлись, сцепились близко,
Что уже обоймы, диски,
Автоматы — к черту, прочь!
Только б нож и мог помочь.

Бьются двое в клубах пара,
Об ином уже не речь,—
Ладит Теркин от удара
Хоть бы зубы заберечь.

Но покуда Теркин санки
Сколько мог
В бою берег,
Двинул немец, точно штангой,
Да не в санки,
А под вздох.

Охнул Теркин: плохо дело,
Плохо, думает боец.
Хорошо, что легок телом —
Отлетел. А то б — конец...

Устоял — и сам с испугу
Теркин немцу дал леща,
Так что собственную руку
Чуть не вынес из плеча.

Черт с ней! Рад, что не промазал,
Хоть зубам не полон счет,

Half and half on the defensive,
Tighten belts for the offensive.

Jerry smote, and Tyorkin felt his
Jawbone jolted to the right.
Swinging hard, he bashed the other
'Twixt the eyes with all his might.

Hardly had he finished spitting
Out the first salt, crimson drops,
When Fritz landed yet another
Vicious clout across the chops.

So they fought, forgetting guns,
Magazines and cartridge drums.
They were fighting for their lives—
Nothing useful now but knives!

Wreathed in clouds of steam they battled,
And it's an undoubted fact,
Tyorkin did some skilful dodging
Just to keep his teeth intact.

Then, while Tyorkin kept his molars
Under guard
As they sparred,
He was biffed as with a bell-bar
In the solar
Plexus—hard.

Tyorkin gasped. "You nearly had it.
This is not so good," thought he.
"Just as well I'm light, or that one
Could have been the end of me...."

But he stood his ground, and very
Nearly wrenched his left arm out,
As he hooked and dealt the German
One terrific, desperate clout.

Just as well I didn't miss him!
What's a molar more or less,

Но и немец левым глазом
Наблюденья не ведет.

Драка — драка, не игрушка!
Хоть огнем горит лицо,
Но и немец красной юшкой
Разукрашен, как яйцо.

Вот он — в полвершке — противник.
Носом к носу. Теснота.
Да чего же он противный —
Дух у немца изо рта.

Злобно Теркин сплюнул кровью.
Ну и запах! Валит с ног.
Ах ты, сволочь, для здоровья,
Не иначе, жрешь чеснок!

Ты куда спешил — к хозяйке?
Матка, млеко? Матка, яйки?
Оказать решил нам честь?
Подавай! А кто ты есть,

Кто ты есть, что к нашей бабке
Заявился на порог,
Не спросясь, не скинув шапки
И не вытерши сапог?

Со старухой сладить в силе?
Подавай! Нет, кто ты есть,
Что должны тебе в России
Подавать мы пить и есть?

Не калека ли убогий,
Или добрый человек —
Заблудился
По дороге,
Попросился
На ночлег?

Добрым людям люди рады.
Нет, ты сам себе силен.

With the left eye of that German
Looking just about u.s.!

Fight it out in deadly earnest.
Though your skin feels all ablaze,
Ruddy as a painted eggshell
Is the adversary's face.

Half an inch away, the stinker,
Almost as if cheek to cheek,
And what makes him twice a stinker
Is that nauseating reek.

Tyorkin spits more blood in fury.
What a perfume! Knocks you flat!
Slob! So you've been eating garlic
As a cold-cure, that's a fact!

You've barged in to some old lady.
Eggsky, milksky? Nice food, lady?
Very gracious of you, too.
Help yourself. But who are you?

Who are you, to walk in that way
Through some Russian housewife's door,
Uninvited, with your hat on,
And your boots unwiped, what's more?

Can you cope with an old woman?
Help yourself! But who are you
That in Russia we should serve you
Food and drink, as it were due?

Some old cripple in a poor way,
Or some other honest wight,
Lost and helpless
In the doorway,
Seeking shelter
For the night?

We will welcome folk who're honest,
But not you: you live by force.

Ты наводишь
Свой порядок.
Ты приходишь—
Твой закон.

Кто ж ты есть? Мне толку нету,
Чей ты сын и чей отец.
Человек по всем приметам,—
Человек ты? Нет. Подлец!

Двое топчутся по кругу,
Словно пара на кругу,
И глядят в глаза друг другу:
Зверю — зверь и враг — врагу.

Как на древнем поле боя,
Грудь на грудь, что щит на щит,—
Вместо тысяч бьются двое,
Словно схватка все решит.

А вблизи от деревушки,
Где застал их свет дневной,
Самолеты, танки, пушки
У обоих за спиной.

Но до боя нет им дела,
И ни звука с тех сторон.
В одиночку — грудью, телом
Бьется Теркин, держит фронт.

На печальном том задворке,
У покинутых дворов
Держит фронт Василий Теркин,
В забытьи глотая кровь.

Бьется насмерть парень бравый,
Так что дым стоит сырой,
Словно вся страна-держава
Видит Теркина:
— Герой!

You would grind us,
Trample on us,
You would bind us
With your laws.

Who are you? What matter if you're
Someone's father, someone's son?
Human by all indications,
Are you human? No, you're scum!

Two men stamping in a circle,
Like two dancers, round they go,
Glaring grimly at each other,
Beast at beast, and foe at foe,

Like some ancient scene of combat,
Breast to breast like shield to shield,
Settling the fate of thousands
Drawn up on the battlefield.

Close beside the little hamlet
Where dawn overtook the pair,
Aircraft, guns and tanks were thundering
All around them, front and rear.

Little cared they for that battle.
Hardly conscious of a sound,
Tyorkin fought with chest and body,
Held his front and stood his ground.

In that dismal, wretched backyard
Where the empty houses stood,
Tyorkin held his ground, in fury
Choking down his own hot blood.

Unafraid of death he battled,
Clouds of steam hung in the air.
All the world might have been watching
Tyorkin—that's a hero there!

Что страна! Хотя бы рота
Видеть издали могла,
Какова его работа
И какие тут дела.

Только Теркин не в обиде.
Не затем на смерть идешь,
Чтобы кто-нибудь увидел.
Хорошо б. А нет — ну что ж...

Бьется насмерть парень бравый —
Так, как бьются на войне.
И уже рукою правой
Он владеет не вполне.

Кость гудит от раны старой,
И ему, чтоб крепче бить,
Чтобы слева класть удары,
Хорошо б левшою быть.

Бьется Теркин,
В драке зоркий,
Утирает кровь и пот.
Изнемог, убился Теркин,
Но и враг уже не тот.

Далеко не та заправка,
И побита морда вся,
Словно яблоко-полявка,
Что иначе есть нельзя.

Кровь — сосульками. Однако
В самый жар вступает драка.

Немец горд.
И Теркин горд.
— Раз ты пес, так я — собака,
Раз ты черт,
Так сам я — черт!

Ты не знал мою натуру,
А натура — первый сорт.
В клочья шкуру —
Теркин чуру
Не попросит. Вот где черт!

Why the world, when just an Army
Company would be enough,
Just so long as they were watching
Vasya Tyorkin do his stuff!

But he didn't mind — not really.
You don't fight a mortal fight
In the hope that folk are watching.
If they aren't — well, that's all right!

Unafraid of death he battled,
As men fight in time of war,
And his right arm was already
Feeling weaker than before.

Yes, the old wound in his shoulder....
And to hit with all his might,
Better to have been left-handed;
Left could do the work of right.

Tyorkin battled, watchful, wary,
Dashing off the sweat and blood,
Tiring now, and getting weary....
Nor did Jerry look so good;

Not as lively as he had been,
With his snout bashed up a treat,
Like an apple, bruised and battered,
Looking hardly fit to eat.

Icicles of blood on each.
Now the fight nears fever pitch.

Jerry's proud, and Tyorkin, too.
Devil, are you? Son-of-a-bitch?
I can play it worse than you!

You don't know the stuff I'm made of.
Let me tell you, it's Grade One.
Flay me, but I won't cry mercy.
How's that for a devil, chum!

Кто одной боится смерти —
Кто плевал на сто смертей.
Пусть ты черт. Да наши черти
Всех чертей
В сто раз чертей.

Бей, не милуй. Зубы стисну.
А убьешь, так и потом
На тебе, как клещ, повисну,
Мертвый буду на живом.

Отоспись на мне, будь ласков,
Да свали меня вперед.

Ах, ты вон как! Драться каской?
Ну не подлый ли народ!

Хорошо же! —
И тогда-то,
Злость и боль забрав в кулак,
Незаряженной гранатой
Теркин немца — с левой — шмяк!

Немец охнул и обмяк...

Теркин ворот нараспашку,
Теркин сел, глотает снег,
Смотрит грустно, дышит тяжко,—
Поработал человек.

Хорошо, друзья, приятно,
Сделав дело, ко двору —
В батальон идти обратно
Из разведки поутру.

По земле ступать советской,
Думать — мало ли о чем!
Автомат нести немецкий,
Между прочим, за плечом.

«Языка» — добычу ночи,—
Что идет, куда не хочет,

Some fear even once to die,
Some a thousand deaths defy.
Devil, are you? Well, this devil
Is a hundred times more evil!

Do your worst. I'll grin and bear it.
Kill me, and I'll burrow in
Like a sheep-tick, clinging to you,
Dead beneath your living skin.

Sleep on me. I'll be your pillow;
But you'll have to throw me first!

So! You'd butt me with your helmet?
Might have known you'd do your worst!

Fury lending extra power
To his arm, he drew it back,
Snatched an unprimed hand-grenade and
Dealt the German such a crack!

Jerry crumpled like a sack....

Tyorkin wrenched his collar open,
Sat, and cooled his mouth with snow.
Glumly eyed the German, panting.
That's a job well done. Good show.

When you've been successful, comrades,
It's a grand experience,
Going back to your battalion
From the night's reconnaissance.

Crossing Soviet territory,
Thinking—oh, well, never mind....
Incidentally, with a German
Sub-machine gun slung behind.

Your reluctant prisoner walking
(He might do a bit of talking)

На три шага впереди
Подгонять:
— Иди, иди...

Видеть, знать, что каждый встречный-
Поперечный — это свой.
Не знаком, а рад сердечно,
Что вернулся ты живой.

Доложить про все по форме,
Сдать трофеи не спеша.
А потом тебя покормят,—
Будет мерою душа.

Старшина отпустит чарку,
Строгий глаз в нее кося.
А потом у печки жаркой
Ляг, поспи. Война не вся.

Фронт налево, фронт направо,
И в февральской вьюжной мгле
Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Only three short steps ahead....
"Come on, move it now, I said!"

Knowing that they're all your own men
Whom you meet along the way.
They don't know you, but they're happy
That you've made it back okay.

Then reporting, as per orders,
Handing in the captured gun—
Then you get a slap-up dinner,
Just reward for what you've done.

Then the S.-M. grants a noggin,
Looking on, suspicious-eyed.
By a blazing stove in comfort
Sleep. The war's not over yet.

In the snows of February,
With a front on either hand,
Fight the battle, grim and gory,
Not for fame and not for glory,
But for life throughout the land.

ОТ АВТОРА

Сто страниц минуло в книжке,
Впереди — не близкий путь.
Стой-ка, брат. Без передышки
Невозможно. Дай вздохнуть.

Дай вздохнуть, возьми в догадку:
Что теперь, что в старину —
Трудно слушать по порядку
Сказку длинную одну
Все про то же — про войну.

Про огонь, про снег, про танки,
Про землянки да портянки,
Про портянки да землянки,
Про махорку и мороз...

Вот уж нынче повелось:
Рыбаку лишь о путине,
Печнику дудят о глине,
Леснику о древесине,
Хлебопеку о квашне,
Коновалу о коне,

FROM THE AUTHOR

That's a hundred pages covered;
There's a long, long road ahead.
Can't go on without a breather;
Time to have a rest instead.

Yes, a rest. It's reasonable.
Now, as in the days of yore,
It grows tiresome hearing someone
Holding forth for hours and more
On the same old theme of war;

Holding forth on things like these:
Shellfire, snow, tanks and puttees,
Dug-outs, tanks and more puttees,
Frost, *makhorka*, tanks once more....

That's the way it goes: they bore
Fishermen with fishing seasons,
Furnacemen with talk of fireclays,
Foresters with different woods,
Bakers with their different goods,
Knackers with old horses' hides,

А бойцу ли, генералу —
Не иначе — о войне.

О войне — оно понятно,
Что война. А суть в другом:
Дай с войны прийти обратно
При победе над врагом.

Учинив за все расплату,
Дай вернуться в дом родной
Человеку. И тогда-то
Сказки нет ему иной.

И тогда ему так сладко
Будет слушать по порядку
И подробно обо всем,
Что изведано горбом,
Что исхожено ногами,
Что испытано руками,
Что повидано в глаза
И о чем, друзья, покамест
Все равно — всего нельзя...

Мерзлый грунт долби, лопата,
Танк — дави, греми — граната,
Штык — работай, бомба — бей.
На войне душе солдата
Сказка мирная милей.

Друг-читатель, я ли спорю,
Что войны милее жизнь?
Да война ревет, как море,
Грозно в дамбу упершись.

Я одно скажу, что нам бы
Поуправиться с войной,
Отодвинуть эту дамбу
За предел земли родной.

А покуда край обширный
Той земли родной — в плену,
Я — любитель жизни мирной —
На войне пою войну.

And the general or the soldier
With unending tales of war.

War is war, needs no explaining.
No, the answer is elsewhere:
Let the soldier go back homewards
When there's victory in the air.

Let him go back to his family
When he's settled up the score.
That's when you will find him wanting
Tales of nothing else but war.

Then he'll lend a willing ear,
Then he truly loves to hear
How he never thought to shirk,
How his back was bowed with work,
How his feet were tired and poorly,
How his hands were tried most sorely,
How his eyes were to behold
Things the like of which are surely
Meanwhile better left untold.

Spades may split the ground asunder,
Tanks may crush, grenades may thunder,
Bayonets lunge and shrapnel flail,
But in time of war, the soldier
Much prefers a peacetime tale.

Reader, friend, do I deny that
Life is sweeter far than war?
But war's like the sea waves pounding
At the dike with booming roar.

All I want to say, quite simply,
Is, the future's in our hands.
We must push that sea wall further
Back beyond our borderlands.

While so much of our great country
Lies in thraldom languishing,
Lover of the joys of peacetime,
War in time of war I sing.

Что ж еще? И все, пожалуй,
Та же книга про бойца.
Без начала, без конца,
Без особого сюжета,
Впрочем, правде не во вред.

На войне сюжета нету.
— Как так нету?
— Так вот, нет.

Есть закон — служить до срока,
Служба — труд, солдат — не гость.
Есть отбой — уснул глубоко,
Есть подъем — вскочил, как гвоздь.

Есть война — солдат воюет,
Лют противник — сам лютует.
Есть сигнал: вперед!.. — Вперед.
Есть приказ: умри!.. — Умрет.

На войне ни дня, ни часа
Не живет он без приказа,
И не может испокон
Без приказа командира
Ни сменить свою квартиру,
Ни сменить портянки он.
Ни жениться, ни влюбиться
Он не может, — нету прав,
Ни уехать за границу
От любви, как бывший граф.

Если в песнях и поется,
Разве можно брать в расчет,
Что герой мой у колодца,
У каких-нибудь ворот,
Буде случай подвернется,
Чью-то долю ущипнет?

А еще добавим к слову:
Жив-здоров герой пока,
Но отнюдь не заколдован
От осколка-дурака,

What comes next? More chapters, doubtless,
Of this soldier's story penned—
No beginning and no end,
And no plot; however, strictly
True to life, so no harm done.

There's no plot in war to speak of?
Why?
Because there isn't one.

There's a law: sweat out your service-
Sure, it's no vacation time!
Come Tattoo, turn in, sleep soundly;
Come Reveille, rise and shine!

War—the soldier fights in style.
Enemy's tough—he's tougher still.
Signal: Forward! He'll go forward.
Orders: Die! He'll die as ordered.

Not one hour of day is your time
Without orders when it's wartime,
And, as Army life decrees,
Without your commander's orders
You can't change your living quarters,
You can't even change puttees.
You can't fall in love, or marry,
Or to foreign lands depart,
Like a lovesick Count aforetime
Suffering from a broken heart.

Let my hero be forgiven
If he takes a liberty,
And, as in the folk-songs, waiting
By some well or garden, he
Grabs the chance to pinch the fruit from
Someone else's apple-tree.

And we'll add, just for the record,
Though our hero's live and well,
He is not immune to senseless
Splinter from some bomb or shell,

От любой дурацкой пули,
Что, быть может, наугад,
Как пришлось, летит вслепую,
Подвернулся,— точка, брат.

Ветер злой навстречу пышет,
Жизнь, как веточку, колышет,
Каждый день и час грозя.
Кто доскажет, кто дослышит —
Угадать вперед нельзя.

И до той глухой разлуки,
Что бывает на войне,
Рассказать еще о друге
Кое-что успеть бы мне.

Тем же ладом, тем же рядом,
Только стежкою иной.

Пушки к бою едут задом,—
Это сказано не мной.

Or to any stupid bullet
That, perhaps, may chance to come
Flying blindly and at random—
Suddenly—you've had it, chum!

There's an evil wind a-blowing,
Like a branch, life's bending, bowing,
Death rides in that howling gale,
And there is no way of knowing
Who will live to tell the tale.

But, before the dread departure
That occurs in time of war,
Of our friend and gallant hero
I would like to tell you more,

Keeping up the lilt and measure,
Following a different line.

Guns ride backwards into battle—
No, the saying isn't mine!

«КТО СТРЕЛЯЛ?»

Отдымился бой вчерашний,
Высох пот, металл простыл.
От окопов пахнет пашней,
Летом мирным и простым.

В полверсте, в кустах — противник,
Тут шагам и пядям счет.
Фронт. Война. А вечер дивный
По полям пустым идет.

По следам страды вчерашней,
По немыслимой тропе;
По ничьей, помятой, зряшной
Луговой, густой траве;

По земле, рябой от рытвин,
Рваных ям, воронок, рвов,
Смертным зноем жаркой битвы
Опаленных у краев...

И откуда по пустому
Долетел, донесся звук,

"WHO DID THAT?"

After yesterday's fierce battle,
Smoke, hot metal, sweat and grime,
From the trenches comes the earthy
Smell of peaceful summertime.

No-man's-land for half a verst, then
Thickets and the watching Huns.
War. The Front. And yet the evening
Sweet across the meadows comes,

Following yesterday's grim harvest,
Over an appalling scene,
Dead terrain of squashed and trampled
Meadow grasses, lush and green;

Over wheel-tracks, ditches, craters,
Hollows ripped out of the ground,
By the murderous blast of battle
Scorched their jagged edges round.

And, across that desolation,
Borne incongruous through the air,

Добрый, давний и знакомый
Звук вечерний. Майский жук!

И ненужной горькой лаской
Растревожил он ребят,
Что в росой покрытых касках
По окопчикам сидят.

И такой тоской родною
Сердце сразу обволок!

Фронт, война. А тут иное:
Выводи коней в ночное,
Торопись на «пятачок».

Отпляшись, а там сторонкой
Удаляйся в березняк,
Провожай домой девчонку
Да целуй — не будь дурак,
Налегке иди обратно,
Мать заждалася...

И вдруг —
Вдалеке возник невнятный,
Новый, ноющий, двукратный,
Через миг уже понятный
И томящий душу звук.

Звук тот самый, при котором
В прифронтовой полосе
Поначалу все шоферы
Разбегались от шоссе.

На одной постылой ноте
Ноет, воет, как в трубе.
И бежать при всей охоте
Не положено тебе.

Ты, как гвоздь, на этом взгорке
Вбился в землю. Не тоскуй.
Ведь — согласно поговорке —
Это малый сабантуй...

Came a dear old friendly evening
Sound — a May bug burring there!

Up and down the trenches, men in
Helmets wet with dew were stirred
To a rueful and reluctant
Tenderness by what they heard.

Such nostalgia, such longing
Overcame them all at once!

War. The Front. Thoughts homeward turning:
Drive the horses out till morning,
Hasten to the village dance.

Dance your fill, then slip off quietly
Through the birch grove, dim and cool.
See the girl home to her cottage,
Go on, kiss her now, you fool!
Then go sauntering back at leisure:
Mother's waiting....

Suddenly,
Comes a new sound, faint and distant,
Low, deep-throbbing and insistent,
Tedious, naggingly persistent,
And you know it instantly.

Once it used to send the drivers,
As they neared the front-line zone,
Scattering from the open highway
Just as fast as they could run.

Now it drones, as in a chimney,
Tedious, maddeningly loud,
And, however much you want to,
You can't run. It's not allowed.

Hug the earth, pinned down, defenceless,
Just don't let it worry you.
After all, you know the expression —
It's a minor *sabantu.*

Ждут, молчат, глядят ребята,
Зубы сжав, чтоб дрожь унять.
И, как водится, оратор
Тут находится под стать.

С удивительной заботой
Подсказать тебе горазд:
— Вот сейчас он с разворота
И начнет. И жизни даст.
Жизни даст!

Со страшным ревом
Самолет ныряет вниз,
И сильнее нету слова
Той команды, что готова
На устах у всех:
— Ложись!..

Смерть есть смерть. Ее прихода
Все мы ждем по старине.
А в какое время года
Легче гибнуть на войне?

Летом солнце греет жарко,
И вступает в полный цвет
Все кругом. И жизни жалко
До зарезу. Летом — нет.

В осень смерть под стать картине,
В сон идет природа вся.
Но в грязи, в окопной глине
Вдруг загнуться? Нет, друзья...

А зимой — земля, как камень,
На два метра глубиной,
Привалит тебя комками,—
Нет уж, ну ее — зимой.

А весной, весной... Да где там,
Лучше скажем наперед:
Если горько гибнуть летом,
Если осенью — не мед,

Silent, waiting, all the soldiers
Clench their teeth, try not to shake.
And, as usual, one real genius
Finds a bright remark to make.

His solicitude's amazing,
As he says to one and all:
"Watch him! When he's finished circling,
He'll come in and have a ball!"
Have a ball!

Down he comes roaring.
It's a terrifying sound,
And there's nothing more compelling
Than the order they're all yelling
As one man: "Get down!"
"Get down!"

Death is death. We all expect it
As the appointed time draws near.
But for getting killed in wartime,
What's the easiest time of year?

Warmly shines the sun in summer,
And, wherever you may go,
All's in bloom. The thought's heart-rending....
Leave this life in summer? No!

Autumn seems more likely. Nature
Thinks of sleep as summer ends.
But to take a tumble in those
Filthy trenches? No, my friends....

Winter binds the earth rock-solid
Six feet down; and suddenly
You're entombed in slabs of topsoil.
Thank you, winter's not for me.

But in springtime, but in springtime....
Here we might as well admit:
If it's bitter in the summer,
If in autumn it's not sweet,

Если в зиму дрожь берет,
То весной, друзья, от этой
Подлой штуки — душу рвет.

И какой ты вдруг покорный
На груди лежишь земной,
Заслонясь от смерти черной
Только собственной спиной.

Ты лежишь ничком, парнишка
Двадцати неполных лет.
Вот сейчас тебе и крышка,
Вот тебя уже и нет.

Ты прижал к вискам ладони,
Ты забыл, забыл, забыл,
Как траву щипали кони,
Что в ночное ты водил.

Смерть грохочет в перепонках,
И далек, далек, далек
Вечер тот и та девчонка,
Что любил ты и берег.

И друзей и близких лица,
Дом родной, сучок в стене...
Нет, боец, ничком молиться
Не годится на войне.

Нет, товарищ, зло и гордо,
Как закон велит бойцу,
Смерть встречай лицом к лицу,
И хотя бы плюнь ей в морду,
Если все пришло к концу...

Ну-ка, что за перемена?
То не шутки — бой идет.
Встал один и бьет с колена
Из винтовки в самолет.

Трехлинейная винтовка
На брезентовом ремне,
Да патроны с той головкой,
Что страшна стальной броне.

If in winter it's cold feet,
Then the thought of death in springtime
Bids to break the heart indeed.

Nuzzling the earth, you lie there
Cowed, subdued, with bated breath;
Nothing but your back between you
And a very nasty death.

Just a lad not yet turned twenty,
Lying helpless, flattened prone.
Here it comes. This time you've had it!
You're a goner now, my son!

Hands pressed tightly to your temples,
You forget, forget, forget
How the horses champed the grasses
When you turned them out at night.

Death is roaring in your eardrums.
Far, far, far away,
Is the evening, and the girl you
Cared for more than words could say.

Faces of your friends and loved ones,
Home, the knotty timber wall....
No, lad! Praying prone in wartime
Isn't going to help at all!

No! And if the arrogant, evil
Laws of war should so command,
Look death in the eye, my friend,
Show that you can still defy it,
Though you know this is the end....

Wait! The situation's altered!
Someone's hitting back again,
Kneeling, firing with his rifle
At the enemy aeroplane.

Just the usual soldier's rifle
With a canvas webbing sling,
But with armour-piercing bullets
That will go through anything.

Бой неравный, бой короткий.
Самолет чужой, с крестом,
Покачнулся, точно лодка,
Зачерпнувшая бортом.

Накренясь, пошел по кругу,
Кувыркается над лугом,—
Не задерживай — давай,
В землю штопором въезжай!

Сам стрелок глядит с испугом:
Что наделал невзначай.

Скоростной, военный, черный,
Современный, двухмоторный
Самолет — стальная снасть —
Ухнул в землю, завывая,
Шар земной пробить желая
И в Америку попасть.

— Не пробил, старался слабо.
— Видно, место прогадал.

— Кто стрелял? — звонят из штаба.—
Кто стрелял, куда попал?

Адъютанты землю роют,
Дышит в трубку генерал.
— Разыскать тотчас героя.
Кто стрелял?
А кто стрелял?

Кто не спрятался в окопчик,
Поминая всех родных,
Кто он — свой среди своих —
Не зенитчик и не летчик,
А герой — не хуже их?

Вот он сам стоит с винтовкой,
Вот поздравили его.
И как будто всем неловко —
Неизвестно отчего.

Duel unequal, soon decided.
Jerry, with his painted cross,
Keeled half over, like a vessel
That the angry storm-winds toss;

Listing badly, turned and circled
Overhead, then somersaulted,
Come on, dive, don't mess around—
Corkscrew straight into the ground.

And the marksman watched and marvelled....
Never thought he'd bring him down.

Black, twin-screwed, formidable,
Modern, fast, manoeuvrable,
Painted with a swastika,
Plunging headlong downwards, shrilling,
As if he had hopes of drilling
Right through to America.

"Didn't make it. Very feeble."
"Didn't choose his spot, that's plain!"

HQ on the line: "Who did that?
Find the man who got that plane!"

Adjutants all in a tizzy,
And the General roars again:
"Find that hero quick! Who is he?
Where's the man who got that plane?"

One who didn't hide and cower,
Crying for his family;
Just a common soldier, he;
No crack gunner or ace flier—
But a hero anyway.

So he stands there with his rifle
As congratulations fly.
Everybody seems embarrassed,
No one knows exactly why.

Виноваты, что ль, отчасти?
И сказал сержант спроста:
— Вот что значит парню счастье,
Глядь — и орден, как с куста!

Не промедливши с ответом,
Парень сдачу подает:
— Не горюй, у немца этот —
Не последний самолет...

С этой шуткой-поговоркой,
Облетевшей батальон,
Перешел в герои Теркин,—
Это был, понятно, он.

Are they feeling somewhat shamefaced?
Says the Sergeant wrily, "Please,
Help yourself. There's nothing in it.
Medals here just grow on trees!"

Whereon the resourceful laddie
Finds his comeback like a shot:
"Don't you worry, Sarge. That plane was
Not the last one Jerry's got!"

This went round the whole battalion
And caught on immediately.
Tyorkin thus became a hero—
Naturally, it was he.

О ГЕРОЕ

— Нет, поскольку о награде
Речь опять зашла, друзья,
То уже не шутки ради
Кое-что добавлю я.

Как-то в госпитале было.
День лежу, лежу второй.
Кто-то смотрит мне в затылок,
Погляжу, а то — герой.

Сам собой, сказать,— мальчишка,
Недолеток-стригунок.
И мутит меня мыслишка:
Вот он мог, а я не мог...

Разговор идет меж нами,
И спроси я с первых слов:
— Вы откуда родом сами —
Не из наших ли краев?

Смотрит он:
— А вы откуда? —

THE HERO

No, my friends, since decorations
Have come up again today,
Let's be serious for a moment:
I've got something else to say.

In the hospital it happened;
I'd been there a day or so.
Felt someone behind me, staring;
Turned and looked, and — what d'you know! —

Yes, a hero! Just a youngster,
And I'll tell you honestly,
That it got me kind of worried:
Yes, he'd made it. As for me....

Anyway, we soon got talking,
And I asked him right away:
"Mind me asking where you come from?
Happen you're from down my way?"

Says he, staring:
"Where are *you* from?"

Отвечаю:
— Так и так,
Сам как раз смоленский буду,
Может, думаю, земляк?

Аж привстал герой:
— Ну что вы,
Что вы,— вскинул головой,—
Я как раз из-под Тамбова,—
И потрогал орден свой.

И умолкнул. И похоже,
Подчеркнуть хотел он мне,
Что таких, как он, не может
Быть в смоленской стороне;

Что уж так они вовеки
Различаются места,
Что у них ручьи и реки
И сама земля не та,
И полянки, и пригорки,
И козявки, и жуки...

И куда ты, Васька Теркин,
Лезешь сдуру в земляки!

Так ли, нет — сказать,— не знаю,
Только мне от мысли той
Сторона моя родная
Показалась сиротой,
Сиротинкой, что не видно
На народе, на кругу...

Так мне стало вдруг обидно,—
Рассказать вам не могу.

Это да, что я не гордый
По характеру, а все ж
Вот теперь, когда я орден
Нацеплю, скажу я: врешь!

So I says to him:
"Why, me,
I'd be sort of from Smolensk, like.
Thought you might be too, maybe...."

Then he stiffens.
"Did you!
Did you?"—coming over all stuck up.
Then he taps the gong he's wearing:
"From Tambov." And then shuts up.

That was all. As if he wanted
Just to sort of rub it in
That the kind of place I come from
Can't produce the likes of him.

That his home and mine were always
Different as chalk and cheese;
That you can't compare their rivers,
Streams, or farmland, if you please!—
Not to mention hills and meadows,
Insects, beetles, bugs and fleas....

That'll teach you, Vasya Tyorkin,
Trying to find who comes from where!

Maybe I'm exaggerating,
But it all seemed so unfair,
Just as if my native country
Might as well have not been there,
Lost, forgotten, never mentioned,
Never even called to mind....

Can't describe my feelings, fellers,
But it all seemed so unkind.

I'm not proud, as I keep saying,
No, quite definitely not.
But when I pin on *my* medal
That'll teach our friend what's what!

166

Мы в землячество не лезем,
Есть свои у нас края.
Ты — тамбовский? Будь любезен.
А смоленский — вот он я.

Не иной какой, не энский,
Безымянный корешок,
А действительно смоленский,
Как дразнили нас, рожок.

Не кичусь родным я краем,
Но пройди весь белый свет —
Кто в рожки тебе сыграет
Так, как наш смоленский дед.

Заведет, задует сивая
Лихая борода:
Ты куда, моя красивая,
Куда идешь, куда...

И ведет, поет, заяривает —
Ладно, что без слов,
Со слезою выговаривает
Радость и любовь.

И за ту одну старинную
За музыку-рожок
В край родной дорогу длинную
Сто раз бы я прошел.

Мне не надо, братцы, ордена,
Мне слава не нужна,
А нужна, больна мне, родина,
Родная сторона!

167

Each of us must come from somewhere.
Fair enough. Leave well alone.
From Tambov, you say? Oh, really!
Near Smolensk, mate, that's *my* home!

I'm no nameless, numbered ticket:
Use me once and throw me out,
Take the shepherd's pipe of those parts
That they tease us all about.

Say I'm boasting if you want to,
But wherever you may roam,
You won't find a better piper
Than old grandad way back home.

Pipe away, you jolly greybeard,
Pipe a merry ditty:
"*Whither bound, o lovely lassie,*
Whither bound, my pretty?"

Plays he lively, plays he blithely,
Tells in wondrous wise
Tales of joy and true love, bringing
Teardrops to your eyes.

I would make the homeward journey
A hundred times and more,
Just to hear that piper playing
As in days of yore.

I don't long for medals, brothers,
Glory's not for me;
All I long for is my kinfolk,
And my own countree.

ГЕНЕРАЛ

Заняла война полсвета,
Стон стоит второе лето.
Опоясал фронт страну.
Где-то Ладога... А где-то
Дон — и то же на Дону...

Где-то лошади в упряжке
В скалах зубы бьют об лед...
Где-то яблоня цветет,
И моряк в одной тельняшке
Тащит степью пулемет...

Где-то бомбы топчут город,
Тонут на море суда...
Где-то танки лезут в горы,
К Волге двинулась беда...

Где-то, будто на задворке,
Будто знать про то не знал,
На своем участке Теркин
В обороне загорал.

THE GENERAL

War full half the wide world over
Groans into its second summer.
Now the land is torn in two.
Ladoga lies somewhere.... Somewhere
Flows the Don.... A front there, too....

Somewhere in the hills, draft horses
Slip on ice and smash their teeth....
Somewhere, apple trees are flowering,
In his undervest, the sailor
Hauls the gun across the heath.

Somewhere, bombers raze a city,
Ships are sinking by the score....
Somewhere, tanks crawl through the mountains,
Doom draws near the Volga's shore....

As if in his own back garden,
As if war were far away,
Tyorkin, lazy with inaction,
Dreams the idle hours away.

У лесной глухой речушки,
Что катилась вдоль войны,
После доброй постирушки
Поразвесил для просушки
Гимнастерку и штаны.

На припеке обнял землю.
Руки выбросил вперед
И лежит и так-то дремлет,
Может быть, за целый год.

И речушка — неглубокий
Родниковый ручеек —
Шевелит травой-осокой
У его разутых ног.

И курлычет с тихой лаской,
Моет камушки на дне.
И выходит не то сказка,
Не то песенка во сне.

Я на речке ноги вымою.
Куда, реченька, течешь?
В сторону мою, родимую,
Может, где-нибудь свернешь.

Может, где-нибудь излучиной
По пути зайдешь туда,
И под проволокой колючею
Проберешься без труда,

Меж немецкими окопами,
Мимо вражеских постов,
Возле пушек, в землю вкопанных,
Промелькнешь из-за кустов.

И тропой своей исконною
Протечешь ты там, как тут,
И ни пешие, ни конные
На пути не переймут.

Дотечешь дорогой кружною
До родимого села.

At the forest brooklet, singing
On the fringe of war nearby,
After a good wash and wringing,
Tyorkin's left his trousers hanging
With his tunic out to dry.

Lies he where the sun is hottest,
Arms extended, palms down-pressed,
Catching up on all his daydreams
For a good twelve months at least.

And the brooklet of spring waters
Gently shakes the grassy sedge
At his feet, spread out for comfort
Close beside the water's edge;

And it chirps affectionately,
Laves the pebbles on its bed,
And a song, or maybe story,
Seems to sing in Tyorkin's head.

I will wade in your clear waters.
Brooklet, whither going?
To my own dear native village
Will you be a-flowing?

Say, will your meanderings take you
To my home out yonder?
Prickly barbed wire shall not stay you
As you trickle under.

Through the German trenches shimmering,
Past the sentry stations,
In among the trees and bushes,
Round the gun positions,

You shall take your old, time-honoured
Homeward course, as ever.
Infantry or cavalrymen
Shall delay you never.

To my home by ways so devious
You shall slowly wander.

На мосту солдаты с ружьями,—
Ты под мостиком прошла.

Там печаль свою великую,
Что без края и конца,
Над тобой, над речкой, выплакать,
Может, выйдет мать бойца.

Над тобой, над малой речкою,
Над водой, чей путь далек,
Послыхать бы хоть словечко ей,
Хоть одно, что цел сынок.

Промороженный, простуженный,
Отдыхает он, герой,
Битый, раненый, контуженный,
Да здоровый и живой...

Теркин — много ли дремал он,
Землю-мать прижав к щеке,—
Слышит:
— Теркин, к генералу
На одной давай ноге.

Посмотрел, поднялся Теркин,
Тут связной стоит.
— Ну что ж,
Без штанов, без гимнастерки
К генералу не пойдешь.

Говорит, чудит, а все же
Сам, волнуясь и сопя,
Непросохшую одежу
Спешно пялит на себя.
Приросла к спине — не стронет...

— Теркин, сроку пять минут.
— Ничего. С земли не сгонят,
Дальше фронта не пошлют.

Подзаправился на славу,
И хоть знает наперед,
Что совсем не на расправу
Генерал его зовет,—

Should there be a bridge with sentries,
You'll run softly under.

And, maybe, the soldier's mother,
By your waters standing,
Has come down to weep her sorrow,
Grief that has no ending.

There, by your much-travelled waters
In the hope of hearing
Just a word or two of tidings
How her son is faring.

After many a chill and fever,
He's alright, is Tyorkin;
And though battered, wounded, shell-shocked,
He's alive and kicking.

Tyorkin, lying there and dreaming
With his cheek pressed to the ground,
Hears: "The General wants you, Tyorkin!
Put your skates on! Quick, get round!"

Tyorkin turns his head, half-rises,
Sees an orderly. "Now, son,
Can't go to the General, can I,
Till I've got my trousers on!"

Though he jokes and gags about it,
He's excited, breathing fast;
Grabs his damp things from the bushes,
Tries to drag them on in haste,
But they cling to him all over....

"You've got just five minutes, mate!"
"Well? You think they're going to fire me,
All because I showed up late?"

But he makes himself look tidy,
For he knows it well enough
That the General hasn't called him
Merely for a ticking off.

Все ж у главного порога
В генеральском блиндаже —
Был бы бог, так Теркин богу
Помолился бы в душе.

Шутка ль, если разобраться:
К генералу входишь вдруг,—
Генерал — один на двадцать,
Двадцать пять, а может статься,
И на сорок верст вокруг.

Генерал стоит над нами,—
Оробеть при нем не грех,—
Он не только что чинами,
Боевыми орденами,
Он годами старше всех.

Ты, обжегшись кашей, плакал,
Ты пешком ходил под стол,
Он тогда уж был воякой,
Он ходил уже в атаку,
Взвод, а то и роту вел.

И на этой половине —
У передних наших линий,
На войне — не кто, как он,
Твой ЦК и твой Калинин.
Суд. Отец. Глава. Закон.

Честью, друг, считай немалой,
Заработанной в бою,
Услыхать от генерала
Вдруг фамилию свою.

Знай: за дело, за заслугу
Жмет тебе он крепко руку
Боевой своей рукой.

— Вот, брат, значит, ты какой.
Богатырь. Орел. Ну, просто —
Воин! — скажет генерал.

But as he draws near the threshold
Of that holy place down there,
If there were a God, then Tyorkin
Would intone a silent prayer.

It's no joke, to put it bluntly,
When the CO calls you round.
Generals don't come in plenty;
He's the only one for twenty,
Maybe forty, versts around.

If you go with trepidation,
Well, it's only natural....
It's not just his rank and station,
Or his Army decorations—
He's the oldest of us all.

And, while with a baby spoon
You were guzzling breakfast porridge,
He'd been made, for dash and courage,
Company Commander soon
After leading a platoon.

As the front-line soldiers see him,
He is fraught with special meaning.
They know well that in this war,
He's their CC,* their Kalinin.**
Father. Judge. Authority. Law.

Friend, consider it an honour,
Almost military fame,
When the General in person
Calls you by your modest name,

And, in his appreciation
Of your gallant contribution,
Shakes you firmly by the hand.

"Good for you, lad! That was grand!
Acted like a proper champion!"
Warmly says the General.

* Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union.— *Tr.*

** Mikhail Kalinin (1875-1946) was President of the Supreme Soviet of the USSR at the time.— *Tr.*

И пускай ты даже ростом
И плечьми всего не взял,
И одет не для парада,—
Тут война — парад потом,—
Говорят: орел, так надо
И глядеть и быть орлом.

Стой, боец, с достойным видом,
Понимай, в душе имей:
Генерал награду выдал —
Как бы снял с груди своей —
И к бойцовской гимнастерке
Прикрепил немедля сам.
И ладонью:
— Вот, брат Теркин,—
По лихим провел усам.

В скобках надобно, пожалуй,
Здесь отметить, что усы,
Если есть у генерала,
То они не для красы.

На войне ли, на параде
Не пустяк, друзья, когда
Генерал усы погладил
И сказал хотя бы:
— Да...

Есть привычка боевая,
Есть минуты и часы...
И не зря еще Чапаев
Уважал свои усы.

Словом — дальше. Генералу
Показалось под конец,
Что своей награде мало
Почему-то рад боец.

Что ж, боец — душа живая,
На войне второй уж год...
И не каждый день сбивают
Из винтовки самолет.

And, although you're not broad-shouldered
And, although you're not so tall,
And not dressed for the parade-ground
(Leave that till the fighting's done),
If they tell you you're a champion,
Better look and be like one.

Do your best, rise to the occasion,
And remember well, my son,
How he handed you the medal
Just as if it were his own;
How he pinned it on your tunic,
Quickly, but in no way rushed,
Clapped your shoulder: "Good work, Tyorkin!"
And gave his moustache a brush.

Also, parenthetically,
There's one comment we should make:
No, the General's moustache is
Not there just for beauty's sake.

On parade or at the front-line,
It's not purely meaningless
If he brushes his moustache, though
He may only say: "Hm, yes...."

It's a good old Army custom,
And, as every soldier knows,
Not for nothing did Chapayev
Cherish his mustachios.

Still, to go on with our story....
Soon the General descried
That, despite his decoration,
Tyorkin seemed unsatisfied.

Well, the fellow's only human,
He's been fighting all the way.
And you don't shoot down a bomber
With a rifle every day.

Молодца и в самом деле
Отличить расчет прямой.

— Вот что, Теркин, на неделю
Можешь с орденом — домой...

Теркин — понял ли, не понял,
Иль не верит тем словам?
Только дрогнули ладони
Рук, протянутых по швам.

Про себя вздохнув глубоко,
Теркин тихо отвечал:
— На неделю мало сроку
Мне, товарищ генерал...

Генерал склонился строго:
— Как так мало? Почему?
— Потому — трудна дорога
Нынче к дому моему.
Дом-то вроде недалечко,
По прямой — пустяшный путь...

— Ну а что ж?
— Да я не речка,
Чтоб легко туда шмыгнуть.
Мне по крайности вначале
Днем соваться не с руки.
Мне идти туда ночами,
Ну, а ночи коротки...

Генерал кивнул:
— Понятно!
Дело с отпуском — табак.—
Пошутил:
— А как обратно
Ты пришел бы?..
— Точно ж так...

Сторона моя лесная,
Каждый кустик мне — родня.
Я пути такие знаю,
Что поди поймай меня!

Seeing that the lad deserves it,
There's one more thing I can do....

"Tyorkin, one week's leave is granted.
Take your medal home with you."

Can't the lad believe his ears, then?
Is he dumbstruck as he seems?
But his hands are trembling slightly
Pressed against the trouser seams.

Tyorkin heaved a sigh, and answered
In a timid voice and low:
"Comrade General, one week is
Hardly long enough, you know."

Grim, the General leaned forward;
"What d'you mean, 'not long enough'?"
"It's no easy road to travel,
And the going could be tough.
As the crow flies—nothing to it,
It's not all that far to go...."

"Well, then?"
"Well, I'm not a brooklet,
Just to trickle through somehow....
Getting through the lines in daylight
Wouldn't be exactly sport.
I would have to move in darkness,
And the nights are pretty short."

"Ah!" The General nodded. "Got you!
Rather dodgy business, eh?"
Then he joked: "As for returning,
D'you suppose you'd find the way?"

"It's all forest where I come from.
I know every bush and tree,
Every track. I could lie low there,
And you'd look in vain for me.

Мне там каждая знакома
Бороздёнка под межой.
Я — смоленский. Я там дома.
Я там — свой, а *он* — чужой.

— Погоди-ка. Ты без шуток.
Ты бы вот что мне сказал...

И как будто в ту минуту
Что-то вспомнил генерал.
На бойца взглянул душевней
И сказал, шагнув к стене:
— Ну-ка, где твоя деревня?
Покажи по карте мне.

Теркин дышит осторожно
У начальства за плечом.
— Можно,— молвит,— это можно.
Вот он Днепр, а вот мой дом.

Генерал отметил точку.
— Вот что, Теркин, в одиночку
Не резон тебе идти.
Потерпи уж, дай отсрочку,
Нам с тобою по пути...

Отпуск точно, аккуратно
За тобой прошу учесть.

И боец сказал:
— Понятно.—
И еще добавил:
— Есть.

Встал по форме у порога,
Призадумался немного,
На секунду на одну:..

Генерал усы потрогал
И сказал, поднявшись:
— Ну?..

"I know every single furrow,
Every single boundary line.
All that country round Smolensk, it's
Not *their* home by rights, it's mine."

"Just a moment. That's important.
You could help us out, maybe...."

And, as if some half-forgotten
Thought had struck him suddenly,
With a friendlier glance at Tyorkin,
He approached the dug-out wall.
"See this map? Point out your village,
Can you?" asked the General.

Tyorkin stepped up close behind him,
Breathing extra carefully.
"Yes, I can. That there's the Dnieper,
And that there's my home," said he.

Then the CO marked it lightly.
"Look here, Tyorkin, can't say rightly
You'd do well to go alone.
If you don't mind waiting slightly,
We could all head for your home....

"Just postpone your leave a little.
Rest assured, you'll get it all."

"Understood," said Vasya Tyorkin,
Adding, "Comrade General."

As per Army Regulations,
Tyorkin stiffened to attention,
Then turned thoughtful for a spell....

And the General, half-rising,
Fingered his moustaches:
"Well?..."

182

Скольких он, над картой сидя,
Словом, подписью своей,
Перед тем в глаза не видя,
Посылал на смерть людей!

Что же, всех и не увидишь,
С каждым к росстаням не выйдешь,
На прощанье всем нельзя
Заглянуть тепло в глаза.

Заглянуть в глаза, как другу,
И пожать покрепче руку,
И по имени назвать,
И удачи пожелать,
И, помедливши минутку,
Ободрить старинной шуткой:
Мол, хотя и тяжело,
А, между прочим, ничего...

Нет, на всех тебя не хватит,
Хоть какой ты генерал.

Но с одним проститься кстати
Генерал не забывал.

Обнялись они, мужчины,
Генерал-майор с бойцом,—
Генерал — с любимым сыном,
А боец — с родным отцом.

И бойцу за тем порогом
Предстояла путь-дорога
На родную сторону,
Прямиком через войну.

183

Brooding on his maps, how many
Soldiers, quite impersonally,
With a word or scribbled order
Has he sent away to die?

You can't walk with every soldier
To the parting of the ways;
Look into his eyes directly
With a warm and friendly gaze;

Grip him firmly by the hand,
As if he were some dear friend;
Call him by his name, express
Hopes for good luck and success;
And, delaying for a minute,
Crack some joke with whiskers on it:
"As the famous poet said,
'Cheer up, son, you'll soon be dead.'"

No, there isn't a commander
Who could say good-bye to all.

But one man was not forgotten
This time by the General.

Major-General and soldier,
They embraced as man with man:
Common private and his father,
General and his favourite son.

And, beyond the threshold lay
Vasya Tyorkin's homeward way
Over country scarred and torn
To the place where he was born.

О СЕБЕ

Я покинул дом когда-то,
Позвала дорога вдаль.
Не мала была утрата,
Но светла была печаль.

И годами с грустью нежной —
Меж иных любых тревог —
Угол отчий, мир мой прежний
Я в душе моей берег.

Да и не было помехи
Взять и вспомнить наугад
Старый лес, куда в орехи
Я ходил с толпой ребят.

Лес — ни пулей, ни осколком
Не пораненный ничуть,
Не порубленный без толку,
Без порядку как-нибудь;
Не корчеванный фугасом,
Не поваленный огнем,
Хламом гильз, жестянок, касок
Не заваленный кругом;

ABOUT MYSELF

Years ago, the wide world calling
Took me from my home away.
Though my loss was not a small one,
Gentle was my grief that day.

Through the years with tender sadness,
Day-to-day concerns apart,
Memories of home I cherished
Deep within my yearning heart.

At my fancy, I could always
Call to mind those early joys:
How I roamed the ancient forest,
Nutting with a gang of boys.

Woods not torn and gashed by shrapnel,
Nor by flying bullets grazed;
Woods no fury of destruction
Had condemned to senseless waste;
Woods not seared by high-explosives,
Burnt down to the very ground,
Woods not strewn with cartridge cases,
Cans and helmets all around;

Блиндажами не изрытый,
Не обкуренный зимой,
Ни своими не обжитый,
Ни чужими под землей.

Милый лес, где я мальчонкой
Плел из веток шалаши,
Где однажды я теленка,
Сбившись с ног, искал в глуши...

Полдень раннего июня
Был в лесу, и каждый лист,
Полный, радостный и юный,
Был горяч, но свеж и чист.

Лист к листу, листом прикрытый,
В сборе лиственном густом
Пересчитанный, промытый
Первым за лето дождем.

И в глуши родной, ветвистой,
И в тиши дневной, лесной
Молодой, густой, смолистый,
Золотой держался зной.

И в спокойной чаще хвойной
У земли мешался он
С муравьиным духом винным
И пьянил, склоняя в сон.

И в истоме птицы смолкли...
Светлой каплею смола
По коре нагретой елки,
Как слеза во сне, текла...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край недавних детских лет,
Отчий край, ты есть иль нет?

Детства день, до гроба милый,
Детства сон, что сердцу свят,

Woods not criss-crossed with entrenchments,
Woods not charred by winter fires,
Woods not occupied and lived in
By whole armies—ours or theirs.

Dear, dear forest, where I wove me
Twigs and branches for a tent;
Where I sought an erring calf, and
Ran till I was nearly spent....

Once in early June, at midday,
Every leaf that I saw there
Joyous, full and juvenescent,
Glowed as with the purest fire.

Leaf to leaf, by leaf part covered,
In a dense and leafy pile,
Counted over, washed by summer's
First fresh shower of rain the while.

Deep within my native backwoods
All those silent summer days,
Thick and fragrant with sweet resin
Hung the shimmering golden haze,

Mingling in the tranquil fir-grove
With the winey redolence
Of the ants—intoxicating
And inducing somnolence.

Drowsy are the birds and silent...
See the bead of resin creep
Down the fir-tree's warm bark, shining
Like a teardrop shed in sleep....

Motherland, of all the fairest,
Land of woods and dreaming forest,
Where I roamed not long ago—
Are you there still, yes or no?

Childhood days the memory clings to,
Distant dream the heart holds dear—

Как легко все это было
Взять и вспомнить год назад.

Вспомнить разом что придется —
Сонный полдень над водой,
Дворик, стежку до колодца,
Где песочек золотой;
Книгу, читанную в поле,
Кнут, свисающий с плеча,
Лед на речке, глобус в школе
У Ивана Ильича...

Да и не было запрета,
Проездной купив билет,
Вдруг туда приехать летом,
Где ты не был десять лет...

Чтобы с лаской, хоть не детской,
Вновь обнять старуху мать,
Не под проволокой немецкой
Нужно было проползать.

Чтоб со взрослой грустью сладкой
Праздник встречи пережить —
Не украдкой, не с оглядкой
По родным лесам кружить.

Чтоб сердечным разговором
С земляками встретить день —
Не нужда была, как вору,
Под стеною прятать тень...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край, страдающий в плену!
Я приду — лишь дня не знаю,
Но приду, тебя верну.

Не звериным робким следом
Я приду, твой кровный сын,—
Вместе с нашею победой
Я иду, а не один.

All so easy to remember
Till that dark and fateful year.

Memories of the water shining
In the drowsy noonday heat;
Courtyard, footpath to the well-head,
Golden sand there at your feet;
Books, the shepherd's knout that dangled
From your shoulder as a rule;
River ice, the globe at lessons
With Ivan Ilyich in school....

No one ever said you couldn't
Buy a ticket for the train
After ten long years of absence
Just to see your folks again.

No need to go crawling under
Barbed wire and across the line
To embrace your ageing mother
With a love undimmed by time.

No need for that furtive skulking
Through the forest on your way
To the secret, grown-up sadness
Of that sweet reunion day.

No need to slink round the corner
Wary as a thief, or worse,
Scared of your own shadow, just to
Meet your fellow villagers.

Motherland, of all the fairest,
Land of woods and dreaming forest
Suffering in captivity!
When, I cannot rightly say,
But I shall return one day.

Not like some wild, cowering creature
Shall your son at last come home,
But in victory's hour triumphant
I'll return, and not alone!

Этот час не за горою,
Для меня и для тебя...

А читатель той порою
Скажет:
— Где же про героя?
Это больше про себя.

Про себя? Упрек уместный,
Может быть, меня пресек.

Но давайте скажем честно:
Что ж, а я не человек?

Спорить здесь нужды не вижу,
Сознавайся в чем в другом.
Я ограблен и унижен,
Как и ты, одним врагом.

Я дрожу от боли острой,
Злобы горькой и святой.
Мать, отец, родные сестры
У меня за той чертой.
Я стонать от боли вправе
И кричать с тоски клятой.
То, что я всем сердцем славил
И любил — за той чертой.

Друг мой, так же не легко мне,
Как тебе с глухой бедой.
То, что я хранил и помнил,
Чем я жил — за той, за той —
За неписаной границей,
Поперек страны самой,
Что горит, горит в зарницах
Вспышек — летом и зимой...

И скажу тебе, не скрою,—
В этой книге, там ли, сям,
То, что молвить бы герою,
Говорю я лично сам.
Я за все кругом в ответе,

Yes, that hour is drawing nearer
Slowly, both for you and me....

Then the reader:
"And our hero—
Have you left him on the shelf?
All you talk of is yourself!"

Why, you almost beat me to it.
That was rightly said by you.

But we might as well be honest:
Me, am I not human too?

There's no call for us to quarrel
Over things like that. You see,
I've been robbed, humiliated
By that selfsame enemy.

With the keenest pain I tremble,
Holy, bitter rage is mine.
Mother, father, sisters—all are
On the wrong side of that line.
I could rightly groan with anguish,
Cry out at the cruel affront.
All I love and hold most sacred
Lies beyond that battle-front.

Yes, calamity has hit me
Just as hard as you, my friend;
All I cherish and remember,
All I've lived for, lies beyond
That uncharted frontier slanting
Down across the land entire,
Burning, burning, summer, winter,
In a holocaust of fire.

In this book occasionally—
And I'm being frank with you—
What my hero should be saying
Comes from me direct, it's true.
I am part of all that's round me,

И заметь, коль не заметил,
Что и Теркин, мой герой,
За меня гласит порой.
Он земляк мой и, быть может,
Хоть нимало не поэт,
Все же как-нибудь похоже
Размышлял. А нет, ну — нет.

Теркин — дальше. Автор — вслед.

And, no doubt, you will have found me
Giving Tyorkin many a time
Thoughts and feelings that are mine.
He's my countryman, and maybe,
Though he's not the poet kind,
Still, in all his thoughts and feelings,
He's somehow that way inclined.

Let him lead. I'll come behind.

БОЙ В БОЛОТЕ

Бой безвестный, о котором
Речь сегодня поведем,
Был, прошел, забылся скоро...
Да и вспомнят ли о нем?

Бой в лесу, в кустах, в болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь;

Где брели бойцы понуро,
И, скользнув с бревна в ночи,
Артиллерия тонула,
Увязали тягачи.

Этот бой в болоте диком
На втором году войны
Не за город шел великий,
Что один у всей страны;

Не за гордую твердыню,
Что у матушки-реки,

THE BATTLE OF THE MARSHES

Now, the battle of the marshes
That's our subject for today,
Came and went, was soon forgotten—
Who'd remember anyway?

It took place in swampy forest
Where the tide of war had spread,
Where they fought knee-deep in water,
And breast-high in oozing mud;

Where they straggled, glum and wretched,
And the field guns in the night
Slipped their beams, subsided slowly,
While the tractors bogged down tight.

And the battle of the marshes,
As war's second year came round,
Wasn't fought for some great city
Of illustrious renown;

Wasn't fought for that proud fortress
By the Volga flowing free,

А за некий, скажем ныне,
Населенный пункт Борки.

Он стоял за тем болотом
У конца лесной тропы,
В нем осталось ровным счетом
Обгорелых три трубы.

Там с открытых и закрытых
Огневых — кому забыть! —
Было бито, бито, бито,
И, казалось, что там бить?

Там в щебенку каждый камень,
В щепки каждое бревно.
Называлось там Борками
Место черное одно.

А в окружку — мох, болото,
Край от мира в стороне.
И подумать вдруг, что кто-то
Здесь родился, жил, работал,
Кто сегодня на войне.

Где ты, где ты, мальчик босый,
Деревенский пастушок,
Что по этим дымным росам,
Что по этим кочкам шел?

Бился ль ты в горах Кавказа,
Или пал за Сталинград.
Мой земляк, ровесник, брат,
Верный долгу и приказу
Русский труженик-солдат.

Или, может, в этих дымах,
Что уже недалеки,
Видишь нынче свой родимый
Угол дедовский, Борки?

И у той черты недальной,
У земли многострадальной,

But, we might as well admit it,
For a hamlet named Borki.

There it lay, back of the marshes,
Reached by one small forest track;
Not a single house left standing,
Just three chimneys, scorched and black.

From concealed and open fire-points,
As all there remember well,
It was hammered, hammered, hammered;
There seemed nothing left to shell.

Every brick was smashed to rubble,
Every beam to matchwood turned,
Till Borki was just a name for
Something flat, and black, and burnt,

Ringed around by moss and marshes,
Back of nowhere, far away...
And to think that in this hamlet
One was born, and lived, and laboured,
Who is at the front today.

Little barefoot shepherd laddie,
Tell me, where, O where are you,
That once roamed these mounds and tussocks
In the misty morning dew?

Did you fight down in the Caucasus
Did you fall at Stalingrad,
Fellow-countryman and comrade,
True to orders and to duty,
Russian peasant soldier-lad?

Or, perhaps, in yonder smoke haze,
Not so far off now, you see
All that's left of what was once your
Native hamlet of Borki?

Near the outskirts of the village
Now so near and yet so far,

Что была к тебе добра,
Влился голос твой в печальный
И протяжный стон: «Ура-а...»

Как в бою удачи мало
И дела нехороши,
Виноватого, бывало,
Там попробуй поищи.

Артиллерия толково
Говорит — она права:
— Вся беда, что танки снова
В лес свернули по дрова.

А еще сложнее счеты,
Чуть танкиста повстречал:
— Подвела опять пехота.
Залегла. Пропал запал.

А пехота не хвастливо,
Без отрыва от земли
Лишь махнет рукой лениво:
— Точно. Танки подвели.

Так идет оно по кругу,
И ругают все друг друга,
Лишь в согласье все подряд
Авиацию бранят.

Все хорошие ребята,
Как посмотришь — красота.
И ничуть не виноваты,
И деревня не взята.

И противник по болоту,
По траншейкам торфяным
Садит вновь из минометов —
Что ты хочешь делай с ним.

Адреса разведал точно,
Шлет посылки спешной почтой,
И лежишь ты, адресат,

On the land where you were nurtured,
Did you lift your voice up, maybe,
In a long and sad "Hurra-ah!"?

When things go awry in action,
When you think you've lost the game,
That's the time when everybody
Looks for someone else to blame.

Say the gunners, reasonably,
"We delivered all the goods.
It's the tanks—they turned and left us,
Went for logs into the woods."

But it isn't all that simple.
Meet a tankman: he makes out
That the infantry stayed put and
Sent the whole show up the spout.

And the infantry dismiss it
Without even looking round,
Saying with a weary gesture,
"Yes, the tanks—they let us down."

So they chew the whole thing over,
Each lot swearing at the other;
But, as with a single voice,
They all curse the Air Force boys.

Still, they're all grand fellows really,
As I'm sure you will agree,
And you cannot really blame them
If they've failed to take Borki.

Meanwhile, Jerry rakes the marshes
And the trenches in the peat
With a battery of mortars,
And our boys are in a sweat.

Yes, he's found the right addresses,
And each package he expresses,
While they just lie waiting there,

Изнывая, ждешь за кочкой,
Скоро ль мина влепит в зад.

Перемокшая пехота
В полный смак клянет болота,
Не мечтает о другом —
Хоть бы смерть, да на сухом.

Кто-нибудь еще расскажет,
Как лежали там в тоске.
Третьи сутки кукиш кажет
В животе кишка кишке.

Посыпает дождик редкий,
Кашель злой терзает грудь.
Ни клочка родной газетки —
Козью ножку завернуть;

И ни спичек, ни махорки —
Все раскисло от воды.
— Согласись, Василий Теркин,
Хуже нет уже беды?

Тот лежит у края лужи,
Усмехнулся:
— Нет, друзья,
Во сто раз бывает хуже,
Это точно знаю я.

— Где уж хуже...
— А не спорьте,
Кто не хочет, тот не верь,
Я сказал бы: на курорте
Мы находимся теперь.

И глядит шутник великий
На людей со стороны.
Губы — то ли от черники,
То ль от холода черны.

Говорит:
— В своем болоте
Ты находишься сейчас.

201

Stretched out flat among the grasses,
For a bombshell up the rear.

And the soaked and sodden soldiers
Lie and wait and swear blue murder,
Not at all afraid to die,
All they want is to be dry.

Someone else will tell the story,
How they lay there, as if trapped,
Three whole days and nights, so hungry
That their empty bellies flapped.

Drizzle falling, fast and fine,
Sounds of coughing all the time,
And no paper or gazette
For a hand-rolled cigarette.

Neither matches nor *makhorka*:
Everything is sopping wet.
"Might as well admit it, Tyorkin,
This is quite the worst do yet."

Lying almost in a puddle,
He just turns his head and grins.
"Call this bad? There's nothing to it,
That's the honest truth, my friends."

"Where's it worse?"
"Though you don't have to
Credit everything I say,
This, as far as I'm concerned, mates,
Is a seaside holiday."

And our wag regards his comrades
Sideways, seeming much amused.
And his lips are blue with cold, or
Maybe whortleberry juice.

He continues: "Now, these marshes
That you're in, belong to you.

Ты в цепи. Во взводе. В роте.
Ты имеешь связь и часть.

Даже сетовать неловко
При такой, чудак, судьбе.
У тебя в руках винтовка,
Две гранаты при тебе.

У тебя — в тылу ль, на фланге,—
Сам не знаешь, как силен,—
Бронебойки, пушки, танки.
Ты, брат,— это батальон.
Полк. Дивизия. А хочешь—
Фронт. Россия! Наконец,
Я скажу тебе короче
И понятней: ты — боец.

Ты в строю, прошу усвоить,
А быть может, год назад
Ты бы здесь изведал, воин,
То, что наш изведал брат.

Ноги б с горя не носили!
Где свои, где чьи края?
Где тот фронт и где Россия?
По какой рубеж своя?

И однажды ночью поздно,
От деревни в стороне
Укрывался б ты в колхозной,
Например, сенной копне...

Тут, озноб вдувая в души,
Долгой выгнувшись дугой,
Смертный свист скатился в уши,
Ближе, ниже, суше, глуше—
И разрыв!
За ним другой...

— Ну, накрыл. Не даст дослушать
Человека.
— Он такой...

You're in line. Part of a unit,
With communications, too.

"Everybody might well wonder
What the hell you're whining for,
When you've got a rifle on you,
And two hand-grenades, what's more.

"What with flanks, and rear, and so forth,
You're much stronger than you'd guess:
Anti-tank guns, tanks, artillery—
A Battalion, nothing less!
Regiment. Division. Then the
Front. All of our Russian land.
In a word, you are a soldier,
That's what you should understand.

"Now you're in the battle line, chum,
But a year ago, maybe,
You'd have surely been through something
Like what happened once to me.

"You'd have nearly died of anguish.
Where are all the lads you knew?
Where's the Front? Where are you, Russia?
How much is there left of you?

"Late at night, one summer evening
You'd be hiding, I dare say,
Somewhere well clear of the village
In a handy heap of hay...."

Here a whine, weird and soul-chilling,
Stabbed the ear-drums like a pain,
In a long, low arc a-sailing,
Keener, lower, nearer wailing,
Then a crash—
And then again....

"Ranging in—no doubt about it!"
"Doesn't like your voice, that's plain!"

И за каждым тем разрывом
На примолкнувших ребят
Рваный лист, кружась лениво,
Ветки сбитые летят.

Тянет всех, зовет куда-то,
Уходи, беда вот-вот...
Только Теркин:
— Брось, ребята,
Говорю — не попадет.

Сам сидит как будто в кресле,
Всех страхует от огня.
— Ну, а если?..
— А уж если...
Получи тогда с меня.

Слушай лучше. Я серьезно
Рассуждаю о войне.

Вот лежишь ты в той бесхозной,
В поле брошенной копне.

Немец где? До ближней хаты
Полверсты — ни дать ни взять,
И приходят два солдата
В поле сена навязать.

Из копнушки вяжут сено,
Той, где ты нашел приют,
Уминают под колено
И поют. И что ж поют!

Хлопцы, верьте мне, не верьте,
Только врать не стал бы я,
А поют худые черти,
Сам слыхал: «Москва моя».

Тут состроил Теркин рожу
И привстал, держась за пень,
И запел весьма похоже,
Как бы немец мог запеть.

With each violent explosion
As they lie there, silent all,
Broken twigs come down and leaves that
Circle idly as they fall.

Now the men are getting restless:
"If we don't get of it...."
Tyorkin stops them:
"That'll do, lads.
He won't score a direct hit."

Sitting pretty, he insures them
From such shell-bursts as may come.
"But supposing?...."
"Well, supposing...
I'll pay up your premium.

"Now, about this war, there's something
Serious I've got to say.

"There you are, out in the meadow,
Hiding in a heap of hay.

"It's a half verst to the nearest
Cottage, you can't nip away,
Though you hear two German soldiers
Coming up to bind some hay.

"Now they're binding from the hay-pile
Where you're lying motionless.
As they work, the two are singing
Something—well, you'll never guess!

"Call me liar if you want to,
But I wouldn't shoot a line.
With my own two ears I heard those
Devils singing 'Moscow Mine'!"

Tyorkin grimaced, put his hand down
On a tree-stump, rose. gave out
With a line or two of music,
Singing just like any Kraut.

До того тянул он криво,
И смотрел при этом он
Так чванливо, так тоскливо,
Так чудно,— печенки вон!

— Вот и смех тебе. Однако
Услыхал бы ты тогда
Эту песню,— ты б заплакал
От печали и стыда.

И смеешься ты сегодня,
Потому что, знай, боец:
Этой песни прошлогодней
Нынче немец не певец.

— Не певец-то — это верно,
Это ясно, час не тот...
— А деревню-то, примерно,
Вот берем — не отдает.

И с тоскою бесконечной,
Что, быть может, год берег,
Кто-то так чистосердечно,
Глубоко, как мех кузнечный,
Вдруг вздохнул:
— Ого, сынок!

Подивился Теркин вздоху,
Посмотрел,— ну, ну! — сказал,—
И такой ребячий хохот
Всех опять в работу взял.

— Ах ты, Теркин. Ну и малый.
И в кого ты удался,
Только мать, наверно, знала...
— Я от тетки родился.

— Теркин — теткин, елки-палки,
Сыпь еще назло врагу.

— Не могу. Таланта жалко.
До бомбежки берегу.

And he dragged it out so direly,
With such sentiment, such side,
And so weirdly, that his comrades
Laughed until they nearly cried.

"Think that's funny? Let me tell you,
If you'd heard that song the same
As I heard it in the meadow,
You'd have wept for grief and shame.

"Yes, today it seems amusing,
And this is the reason, mate:
Jerry sang that song last summer;
Now, for him, it's out of date!"

"Yes, he's changed his tune already,
Not the time for it, that's flat...."
"But the village that we're after,
He's sure hanging on to that!"

Then, as if he had been saving
Up his sorrows for a year,
Suddenly one of the fellows,
Wheezing like a smithy bellows,
Breathed a heartfelt sigh: "Oh dear!"

Tyorkin stared at him, quite startled.
"Here, come off it, you!" said he.
And a peal of boyish laughter
Once more shook the company.

"Tyorkin, Tyorkin, you're a right one.
Where on earth d'you get it from?
No one but your Ma could tell us—"
"It's my Aunt as bore me, chum."

"Auntie's Tyorkin! What a talker!
Give us more dirt on the Hun."

"Can't. I've got to save my talent
Till the Jerry bombers come.

Получай тогда на выбор,
Что имею про запас.

— И за то тебе спасибо.
— На здоровье. В добрый час.

Заключить теперь нельзя ли,
Что, мол, горе не беда,
Что ребята встали, взяли
Деревушку без труда?

Что с удачей постоянной
Теркин подвиг совершил:
Русской ложкой деревянной
Восемь фрицев уложил!

Нет, товарищ, скажем прямо:
Был он долог до тоски,
Летний бой за этот самый
Населенный пункт Борки.

Много дней прошло суровых,
Горьких, списанных в расход.

— Но позвольте,—скажут снова,—
Так о чем тут речь идет?

Речь идет о том болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь—по грудь;

Где в трясине, в ржавой каше,
Безответно—в счет, не в счет—
Шли, ползли, лежали наши
Днем и ночью напролет;

Где подарком из подарков,
Как труды ни велики,
Не Ростов им был, не Харьков,
Населенный пункт Борки.

И в глуши, в бою безвестном,
В сосняке, в кустах сырых

You can have the first refusals
On what I've got left to spare."

"Well, for that much, thank you, comrade."
"Pleasure! Any time you care!"

Can we now say in conclusion
That the siege came off all right?
That they charged and took the hamlet,
Jerry showing little fight?

That, unbeatable as always,
Tyorkin, in a mighty feat,
With a Russian wooden soup-spoon
Knocked eight Jerries off their feet?

No, we'll tell you frankly, comrade—
One long drawn-out agony
Was the battle fought that summer
For the hamlet of Borki.

Many days of desperate struggle
Written off as spent in vain....

"Now just what's all this in aid of?"
Comes the objection once again.

It's about those swamps and marshes
Where the tide of war had spread;
Where men fought knee-deep in water,
And breast-high in oozing mud.

Where through mud as thick as porridge
Doggedly they fought their way,
Walking, crawling, taking cover,
Without respite, night and day.

Where the prize for all their labours,
Truly great though they might be,
Wasn't proud Rostov or Kharkov,
But the hamlet of Borki.

In the battle of the pinewoods
Where the scrub lay wet beneath,

Смертью праведной и честной
Пали многие из них.

Пусть тот бой не упомянут
В списке славы золотой,
День придет — еще повстанут
Люди в памяти живой.

И в одной бессмертной книге
Будут все навек равны —
Кто за город пал великий,
Что один у всей страны;

Кто за гордую твердыню,
Что у Волги у реки,
Кто за тот, забытый ныне,
Населенный пункт Борки.

И Россия — мать родная —
Почесть всем отдаст сполна.
Бой иной, пора иная,
Жизнь одна и смерть одна.

Many of them died a noble
And an honourable death.

Though they may not grace the golden
List of fame for all to see,
Those who fell shall rise up one day
In the living memory.

And in one immortal volume
They stand equal for all time:
Those who died for a great city
Of unique, illustrious name;

Those who fell for that proud fortress
By the Volga flowing free;
And the heroes of that long-
Forgotten hamlet of Borki.

Russia shall pay homage to them,
Each and every mother's son.
Times and battlegrounds may differ,
Life is one and death is one.

О ЛЮБВИ

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

Не подарок, так белье
Собрала, быть может,
И что дольше без нее,
То она дороже.

И дороже этот час,
Памятный, особый,
Взгляд последний этих глаз,
Что забудь попробуй.

Обойдись в пути большом,
Глупой славы ради,
Без любви, что видел в нем,
В том прощальном взгляде.

Он у каждого из нас
Самый сокровенный

ON LOVE

Of all those that war has taken
Far from home, there's no man
Who has not been waved farewell
By at least one woman....

Linen's all that she may give him
As he stops to kiss her,
But, as time goes passing by,
He begins to miss her.

And he can't forget the look
In her fond eyes, ever,
During those last precious moments
That they were together.

Never mind the quest for glory;
Nothing's worth the starting
Without all the love that shone there
At the hour of parting.

For each one of us, that look
Is imperishable;

И бесценный наш запас,
Неприкосновенный.

Он про всякий час, друзья,
Бережно хранится.
И с товарищем нельзя
Этим поделиться,
Потому — он мой, он весь —
Мой, святой и скромный,
У тебя он тоже есть,
Ты подумай, вспомни.

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

И приходится сказать,
Что из всех тех женщин,
Как всегда, родную мать
Вспоминают меньше.

И не принято родной
Сетовать напрасно,—
В срок иной, в любви иной
Мать сама была женой
С тем же правом властным.

Да, друзья, любовь жены,—
Кто не знал — проверьте,—
На войне сильней войны
И, быть может, смерти.

Ты ей только не перечь,
Той любви, что вправе
Ободрить, предостеречь,
Осудить, прославить.

Вновь достань листок письма,
Перечти сначала,
Пусть в землянке полутьма,
Ну-ка, где она сама
То письмо писала?

It's our last reserve of hope,
Safe, inviolable.

We might need it some dark day,
So we guard it, jealous.
It's not something to be shared
With the other fellows.
Sacred, modest, it's all mine,
Not meant for another.
And it's just the same for you,
Please remember, brother.

Of all those that war has taken
Far from home, there's no man
Who has not been waved farewell
By at least one woman....

And of those devoted women
It must be admitted
That the mother is the one
Least of all regretted.

Still, she doesn't sit complaining
Sadly of her luckless life.
She's had love, she's had her hour,
She herself has been a wife,
Wielding wifely power.

And a wife's devoted love,
As was known aforetime,
Stronger is than war, than even
Death itself in wartime.

Only you must not deny
Woman's love, that rightly
Can console, advise, assist
Judge you far from lightly.

Take it out and read it through,
That much cherished letter
Though the dug-out light is low.
When she sat and wrote to you,
Were things any better?

При каком на этот раз
Примостилась свете?
То ли спали в этот час,
То ль мешали дети,
То ль болела голова
Тяжко, не впервые,
Оттого, брат, что дрова
Не горят сырые?..

Впряжена в тот воз одна,
Разве не устанет?
Да зачем тебе жена
Жаловаться станет?

Жены думают, любя,
Что иное слово
Все ж скорей найдет тебя
На войне живого.

Нынче жены все добры,
Беззаветны вдосталь,
Даже те, что до поры
Были ведьмы просто.

Смех — не смех, случалось мне
С женами встречаться,
От которых на войне
Только и спасаться.

Чем томиться день за днем
С той женою-крошкой,
Лучше ползать под огнем
Или под бомбежкой.

Лучше, пять пройдя атак,
Ждать шестую в сутки...
Впрочем, это только так,
Только ради шутки.

Нет, друзья, любовь жены,—
Сотню раз проверьте,—
На войне сильней войны
И, быть может, смерти.

When she snatched a moment, did she
Have good lighting by her?
Were the children fast asleep,
Or did they annoy her?
Or—not for the first time either—
Was her poor head aching,
All because the logs were damp
And the fire was smoking?...

Harnessed to the daily grind,
Lonely, tired, but coping,
She'll put up with it, she won't
Worry you by moping.

Wives know better and they think,
Confident and loving,
That a cheerful word will keep
You among the living.

Yes, in wartime wives are good,
Generous entirely,
Even those who may have been
Hags, to put it squarely.

Seriously, I've met wives on
More than one occasion,
From the likes of whom a war
Was the sole salvation.

Facing them from day to day
Took ten times the courage
Needed for a bomber raid
Or a heavy barrage.

Better sit through five attacks,
Then wait for another....
No, don't take me seriously,
I'm just joking, brother.

For a wife's devoted love,
As was known aforetime,
Stronger is than war, than even
Death itself in wartime.

И одно сказать о ней
Вы б могли вначале:
Что короче, что длинней —
Та любовь, война ли?

Но, бестрепетно в лицо
Глядя всякой правде,
Я замолвил бы словцо
За любовь, представьте.

Как война на жизнь ни шла,
Сколько ни пахала,
Но любовь пережила
Срок ее немалый.

И недаром нету, друг,
Письмеца дороже,
Что из тех далеких рук,
Дорогих усталых рук
В трещинках по коже.

И не зря взываю я
К женам настоящим:
— Жены, милые друзья,
Вы пишите чаще.

Не ленитесь к письмецу
Приписать, что надо
Генералу ли, бойцу,
Это — как награда.

Нет, товарищ, не забудь
На войне жестокой:
У войны короткий путь,
У любви — далекий.

И ее большому дню
Сроки близки ныне.

А к чему я речь клоню?
Вот к чему, родные.

And there is one point on which
No one needs assuring:
War, or love that woman feels—
Which is more enduring?

Looking truth straight in the eye
And without demurring,
It's for woman's love, my friends,
That I'd put a word in.

And, whatever war may do,
Love has proved the stronger.
War may come and war may go,
Love has lasted longer.

That's the reason why, my friend,
Nothing can be dearer,
Than the hurried letter, penned
By that well-known, rough-skinned hand,
Frail, work-worn, and weary.

If the rigours of this war
You would care to soften,
I appeal to you: "Dear wives,
Try to write more often.

"General or private—he
Needs all your affection.
Add those few fond words—to him
It's a decoration."

So, my friend, please don't forget:
War may seem the stronger;
But for war the road is short,
While for love it's longer.

Yes, true love shall win the day,
And the day draws nearer.

What might this be leading up to?
Let me make it clearer.

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

Но хотя и жалко мне,
Сам помочь не в силе,
Что остался в стороне
Теркин мой Василий.

Не случилось никого
Проводить в дорогу.

Полюбите вы его,
Девушки, ей-богу!

Любят летчиков у нас,
Конники в почете.

Обратитесь, просим вас,
К матушке-пехоте!

Пусть тот конник на коне,
Летчик в самолете,
И, однако, на войне
Первый ряд — пехоте.

Пусть танкист красив собой
И горяч в работе,
А ведешь машину в бой —
Поклонись пехоте.

Пусть форсист артиллерист
В боевом расчете,
Отстрелялся — не гордись,
Дела суть — в пехоте.

Обойдите всех подряд,
Лучше не найдете:
Обратите нежный взгляд,
Девушки, к пехоте.

Of all those that war has taken
Far from home, there's no man
Who has not been waved farewell
By at least one woman.

But, although I'm sorry for him,
I can't help it, really,
If he's somehow been left out,
Has my own Vassili.

No one came to see him off
At the hour of leaving.

Girls, let Tyorkin have your love,
All that you can give him!

You all love our gallant fliers
And our cavalry,

Please, dear girls, give more attention
To the infantry.

Horsemen spur their noble chargers,
Pilots ride the sky,
But the foremost in the fighting
Are the infantry.

Tank crews, though you may be handsome,
Fearless in the fray,
As you pass them, take your hat off
To the infantry.

Though the gunner is a credit
To the artillery,
He still owes the final outcome
To the infantry.

Weigh them up in turn, dear maidens,
Better there can't be:
Spare a glance of warm affection
For the infantry.

Полюбите молодца,
Сердце подарите,
До победного конца
Верно полюбите!

Let your heart's devoted love
Ever shine before him;
And, until your dying day,
Cherish and adore him!

ОТДЫХ ТЕРКИНА

На войне — в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке,—
Там, где случай приведет,—

Лучше нет, как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь кой-как друг к дружке,
Отдохнуть... Минут шестьсот.

Даже больше б не мешало,
Но солдату на войне
Срок такой для сна, пожалуй,
Можно видеть лишь во сне.

И представь, что вдруг, покинув
В некий час передний край,
Ты с попутною машиной
Попадаешь прямо в рай.

Мы здесь вовсе не желаем
Шуткой той блеснуть спроста,

TYORKIN HAS A REST

In the rolling railway wagon,
In the crowded wayside shack,
In the dug-out, in the cellar,
Anywhere you have the luck,

Nothing's better, without fuss and
Without feather mattress deep,
Than to huddle close together
For six hundred minutes' sleep.

Even longer wouldn't harm you,
But ten hours, as it would seem,
For the man on active service
Is no more than just a dream.

But suppose they send you packing
From the Front, to your surprise,
And you hitch a passing lorry,
And you land in paradise?

No, we don't intend to bore you
With the joke, well-known in war,

Что, мол, рай с передним краем
Это — смежные места.

Рай по правде. Дом. Крылечко.
Веник — ноги обметай.
Дальше — горница и печка.
Все, что надо. Чем не рай?

Вот и в книге ты отмечен,
Раздевайся, проходи.
И плечьми у теплой печи
На свободе поведи.

Осмотрись вокруг детально,
Вот в ряду твоя кровать.
И учти, что это — спальня,
То есть место — специально
Для того, чтоб только спать.

Спать, солдат, весь срок недельный,
Самолично, безраздельно
Занимать кровать свою,
Спать в сухом тепле постельном,
Спать в одном белье нательном,
Как положено в раю.

И по строгому приказу,
Коль тебе здесь быть пришлось,
Ты, помимо сна, обязан
Пищу в день четыре раза
Принимать. Но как? — вопрос.

Всех привычек перемена
Поначалу тяжела.
Есть в раю нельзя с колена,
Можно только со стола.

И никто в раю не может
Бегать к кухне с котелком,
И нельзя сидеть в одеже
И корежить хлеб штыком.

That when you're up in the front line,
Paradise is just next door.

Truly paradise. A building.
Porch with birch-broom — wipe your feet.
Common room. Stove burning brightly.
Paradise! What more d'you need!

Get your name down in the guest-book.
Hang your things up. This way, please.
Walk up to the cheerful stove and
Warm your shoulders at your ease.

Tour the place with due attention.
Note your bed — it's in that row.
This part of the accommodation
Is for one sole occupation,
Namely, sleep, we'd have you know.

Soldier, sleep through all your seven
Free and independent days.
Go to bed and close your eyes,
Sleep, enjoy the sheets and pillow,
Sleep, clad in your underlinen,
As ordained in paradise.

Under strictest regulations
Operative as from now,
You are under obligation
To partake of Army rations
Four times every day. But how?

Any sudden change of habit
Takes a fellow by surprise.
You must eat from off a table —
Laps are banned in paradise.

No, you can't rush to the cookhouse,
Out to grab what you can get;
Or, in coat and hat, sit slicing
Bread-crusts with your bayonet.

И такая установка
Строго-настрого дана,
Что у ног твоих винтовка
Находиться не должна.

И в ущерб своей привычке
Ты не можешь за столом
Утереться рукавичкой
Или — так вот — рукавом.

И когда покончишь с пищей,
Не забудь еще, солдат,
Что в раю за голенище
Ложку прятать не велят.

Все такие оговорки
Разобрав, поняв путем,
Принял в счет Василий Теркин
И решил:
— Не пропадем.

Вот обед прошел и ужин.
— Как вам нравится у нас?
— Ничего. Немножко б хуже,
То и было б в самый раз...

Покурил, вздохнул и на бок.
Как-то странно голове.
Простыня — пускай одна бы,
Нет, так на, мол, сразу две.

Чистота — озноб по коже,
И неловко, что здоров,
А до крайности похоже,
Будто в госпитале вновь.

Бережет плечо в кровати,
Головой не повернет.
Вот и девушка в халате
Совершает свой обход.

Двое справа, трое слева
К ней разведчиков тотчас.

There's another regulation
That you'd better not ignore:
Don't, repeat, don't park your rifle
Down beside you on the floor.

And, in contrast to the custom
You've observed more than enough,
Be it known that you must never
Wipe your lips clean with your cuff.

And, when you have finished eating,
Note that here in paradise,
You don't stuff your eating irons
Down your boot-top, Army-wise.

Going over these provisos
And the various reasons why,
Vasya Tyorkin weighed them up and
Then decided:
"We'll get by."

Dinner's over, then comes supper.
"Well, chum, what d'you make of it?"
"Oh, not bad. It's all right, really.
Known much worse, I must admit."

So he lights up, sighs, rolls over;
Something strange under his head.
Why, must be a sheet, or something—
No, there's two sheets on this bed!

They're so clean, you get the shivers.
Funny—you're as right as rain,
Yet for all the world you might be
Back in hospital again.

And he doesn't move his shoulder,
And he doesn't turn his head.
Now the girl in white is coming,
Glancing briefly at each bed.

And the advance patrol gets moving—
Two men here and three men there.

А она, как королева:
Мол, одна, а сколько вас.

Теркин смотрит сквозь ресницы:
О какой там речь красе.
Хороша, как говорится,
В прифронтовой полосе.

Хороша, при смутном свете,
Дорога, как нет другой,
И видать, ребята эти
Отдохнули день, другой...

Сон-забвенье на пороге,
Ровно, сладко дышит грудь.
Ах, как холодно в дороге
У объезда где-нибудь!

Как прохватывает ветер,
Как луна теплом бедна!
Ах, как трудно все на свете:
Служба, жизнь, зима, война.

Как тоскует о постели
На войне солдат живой!
Что ж не спится в самом деле?
Не укрыться ль с головой?

Полчаса и час проходит,
С боку на бок, навзничь, ниц.
Хоть убейся — не выходит.
Все храпят, а ты казнись.

То ли жарко, то ли зябко,
Не понять, а сна все нет.
— Да надень ты, парень, шапку,—
Вдруг дают ему совет.

Разъясняют:
— Ты не первый,
Не второй страдаешь тут.
Поначалу наши нервы
Спать без шапки не дают.

"Boys, you've got poor me outnumbered,"
Says she with a regal air.

Tyorkin opens half an eye and
Looks. Does she deserve the fuss?
As the Army would express it:
For the front-line zone—she'll pass.

Lovely in the room's dim lighting,
Not one rival here has she,
And it's plain those lads have all been
Resting for two days or three.

On the threshold of oblivion,
With your breathing quiet and calm,
Think: out there upon the highroad
You could hardly call it warm!

There, the wind can cut right through you,
And the moon gives little heat.
Army service, winter, warfare—
Life is anything but sweet.

How in time of war the soldier
Hankers for a nice warm bed!
What's the matter? Can't you sleep, then?
Why not cover up you head?

Half an hour gone, then another...
Toss, turn, lie supine, then prone,
Doesn't help at all. It's hopeless.
Others snore, you lie and moan.

Now you sweat and now you shiver,
Still no sleep. What's wrong with you?
"Here, son, why not put your hat on?"
Says a voice out of the blue,

And explains:
"You're not the first one
Or the last to go through that.
Nerves, that's what it is—won't let you
Go to sleep without your hat."

И едва надел родимый
Головной убор солдат,
Боевой, пропахший дымом
И землей, как говорят,—

Тот, обношенный на славу
Под дождем и под огнем,
Что еще колючкой ржавой
Как-то прорван был на нем;

Тот, в котором жизнь проводишь,
Не снимая,—так хорош!—
И когда ко сну отходишь,
И когда на смерть идешь,—

Видит: нет, не зря послушал
Тех, что знали, в чем резон:
Как-то вдруг согрелись уши,
Как-то стало мягче, глуше—
И всего свернуло в сон.

И проснулся он до срока
С чувством редкостным — точь-в-точь
Словно где-нибудь далеко
Побывал за эту ночь;

Словно выкупался где-то,
Где — хоть вновь туда вернись —
Не зима была, а лето,
Не война, а просто жизнь.

И с одной ногой обутой,
Шапку снять забыв свою,
На исходе первых суток
Он задумался в раю.

Хороши харчи и хата,
Осуждать не станем зря,
Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья.

Посудите сами, братцы,
Кто б чудней придумать мог:

So he takes his battle headgear
And he pulls it on straightway—
Fragrant with the mingled smell of
Smoke and earth, as soldiers say;

Frayed in honourable service
In the rain and under fire,
Torn and nicked in many places
By the enemy's barbed wire;

Hat you've almost spent your life in,
Hat you've worn both night and day,
Whether dozing off to sleep or
Sallying forth into the fray.

And in time Vassili knows he
Did right well to take the tip.
Soon his ears are warm and cosy,
Soon he's feeling really dozy,
Soon he's drifting off to sleep.

And he wakes before Reveille
With a feeling wondrous rare,
As if he was just returning
From a happy land somewhere;

As if he'd been swimming somewhere
Far away from worldly strife;
No harsh winter there, but summer;
No grim war, but simply—life.

One boot off and one boot on, and
Hat still down across his eyes,
Tyorkin suddenly turned thoughtful
In this earthly paradise.

Nice to have good grub and shelter,
And there's no real cause to fret;
But, of course, you must remember
That the war's not over yet.

When you think about it, brothers,
Why, it's almost past belief:

Раздеваться, разуваться
На такой короткий срок.

Тут обвыкнешь — сразу крышка,
Чуть покинешь этот рай.
Лучше скажем: передышка.
Больше время не теряй.

Закусил, собрался, вышел,
Дело было на мази.
Грузовик идет,— заслышал,
Голосует:
— Подвези.

И, четыре пуда грузу
Добавляя по пути,
Через борт ввалился в кузов,
Постучал: давай, крути.

Ехал — близко ли, далеко —
Кому надо, вымеряй.
Только, рай, прощай до срока,
И опять — передний край.

Соскочил у поворота,—
Глядь — и дома, у огня.
— Ну, рассказывайте, что тут,
Как тут, хлопцы, без меня?

— Сам рассказывай. Кому же
Неохота знать тотчас,
Как там, что в раю у вас...

— Хорошо. Немножко б хуже,
Верно, было б в самый раз...

Хорошо поспал, богато,
Осуждать не станем зря.
Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья.

Как дойдем до той границы
По Варшавскому шоссе,

Hang your coat up, take your boots off,
For a spell of time so brief.

Just get used to it and then you're
Done for when it's time to quit!
Better call it just a breather—
There's no other word for it.

Snatch a hasty bite of something,
Get your gear on. Go outside.
That was great.
A lorry coming....
Stop it. "Hey, give us a ride!"

Add a hundred pounds and forty
To the Army lorry's freight;
Scramble up the side and over,
Bang the roof. "Get going, mate!"

Is it very far to travel?
Check the distance, if you want.
Farewell, heaven, for the meantime,
Here we are again—the Front.

Jump down quickly at a turning.
See, a campfire. Now you're home.
"Well, what's it been like without me?
Did you manage on your own?"

"Never mind. How's paradise, chum?
You could tell us quite a bit.
How did you get on with it?"

"Oh, not bad. It's all right, really.
Known much worse, I must admit."

Yes, he slept and slept in comfort—
And he had no cause to fret.
But, of course, we must remember
That the war's not over yet.

When we've made it to the border
On the Warsaw motorway,

Вот тогда, как говорится,
Отдохнем. И то не все.

А пока — в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке,
Где нам случай приведет,—

Лучше нет, как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь плотней друг к дружке,
Отдохнуть.
А там — вперед.

That's the time for us to rest, friends,
And not all of us, I'd say.

Meanwhile, in the rolling wagon,
In the crowded wayside shack,
In the dug-out, in the cellar,
Anywhere you have the luck—

Nothing's better, with no fuss and
With no downy feather bed,
Than to huddle close together,
Rest—
And then push on ahead.

В НАСТУПЛЕНИИ

Столько жили в обороне,
Что уже с передовой
Сами шли, бывало, кони,
Как в селе, на водопой.

И на весь тот лес обжитый,
И на весь передний край
У землянок домовитый
Раздавался песий лай.

И прижившийся на диво,
Петушок — была пора —
По утрам будил комдива,
Как хозяина двора.

И во славу зимних буден
В бане — пару не жалей —
Секлись вениками люди
Вязки собственной своей.

На войне, как на привале,
Отдыхали про запас,

ON THE OFFENSIVE

Quite at home on the defensive,
Horses of their own accord
Used to amble down to water
Just like any village herd.

In the thronged and busy forest
And along the forward line,
Dogs, protective of their dug-outs,
Barked and yelped from time to time,

And the cock, as much at home as
In the farmyard, used to crow,
Waking regular as clockwork
The Divisional CO.

And, to celebrate the winter,
In the bath-house — steam galore!—
Soldiers plied their birch-twig bundles,
Shedding sweat from every pore.

War? A spell in bivouac, rather;
And they whiled the time away

Жили, «Теркина» читали
На досуге.
Вдруг — приказ...

Вдруг — приказ, конец стоянке,
И уж где-то далеки
Опустевшие землянки,
Сиротливые дымки.

И уже обыкновенно
То, что минул целый год,
Точно день. Вот так, наверно,
И война, и все пройдет...

И солдат мой поседелый,
Коль останется живой,
Вспомнит: то-то было дело,
Как сражались под Москвой...

И с печалью горделивой
Он начнет в кругу внучат
Свой рассказ неторопливый,
Если слушать захотят...

Трудно знать. Со стариками
Не всегда мы так добры.
Там посмотрим.
А покамест
Далеко до той поры.

*

Бой в разгаре. Дымкой синей
Серый снег заволокло.
И в цепи идет Василий,
Под огнем идет в село.

И до отчего порога,
До родимого села
Через то село дорога —
Не иначе — пролегла.

Reading *Tyorkin* when off duty.
Then the orders came one day....

Orders. No more idle waiting.
And they soon left far behind
Empty dug-outs, plumes of smoke that
Waved forlornly in the wind.

And they took it quite for granted
That a year had whistled by
Like a day, as wartime, doubtless,
And all else must pass away.

And my ageing, grey-haired soldier,
Should he still be safe and sound,
Will recall: "That was a business,
When we fought by Moscow town!..."

Slowly he will tell the story
With a sad but prideful air,
To his grandchildren around him,
If they only wish to hear....

Since we're often far from patient
With the old, it's hard to say.
We shall see....
But in the meantime
That's a long, long way away.

* * *

Battle raging. Blue pall hanging
Over snow as grey as lead.
Heavy firing. Tyorkin's section
Forges doggedly ahead.

And the village they're approaching
Lies between him and the place
Where his fathers dwelt before him,
Where he spent his childhood days.

Что поделаешь — иному
И еще кружнее путь.
И идет иной до дому
То ли степью незнакомой,
То ль горами где-нибудь...

Низко смерть над шапкой свищет,
Хоть кого согнет в дугу.

Цепь идет, как будто ищет
Что-то в поле на снегу.

И бойцам, что помоложе,
Что впервые так идут,
В этот час всего дороже
Знать одно, что Теркин тут.

Хорошо — хотя ознобцем
Пронимает под огнем —
Не последним самым хлопцем
Показать себя при нем.

Толку нет, что в миг тоскливый,
Как снаряд берет разбег,
Теркин так же ждет разрыва,
Камнем кинувшись на снег;

Что над страхом меньше власти
У того в бою подчас,
Кто судьбу свою и счастье
Испытал уже не раз;

Что, быть может, эта сила
Уцелевшим из огня
Человека выносила
До сегодняшнего дня,—

До вот этой борозденки,
Где лежит, вобрав живот,
Он, обшитый кожей тонкой
Человек. Лежит и ждет...

Life in war is harsh, unbending:
Not all go the direct way.
Some head home, their tired steps bending
Over dreary plains unending,
Or through mountains far away....

Death comes whistling low around them,
And they keep their heads well down,

Pushing on, as if in search of
Something on the snowy ground.

And some of the younger soldiers,
Those for whom all this is new,
Thank their lucky stars that Tyorkin's
By their side in danger too.

It's as well that, though the shelling
Sends cold shivers down your spine,
You don't show yourself the last one—
Not while Tyorkin's in the line.

No harm done if, at the moment
When a shell comes swooping low,
Tyorkin, too, waits for the explosion,
Flattened face down in the snow;

If to fear the hardened soldier
Proves in every way as prone,
Who has diced with fate and fortune
Many times before—and won;

If this urge for self-protection
Is what's helped him to survive,
Brought him safe through withering shellfire,
To this very day alive;

Brought him to that snow-filled furrow,
Where he lies, his stomach in,
Waiting, just a human being
With no cover but his skin....

Где-то там, за полем бранным,
Думу думает свою
Тот, по чьим часам карманным
Все часы идут в бою.

И за всей вокруг пальбою,
За разрывами в дыму
Он следит, владыка боя,
И решает, что к чему.

Где-то там, в песчаной круче,
В блиндаже сухом, сыпучем,
Глядя в карту, генерал
Те часы свои достал;
Хлопнул крышкой, точно дверкой,
Поднял шапку, вытер пот...

И дождался, слышит Теркин:
— Взвод! За Родину! Вперед!..

И хотя слова он эти —
Клич у смерти на краю —
Сотни раз читал в газете
И не раз слыхал в бою,—

В душу вновь они вступали
С одинаковою той
Властью правды и печали,
Сладкой горечи святой;

С тою силой неизменной,
Что людей в огонь ведет,
Что за все ответ священный
На себя уже берет.

— Взвод! За Родину! Вперед!..

Лейтенант щеголеватый,
Конник, спешенный в боях,
По-мальчишечьи усатый,
Весельчак, плясун, казак,
Первым встал, стреляя с ходу,

And, with many things to think of,
Somewhere rearward of the fray,
There is one whose watch all other
Watches on the field obey.

Following the action round him
Through the smoke, and din, and roar,
He's the man in charge, deciding
Every move, and what it's for.

In a sheltered cliffside cavern
Hollowed out of trickling sand,
Studying his map, the General
Pulls his pocket watch out, and
Snaps the lid shut like a trapdoor,
Shifts his hat and mops his brow....

Tyorkin, waiting, hears the order:
"For the Homeland! Here we go!"

Death-defying call to action—
Many, many times before,
Tyorkin's read it in the papers,
Heard it in the field, what's more;

But it shakes him to the centre
Of his being, nonetheless,
With the force of truth, of anguish,
Of sweet, holy bitterness;

With a force irrevocable,
Urging men against the foe,
Like a sacred vow upholding
All the things men cherish so.

"For the Homeland! Here we go!"

And their dashing, gay lieutenant,
Cossack, joker, dancer, wit,
With the lip-fuzz of a youngster,
Brilliant horseman, now on foot,
Jumped up, firing from the waist,

Побежал вперед со взводом,
Обходя село с задов.
И пролег уже далеко
След его в снегу глубоком —
Дальше всех в цепи следов.

Вот уже у крайней хаты
Поднял он ладонь к усам:
— Молодцы! Вперед, ребята! —
Крикнул так молодцевато,
Словно был Чапаев сам.
Только вдруг вперед подался,
Оступился на бегу,
Четкий след его прервался
На снегу...

И нырнул он в снег, как в воду,
Как мальчонка с лодки в вир.
И пошло в цепи по взводу:
— Ранен! Ранен командир!..

Подбежали. И тогда-то,
С тем и будет не забыт,
Он привстал:
— Вперед, ребята!
Я не ранен. Я — убит...

Край села, зады, задворки —
В двух шагах, в руках вот-вот...
И увидел, понял Теркин,
Что вести его черед.

— Взвод! За Родину! Вперед!..

И доверчиво по знаку,
За товарищем спеша,
С места бросились в атаку
Сорок душ — одна душа...

Если есть в бою удача,
То в исходе все подряд

With his unit forward raced
Towards the village, doubling round
And his foot-tracks as he sprinted
Outstripped all the rest imprinted
Deep across the snowy ground.

By the cottage at the end,
To his mouth he cupped his hand:
"That's the stuff, lads! In and smash 'em!"—
Just as brave and just as dashing
As Chapayev used to be.
All at once, he seemed to falter
As he turned to run ahead,
And his neatly printed footmarks
Suddenly stopped dead....

As a boy into a river,
He went plunging headlong down.
"Wounded! The commander's wounded!"
Was the word that travelled round.

Up they ran. And then what happened,
They'll remember, every one.
"Carry on!" he said, half rising.
"I'm not wounded, lads. I'm done."

Village outskirts, backyards, orchards,
Just two steps and we'll break through....
That's when Tyorkin realised that
He must take the lead, and so—

"For the Homeland! Here we go!"

Confidently at his signal,
Tyorkin's comrades followed on,
Charging straight into the village—
Forty men that moved as one....

When the action's been successful,
When the day's been truly won,

248

С похвалой, весьма горячей,
Друг о друге говорят.

— Танки действовали славно.
— Шли саперы молодцом.
— Артиллерия подавно
Не ударит в грязь лицом.
— А пехота!
— Как по нотам,
Шла пехота. Ну да что там!
Авиация — и та...

Словом, просто — красота.

И бывает так, не скроем,
Что успех глаза слепит:
Столько сыщется героев,
Что — глядишь — один забыт.

Но для точности примерной,
Для порядка генерал,
Кто в село ворвался первым,
Знать на месте пожелал.

Доложили, как обычно:
Мол, такой-то взял село,
Но не смог явиться лично,
Так как ранен тяжело.

И тогда из всех фамилий,
Всех сегодняшних имен —
Теркин — вырвалось — Василий!
Это был, конечно, он.

All congratulate each other
On the way the job's been done.

"Yes, the tanks were on top form there."
"And the sappers were a hit."
"And we always knew the gunners
Wouldn't land us in the——."
"And the infantry!"
"Like butter...
Never saw those boys fight better."
"And the Air Force too, you know...."

Or, to sum it up—good show!

But it has to be admitted
That success is often blind.
Name your heroes by the dozen,
One will always slip the mind.

But to keep the records tidy
So that nothing might be missed,
"Who broke first into the village?"
Was the General's request.

He was told, in routine manner,
So-and-so had taken it,
But he couldn't come in person,
Since he had been badly hit.

And of all the likely people
One was named: who should it be
But our own Vassili Tyorkin?
Yes, none other. It was he.

СМЕРТЬ И ВОИН

За далекие пригорки
Уходил сраженья жар.
На снегу Василий Теркин
Неподобранный лежал.

Снег под ним, набрякши кровью
Взялся грудой ледяной.
Смерть склонилась к изголовью:
— Ну, солдат, пойдем со мной.

Я теперь твоя подруга,
Недалеко провожу,
Белой вьюгой, белой вьюгой,
Вьюгой след запорошу.

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой.
— Я не звал тебя, Косая,
Я солдат еще живой.

Смерть, смеясь, нагнулась ниже:
— Полно, полно, молодец,

DEATH AND THE SOLDIER

As the battle din receded
Over the hills and far away,
Tyorkin, lonely and unheeded,
In the snow abandoned lay.

Blood and snow to ice had hardened
Underneath him. Stealthily,
Death stooped over him and whispered:
"Soldier, come along with me.

"I am now your own dear true-love,
And we haven't far to go.
I shall make the blinding blizzard
Hide your trail with sifting snow."

Tyorkin shuddered as he froze there
On his ice-encrusted bed.
"I don't need you here, *Kosaya*,*
I am still alive, not dead."

Laughing, Death stooped lower, saying:
"Here, young fellow, that will do.

*Death the Squint-Eyed. But female in Russian.— *Tr.*

Я-то знаю, я-то вижу:
Ты живой, да не жилец.

Мимоходом тенью смертной
Я твоих коснулась щек,
А тебе и незаметно,
Что на них сухой снежок.

Моего не бойся мрака,
Ночь, поверь, не хуже дня...

— А чего тебе, однако,
Нужно лично от меня?

Смерть как будто бы замялась,
Отклонилась от него.
— Нужно мне... такую малость,
Ну почти что ничего.

Нужен знак один согласья,
Что устал беречь ты жизнь,
Что о смертном молишь часе...

— Сам, выходит, подпишись? —
Смерть подумала.
— Ну что же,—
Подпишись, и на покой.
— Нет, уволь. Себе дороже.
— Не торгуйся, дорогой.

Все равно идешь на убыль.—
Смерть подвинулась к плечу.—
Все равно стянулись губы,
Стынут зубы...
— Не хочу.

— А смотри-ка, дело к ночи,
На мороз горит заря.
Я к тому, чтоб мне короче
И тебе не мерзнуть зря...

— Потерплю.
— Ну, что ты, глупый!

Though you live, your hours are numbered.
I know better far than you.

"As I passed, my deathly shadow
Touched your cheeks so young and fair,
And you haven't even noticed
How the snow is settling there.

"Do not fear my shades of darkness,
Truly, night's no worse than day...."

"What d'you mean? Just what exactly
Are you after, anyway?"

Here Death almost seemed to falter,
And she even half withdrew.
"I ask little, almost nothing....
This is what I want of you:

"Just a token of agreement
That you're weary of this world,
That you pray for Death to free you...."

"Sign my name, then, in a word?"
Death fell thoughtful:
"You could say that—
Sign for everlasting peace."
"Go! I sell my life more dearly."
"Don't you bargain, lovey, please!

"What's the use? Your strength is failing."
Death drew closer, bent down low.
"What's the use? Your lips are freezing,
Cold your teeth...."
"The answer's: No."

"Just look yonder. Night is falling,
And the skyglow heralds frost.
There's no point in freezing slowly,
While my precious time is lost...."

"I can wait."
"You foolish fellow,

Ведь лежишь, всего свело.
Я б тебя тотчас тулупом,
Чтоб уже навек тепло.

Вижу, веришь. Вот и слезы,
Вот уж я тебе милей.

— Врешь, я плачу от мороза,
Не от жалости твоей.

— Что от счастья, что от боли —
Все равно. А холод лют.
Завилась поземка в поле.
Нет, тебя уж не найдут...

И зачем тебе, подумай,
Если кто и подберет.
Пожалеешь, что не умер
Здесь, на месте, без хлопот...

— Шутишь, Смерть, плетешь тенета.—
Отвернул с трудом плечо.—
Мне как раз пожить охота,
Я и не жил-то еще...

— А и встанешь, толку мало,—
Продолжала Смерть, смеясь.—
А и встанешь — все сначала:
Холод, страх, усталость, грязь...
Ну-ка, сладко ли, дружище,
Рассуди-ка в простоте.

— Что судить! С войны не взыщешь
Ни в каком уже суде.

— А тоска, солдат, в придачу:
Как там дома, что с семьей?

— Вот уж выполню задачу —
Кончу немца — и домой.

— Так. Допустим. Но тебе-то
И домой к чему прийти?

You can only come to harm.
I could wrap you up in sheepskins
And you'd be forever warm.

"Ah, you trust me! Look, you're weeping.
Now you feel more drawn to me."

"Lies! It's from the cold I'm crying,
And not from your sympathy."

"Happiness or pain — what matter?
Savage is this frost. The snow
Swirls across the open meadow.
No, they'll never find you now....

"Even if they come to fetch you,
It will be too late. You'll freeze.
You'll be sorry that they didn't
Leave you here to die in peace."

"Death, you play a cat-and-mouse game."
Painfully he turned away.
"Me, I want to go on living.
I'm still much too young to die."

"Get up, then! You'll still regret it,"
Death continued with a leer.
"Start again from the beginning —
Cold, fatigue, pain, dirt, and fear....
Friend, just give a simple verdict:
Is all that worth struggling for?"

"Verdict? There's no court of justice
Where a man can sue a war."

"Worse — you'll miss your home and family,
You'll be simply worried sick."

"First of all, I'll get the job done:
Beat the Hun. And then go back."

"Granted. But suppose you do, then?
What's the point in it for you?

Догола земля раздета
И разграблена, учти.
Все в забросе.

— Я работник,
Я бы дома в дело вник.
— Дом разрушен.
— Я и плотник...
— Печки нету.
— И печник...
Я от скуки — на все руки,
Буду жив — мое со мной.

— Дай еще сказать старухе:
Вдруг придешь с одной рукой?
Иль еще каким калекой,—
Сам себе и то постыл...

И со Смертью Человеку
Спорить стало свыше сил.
Истекал уже он кровью,
Коченел. Спускалась ночь...

— При одном моем условье,
Смерть, послушай... я не прочь...

И, томим тоской жестокой,
Одинок, и слаб, и мал,
Он с мольбой, не то с упреком
Уговариваться стал:

— Я не худший и не лучший,
Что погибну на войне.
Но в конце ее, послушай,
Дашь ты на день отпуск мне?
Дашь ты мне в тот день последний,
В праздник славы мировой,
Услыхать салют победный,
Что раздастся над Москвой?
Дашь ты мне в тот день немножко
Погулять среди живых?

All the land's been stripped stark naked,
Ravaged, looted, plundered, too.
Just a shambles...."

"I'm a worker.
I'd pile in and get things done."
"No house left."
"I'd build a new one."
"And no stove...."
"I'd soon make one.
Jack-of-all-trades out of boredom,
Game for anything—that's me."

"Let a poor old woman finish:
If you've lost an arm, maybe,
Or in some such way been crippled,
Even you will cease to care."

For the Man, this argument with
Death was more than he could bear.
Still the blood was flowing freely,
And his limbs were growing stiff.

"Listen, Death, I might be willing,
But there's just one single *if*."

Tortured by the cruellest yearning,
Lonely, helpless, weakening,
Half beseeching, half reproaching,
Tyorkin started bargaining:

"Better and worse men than I am
May have lost their lives in war,
But, when all the fighting's over,
Will you grant me one day more?
On that day of celebration,
Festival of world renown,
May I hear the victory salvoes
Thunder over Moscow town?
Will you let me join the living
As they throng the streets outside?

Дашь ты мне в одно окошко
Постучать в краях родных?
И как выйдут на крылечко,—
Смерть, а Смерть, еще мне там
Дашь сказать одно словечко?
Полсловечка?
— Нет. Не дам...

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой.

— Так пошла ты прочь, Косая,
Я солдат еще живой.

Буду плакать, выть от боли,
Гибнуть в поле без следа,
Но тебе по доброй воле
Я не сдамся никогда.

— Погоди. Резон почище
Я найду,— подашь мне знак...

— Стой! Идут за мною. Ищут.
Из санбата.
— Где, чудак?
— Вон, по стежке занесенной...

Смерть хохочет во весь рот:
— Из команды похоронной.
— Все равно: живой народ.

Снег шуршит, подходят двое.
Об лопату звякнул лом.

— Вот еще остался воин.
К ночи всех не уберем.

— А и то устали за день,
Доставай кисет, земляк.
На покойничке присядем
Да покурим натощак.

Tap a certain cottage window
In my native countryside?
When my folks step through the doorway,
Death, O Death, before I go,
May I say a word of greeting?
Half a word?"
"The answer's *No.*"

Tyorkin shuddered as he froze there
On his ice-encrusted bed.

"Then be gone from me, *Kosaya,*
I am still alive, not dead.

"I shall weep, shall howl with torment,
Die forgotten in this field,
But of my own will and choosing,
Know that I shall never yield."

"I'll find you a purer motive,
If you'll give the sign. Fair's fair."

"Wait! They're coming for me. Searching.
From the hospital."
"Fool! Where?"
"Yonder, down that snowy footpath...."

Death laughed long, as at a joke.
"That's the burial detail coming."
"Never mind. They're living folk."

Soft snow crunching, two approaching,
Clang of crowbar hitting spade.

"Here's another one. We'll never
Get 'em done by nightfall, mate!"

"And the day's been heavy going.
Mate, give us a twist of shag.
Let's sit down here on this dead 'un,
And we'll have a crafty drag."

— Кабы, знаешь, до затяжки —
Щец горячих котелок.
— Кабы капельку из фляжки.
— Кабы так — один глоток.
— Или два...

И тут, хоть слабо,
Подал Теркин голос свой:
— Прогоните эту бабу,
Я солдат еще живой.

Смотрят люди: вот так штука!
Видят: верно, — жив солдат.

— Что ты думаешь!
— А ну-ка,
Понесем его в санбат.

— Ну и редкостное дело, —
Рассуждают не спеша. —
Одно дело — просто тело,
А тут — тело и душа.

— Еле-еле душа в теле...
— Шутки, что ль, зазяб совсем.
А уж мы тебя хотели,
Понимаешь, в наркомзем...

— Не толкуй. Заждался малый.
Вырубай шинель во льду.
Поднимай.
А Смерть сказала:
— Я, однако, вслед пойду.

Земляки — они к работе
Приспособлены к иной.
Врете, мыслит, растрясете —
И еще он будет мой.

Два ремня да две лопаты,
Две шинели поперек.
— Береги, солдат, солдата.
— Понесли. Терпи, дружок.

"Would be better if we ate first—
Cabbage soup—a mess-tin full."
"And a snifter from a hip-flask."
"More than that—A good long pull."
"Two long pulls."

Albeit feebly,
Tyorkin found his voice and said:
"Just get rid of that old woman,
I am still alive, not dead."

Both men stare. Would you believe it!
He's alive, as they can see.

"How about that?"
"Get him back to
Hospital immediately."

"Happens one time in a thousand!"
But they take it in their stride.
"One thing if it's just a body—
This here's got a soul inside."

"Only just."
"Say that again, chum!
You're near frozen stiff, you know.
We'd have sent you to the People's
Commissar for Down Below."

"That'll do. Don't keep him waiting.
Chop his coat free. Careful, mind!
Lift him up."

And then Death muttered:
"Still, I'll follow on behind.

"Yokels, both of them; they're used to
Duties of a different kind.
Fools!" she thought. "They'll jolt and jar him.
In the end, he'll still be mine."

Two stout belts and two long shovels,
And two greatcoats, end to end.
"Soldier, careful with your comrade."
"Off we go. Chin up, my friend!"

262

Норовят, чтоб меньше тряски,
Чтоб ровнее как-нибудь,
Берегут, несут с опаской:
Смерть сторонкой держит путь.

А дорога — не дорога,—
Целина, по пояс снег.
— Отдохнули б вы немного,
Хлопцы...
— Милый человек,—
Говорит земляк толково,—
Не тревожься, не жалей.
Потому несем живого,
Мертвый вдвое тяжелей.
А другой:
— Оно известно.
А еще и то учесть,
Что живой спешит до места,—
Мертвый дома — где ни есть.

— Дело, стало быть, в привычке,—
Заключают земляки.—
Что ж ты, друг, без рукавички?
На-ко теплую, с руки...

И подумала впервые
Смерть, следя со стороны:
«До чего они, живые,
Меж собой свои — дружны.
Потому и с одиночкой
Сладить надобно суметь,
Нехотя даешь отсрочку».

И, вздохнув, отстала Смерть.

263

And the two men somehow manage
Not to shake him needlessly.
With solicitude they bear him,
While Death tags along close by.

And the road's no road, but rather
Virgin land waist-high in snow.
"Hey, it's time you had a breather,
Fellers...."
"Ah, but don't you know,
My dear fellow," says one bearer,
"There's no need to worry, mate.
You're a live 'un that we've got here.
Dead, you would be twice the weight."
Then his friend:
"That's common knowledge.
Live 'uns hurry," added he.
"But a dead 'un, he's already
Home—wherever that may be."

It depends on how you see it,
They decided in the end.
"Here, you've only got one mitten.
Take mine while it's warm, my friend."

As she watched them from the sidelines,
Death was forced to think, at length:
"Why, they're thick as thieves together,
All the living. It's their strength.
I can only strike a bargain
When they're on their own, and so,
I suppose I must postpone it."

And Death, sighing, let them go.

ТЕРКИН ПИШЕТ

...И могу вам сообщить
Из своей палаты,
Что, большой любитель жить,
Выжил я, ребята.

И хотя натер бока,
Належался лежнем,
Говорят, зато нога
Будет лучше прежней.

И намерен я опять
Вскоре без подмоги
Той ногой траву топтать,
Встав на обе ноги...

Озабочен я сейчас
Лишь одной задачей,
Чтоб попасть в родную часть,
Никуда иначе.

С нею жил и воевал,
Курс наук усвоил.

TYORKIN WRITES

Written from the hospital
Ward in which I'm lying:
Your life-loving friend's come through
With all banners flying.

I've been here flat on my back
Till I feel quite sore, mates;
But they say my leg will be
Better than before, mates.

When I'm on my pins again,
One thing I've decided—
That's to tread the good old grass
Crutchless and unaided.

There's one problem bothering me,
But I'm working on it—
That's to get a posting straight
Back to my old unit.

With that unit I once fought,
Learned all I was lacking,

Отступая, пыль глотал,
Наступая, снег черпал
Валенками воин.

И покуда что она
Для меня — солдата —
Все на свете, все сполна:
И родная сторона,
И семья, и хата.

И охота мне скорей
К ней в ряды вклиниться
И, дождавшись добрых дней,
По Смоленщине своей
Топать до границы.

Впрочем, даже суть не в том,
Я скажу точнее:
Доведись другим путем
До конца идти,— пойдем,
Где угодно, с нею!

Если ж пуля в третий раз
Клюнет насмерть, злая,
То по крайности средь вас,
Братцы, свой последний час
Встретить я желаю.

Только с этим мы спешить
Без нужды не станем.
Я большой любитель жить,
Как сказал заране.

И, поскольку я спешу
Повстречаться с вами,
Генералу напишу
Теми же словами.

Полагаю, генерал
Как-никак уважит,—
Он мне орден выдавал,
В просьбе не откажет.

Swallowed dust in the retreat,
Ploughed the snow up with my feet
When we were attacking.

For a single chap like me,
Just a common soldier,
It's my all — my home country,
It's my friends and family,
It's my hearth and shelter.

Let me squeeze back into line
In full marching order.
There will be a better time,
I'll cross that Smolensk of mine
Till we reach the border.

But there's more I'd like to say,
Since there's no real knowing:
If, to make that final day,
We must march some other way —
Count me in — I'm going!

And if bullet number three
Picks me out for death, mates,
Then with you boys let it be
That old Tyorkin finally
Breathes his dying breath, mates.

No need to anticipate
All that prematurely.
I'm a lover of this life,
As I've mentioned surely.

But to join you soon, that's worth
Much anticipation.
I shall send the General my
Written application.

Yes, I think he'll be inclined
Somehow to respect it.
Decorated me himself —
Don't think he'll reject it.

За письмом, надеюсь, вслед
Буду сам обратно...
Ну и повару привет
От меня двукратный.

Пусть и впредь готовит так,
Заправляя жирно,
Чтоб в котле стоял черпак
По команде «смирно»...

И одним слова свои
Заключить хочу я:
Что великие бои,
Как погоду, чую.

Так бывает у коня
Чувство близкой свадьбы...
До того большого дня
Мне без палок встать бы!

Сплю скорей да жду вестей.
Все сказал до корки...
Обнимаю вас, чертей.
Ваш
Василий Теркин.

I'll be on that letter's heels—
Leastways, so I'm hoping.
Greetings to the cook from me
With a second helping.

Let him make the broth so rich
When he's in the kitchen
That the ladle stands up straight
At the word "Attention!"

One more thing I'd like to say
Just by way of ending:
I've a sort of hunch that great
Battles are impending.

Horses sense it when the gay
Wedding time approaches....
I'll be up for that great day
Without sticks or crutches!

Got to snatch a wink or two.
Time to put the cork in.
Send some news, you rascals you,
Love,
Vassili Tyorkin.

ТЕРКИН — ТЕРКИН

Чья-то печка, чья-то хата,
На дрова распилен хлев...
Кто назябся — дело свято,
Тому надо обогрев.

Дело свято — чья там хата,
Кто их нынче разберет.
Грейся, радуйся, ребята,
Сборный, смешанный народ.

На полу тебе солома,
Задремалось, так ложись.
Не у тещи, и не дома,
Не в раю, однако, жизнь.

Тот сидит, разувши ногу,
Приподняв, глядит на свет.
Всю ощупывает строго,—
Узнает — его иль нет.

Тот, шинель смахнув без страху,
Высоко задрав рубаху,
Прямо в печку хочет влезть.

— Не один ты, братец, здесь.
— Отслонитесь, хлопцы. Темень...

TYORKIN v. TYORKIN

Someone's stove and someone's cottage,
Firewood from a sawn-up byre....
Frozen? Then you are entitled
To a place beside the fire.

Yes, entitled. In whose cottage?
There's no telling any more.
Warm yourselves, cheer up, you soldiers
Thrown together by the war.

Straw strewn on the floor in plenty;
Lay you down and doze right off.
It's not mum-in-law's or heaven,
But it's life; that's fair enough.

One sits with a single boot on,
Bare foot held up to the light.
Feels it carefully all over,
Checking that it's his alright.

One, his coat flung down beside him,
And his tunic rucked up high,
Wants to crawl into the stove.

"I call that a selfish cove."
"Here, move over, can't see clearly...."

— Что ты, правда, как тот немец...
— Нынче немец сам не тот.

— Ну, брат, он еще дает,
Отпускает, не скупится...
— Все же с прежним не сравнится,—
Снял сапог с одной ноги.
— Дело ясное,— беги!

— Охо-хо. Война, ребятки.
— А ты думал! Вот чудак.
— Лучше нет — чайку в достатке,
Хмель — он греет, да не так.

— Это чья же установка
Греться чаем? Вот и врешь.
— Эй, не ставь к огню винтовку...
— А еще кулеш хорош...

Опрокинутый истомой,
Теркин дремлет на спине,
От беседы в стороне.
Так ли, сяк ли, Теркин дома,
То есть — снова на войне...

Это раненым известно:
Воротись ты в полк родной —
Все не то: иное место
И народ уже иной.

Прибаутки, поговорки
Не такие ловит слух...
— Где-то наш Василий Теркин? —
Это слышит Теркин вдруг.

Привстает, шурша соломой,
Что там дальше — подстеречь.
Никому он не знакомый —
И о нем как будто речь.

Но сквозь шум и гам веселый,
Что кипел вокруг огня,

"You're as bad as Jerry, nearly...."
"*He*'s not what he used to be."

"He's all there, believe you me.
He's still giving us what for."
"Not the same Fritz any more—
One boot off and one boot on."
"Yes, exactly! On the run!"

"Yes, it's war, that's what it is, mates."
"Hark at genius there! That's news!"
"Pints and pints of tea'll warm you
Darn sight better than your booze."

"Here, who's laying down the law, then?
Tea to warm your belly? Trash!"
"Shift that rifle from the stove, chum."
"There's another thing—goulash."

Enervated and exhausted,
Tyorkin dozes on the floor,
Quite oblivious to the talking.
Now he's home again, is Tyorkin,
Meaning that he's back at war....

Wounded soldiers know the feeling:
Go back to your regiment—
Nothing's quite the same. The people
And the place are different.

Regimental jokes and wisecracks
Are all unfamiliar here....
"Hey, where's our Vassili Tyorkin?"
Catches Tyorkin's startled ear.

Up he sits, straw mattress rustling—
Just play possum and don't move.
No one in here even knows him,
Yet it's him they're speaking of.

Then, above the noise and hubbub
And the fireside gaiety,

Вот он слышит новый голос:
— Это кто там про меня?..

— Про тебя?—
Без оговорки
Тот опять:
— Само собой.
— Почему?
— Так я же Теркин.

Это слышит Теркин мой.

Что-то странное творится,
Непонятное уму.
Повернулись тотчас лица
Молча к Теркину. К тому.

Люди вроде оробели:
— Теркин — лично?
— Я и есть.
— В самом деле?
— В самом деле.
— Хлопцы, хлопцы, Теркин здесь!

— Не свернете ли махорки?—
Кто-то вытащил кисет.
И не мой, а тот уж Теркин
Говорит:
— Махорки? Нет.

Теркин мой — к огню поближе,
Отгибает воротник.
Поглядит, а он-то рыжий —
Теркин тот, его двойник.

Если б попросту махорки
Теркин выкурил второй,
И не встрял бы, может, Теркин,
Промолчал бы мой герой.

Но, поскольку водит носом,
Задается человек,

Tyorkin heard a new voice saying:
"Someone here just mention me?"

"*You* indeed?"
The other answered
Unabashed:
"Why yes, of course!"
"How's that so?"
"Because I'm Tyorkin,"

Said the other soldier's voice.

Something fishy going on here;
Very strange, all said and done.
Silent, all looked round at Tyorkin,
That is, at the other one.

And the men seemed almost timid.
"Tyorkin? Honest?"
"Yes, I swear."
"Him in person?"
"Him in person."
"Fellers, fellers, Tyorkin's here!"

Somebody produced *makhorka*.
"Here, try some of this," said he.
Then not mine, but t'other Tyorkin
Said:
"*Makhorka*? Not for me."

Turning back his greatcoat collar,
Tyorkin moved up to the fire,
Gazed intently at his double,
Saw this Tyorkin had red hair.

If the other had accepted,
And if he had not demurred,
Then the chances are my hero
Would have hardly interfered.

But, since Number Two was swanking,
Trying to throw his weight about,

Теркин мой к нему с вопросом:
— А у вас небось «Казбек»?

Тот помедлил чуть с ответом:
Мол, не понял ничего.
— Что ж, трофейной сигаретой
Угощу.—
Возьми его!

Видит мой Василий Теркин—
Не с того зашел конца.
И не то чтоб чувством горьким
Укололо молодца,—

Не любил людей спесивых,
И, обиду затая,
Он сказал, вздохнув лениво:
— Все же Теркин—это я...

Смех, волненье.
— Новый Теркин!
— Хлопцы, двое...
— Вот беда...
— Как дойдет их до пятерки,
Разбудите нас тогда.

— Нет, брат, шутишь,—отвечает
Теркин тот, поджав губу,—
Теркин—я.

— Да кто их знает,—
Не написано на лбу.

Из кармана гимнастерки
Рыжий—книжку:
— Что ж я вам...

— Точно: Теркин...
— Только Теркин
Не Василий, а Иван.

Но, уже с насмешкой глядя,
Тот ответил моему:

Tyorkin faced him with the question:
"You swear by *Kazbeks*, no doubt?"

Then the other hesitated:
What was Tyorkin's little game?
"Here, I'll treat you to a captured
German cigarette."
"Get him!"

Whereupon my Vasya Tyorkin
Saw that something had gone wrong,
Not that he was feeling bitter,
Not that he was feeling stung.

Show-offs irked him, but he bottled
Up his feelings just the same,
And he murmured, sighing gently:
"Tyorkin, comrade, is *my* name."

Uproar. Mirth.
"Another Tyorkin!"
"Two of them!"
"Well, sakes alive!"
"Here, do us a favour: wake us
When the number's up to five!"

"No, you must be joking, brother,"
Looking needled, said the other.
"That's *my* name."

"Can't tell 'em nohow.
They're not branded on the brow!"

Carrots pulled his Army paybook
From his pocket.
"Read it, man!"

"Yes, he's Tyorkin...."
"But this Tyorkin's
Not Vassili, he's Ivan."

Then, a sneer in his expression,
T'other Tyorkin said to mine:

— Ты пойми, что рифмы ради
Можно сделать хоть Фому.

Этот выдохнул затяжку·
— Да, но Теркин-то — герой.

Тот шинелку нараспашку:
— Вот вам орден, вот другой,
Вот вам Теркин-бронебойщик,
Верьте слову, не молве.
И машин подбил я больше —
Не одну, а целых две...

Теркин будто бы растерян,
Грустно щурится в огонь.
— Я бы мог тебя проверить,
Будь бы здесь у нас гармонь.

Все кругом:
— Гармонь найдется,
Есть у старшего.
— Не тронь.
— Что не тронь?
— Смотри, проснется...
— Пусть проснется.
— Есть гармонь!

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно: гармонист.
Для началу, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

И к мехам припал щекою,
Строг и важен, хоть не брит,
И про вечер над рекою
Завернул, завел навзрыд...

Теркин мой махнул рукою:
— Ладно. Можешь,— говорит,—
Но одно тебя, брат, губит:
Рыжесть Теркину нейдет.

— Рыжих девки больше любят,—
Отвечает Теркин тот.

"Say Foma then, if you want to;
Either way, you've got your rhyme."

Mine exhaled a lazy lungful:
"Tyorkin's won a gong or two."

Then the other, coat flung open:
"There! That good enough for you?
Two of them. Tankbuster Tyorkin!
You can take it straight from me,
Not just one, but two tanks, comrade,
And I bagged them personally."

Tyorkin seemed a shade distracted,
Glumly gazed into the fire.
"I could put you to the test, mate,
If there was a squeege-box here."

Someone said:
"The Sergeant-Major's
Got a squeege-box."
"Not that one!"
"Why not?"
"It'll wake him."
"Let it!"
"Here! No sooner said than done!"

When the soldier took the squeege-box,
It was plain he knew his stuff.
Up and down he ran his fingers
Just to start the music off.

Cheek pressed close against the bellows,
Stubble-chinned, but grave of mien,
He struck up a haunting ditty
Of an evening river scene....

Tyorkin gestured his approval.
"You can play alright, that's clear.
But there's one thing you've slipped up on:
That's the colour of your hair."

"But the girls go for the red-heads,"
T'other Tyorkin intervened.

Теркин сам уже хохочет,
Сердцем щедрым наделен.
И не так уже хлопочет
За себя,— что Теркин он.

Чуть обидно, да приятно,
Что такой же рядом с ним.
Непонятно, да занятно
Всем ребятам остальным.

Молвит Теркин:
— Сделай милость,
Будь ты Теркин насовсем.
И пускай однофамилец
Буду я...

А тот:
— Зачем?..
— Кто же Теркин?
— Ну и лихо!..—
Хохот, шум, неразбериха...

Встал какой-то старшина
Да как крикнет:
— Тишина!

Что вы тут не разберете,
Не поймете меж собой?
По уставу каждой роте
Будет придан Теркин свой.

Слышно всем? Порядок ясен?
Жалоб нету? Ни одной?
Разойдись!

И я согласен
С этим строгим старшиной.
Я бы, может быть, и взводам
Придал Теркина в друзья...

Впрочем, все тут мимоходом
К разговору вставил я.

Then my Tyorkin burst out laughing,
Being of a generous mind,
And to prove that he was Tyorkin
Seeming rather less inclined.

Partly rattled, partly tickled
That he had a Number Two,
And the others, though bewildered,
Found the whole thing funny too.

Tyorkin said:
"Do us a favour.
You be Tyorkin, friend, while I
Simply stand down as your namesake."

Said the other Tyorkin:
"Why?"

"Which is Tyorkin?"
"What a mess-up!"
Uproar. Mirth. Nearly a riot.

Then the Sergeant-Major stood up
In their midst and bellowed:
"Quiet!

"What's the meaning of this muddle?
What's the point of all this row?
Orders: every company shall
Have a Tyorkin as from now.

"Understood? Got the procedure?
No complaints from all you men?
Right. Dismiss!"

I'm in agreement
With that very strict S.-M.
I'd give each platoon a Tyorkin,
If I only had the say.

This whole episode is merely
Pure digression, by the way.

ОТ АВТОРА

По которой речке плыть,—
Той и славушку творить...

С первых дней годины горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Но еще не знал я, право,
Что с печатного столбца
Всем придешься ты по нраву,
А иным войдешь в сердца.

До войны едва в помине
Был ты, Теркин, на Руси.
Теркин? Кто такой? А ныне
Теркин — кто такой? — спроси.

— Теркин, как же!
— Знаем.
— Дорог.
— Парень свой, как говорят.

FROM THE AUTHOR

If the stream bears you along,
Celebrate that stream in song....

From the first days of affliction
In the homeland's hour of grief,
You and I, Vassili Tyorkin,
Bosom friends became for life.

But I never had a notion
Just how famous you'd become,
Or how everyone would like you
And you'd win the hearts of some.

Till the war burst on us, Tyorkin,
You were hardly used to fame.
Tyorkin? Who? But now say "Tyorkin"—
Everybody knows the name.

"Ah, yes, Tyorkin!"
"Him!"
"Great fellow!"
"And one of the boys, what's more!"

— Словом, Теркин, тот, который
На войне лихой солдат,
На гулянке гость не лишний,
На работе — хоть куда...

Жаль, давно его не слышно,
Может, что худое вышло?
Может, с Теркиным беда?

— Не могло того случиться.
— Не похоже.
— Враки.
— Вздор...

— Как же, если очевидца
Подвозил один шофер.

В том бою лежали рядом,
Теркин будто бы привстал,
В тот же миг его снарядом
Бронебойным — наповал.

— Нет, снаряд ударил мимо.
А слыхали так, что мина...

— Пуля-дура...
— А у нас
Говорили, что фугас.

— Пуля, бомба или мина —
Все равно, не в том вопрос.
А слова перед кончиной
Он какие произнес?

— Говорил насчет победы.
Мол, вперед. Примерно так...

— Жаль,— сказал,— что до обеда
Я убитый, натощак.
Неизвестно, мол, ребята,
Отправляясь на тот свет,
Как там, что: без аттестата
Признают нас или нет?

"In a word, Vassili Tyorkin
Means a soldier brave in war,
Welcome guest at any party,
And at work, right on the ball....

"Haven't heard much of him lately.
Something wrong? Things turn out badly?
Did his luck change after all?"

"No, it simply couldn't happen."
"Just not like him."
"Rubbish."
"Lies...."

"But suppose one of our drivers
Gave a bloke a lift who says,

"They were under fire together;
Tyorkin half got up, and fell,
Knocked out right where he was standing
By an armour-piercing shell."

"No, the shell just overshot him.
It's a mortar bomb that got him."

"No, a bullet."
"Ah, but we
Heard that it was just H.E."

"Mortar bomb, H.E. or bullet—
Doesn't matter anyway.
But before he kicked the bucket,
What last words did Tyorkin say?"

"Spoke of victory. Cried: 'Charge, men!'
Or that's what they say he said...."

"And: 'A pity. Time for dinner,
And I'm just as good as dead!
It's another world I'm bound for,
Don't know what it's like, or where.
If we haven't got our papers,
Will they recognise us there?"

— Нет, иное почему-то
Слышал раненый боец.
Молвил Теркин в ту минуту:
«Мне — конец, войне — конец».

Если так, тогда не верьте,
Разве это невдомек:
Не подвержен Теркин смерти,
Коль войне не вышел срок...

Шутки, слухи в этом духе
Автор слышит не впервой.
Правда правдой остается,
А молва себе — молвой.

Нет, товарищи, герою,
Столько лямку протащив,
Выходить теперь из строя? —
Извините! — Теркин жив!

Жив-здоров. Бодрей, чем прежде.
Помирать? Наоборот,
Я в такой теперь надежде:
Он меня переживет.

Все худое он изведал,
Он терял родимый край
И одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай!

С первых дней годины горькой
Мир слыхал сквозь грозный гром,—
Повторял Василий Теркин:
— Перетерпим. Перетрем...

Нипочем труды и муки,
Горечь бедствий и потерь.
А кому же книги в руки,
Как не Теркину теперь?!

Рассуди-ка, друг-товарищ,
Посмотри-ка, где ты вновь

"No, one of our wounded heard him,
And he's quite prepared to swear
Tyorkin said as he lay dying:
'If I'm finished, so's the war."

"Don't believe a word of it, then.
Stands to reason. You can bet
Tyorkin's anything but done for
If the war's not over yet."

Rumours, anecdotes ... I've heard them
Time and time again before.
But the facts are still the facts, and
Rumour's rumour, nothing more.

No, my friends. D'you think my hero,
After going through such hell,
Would give up the ghost? Not likely!
Tyorkin is alive and well.

He's as full of beans as ever.
Tyorkin cash his chips? Not he.
And, in fact, I'm rather hoping
That he'll come to outlive me.

For, despite his loss of homeland
And the horrors that he's known,
His political advice has
Been:
"Don't let them get you down!"

From the first days of affliction,
As the thunder filled the sky,
All the world heard Tyorkin saying:
"We'll scrape through. Yes, we'll get by."

Notwithstanding trials and troubles
And much grief throughout the land,
Who now, if not Vasya Tyorkin,
Holds the final, winning hand?

Just consider, friend and comrade,
As you make the journey back,

На привалах кашу варишь,
В деревнях грызешь морковь.

Снова воду привелося
Из какой черпать реки!
Где стучат твои колеса,
Где ступают сапоги!

Оглянись, как встал с рассвета
Или ночь не спал, солдат,
Был иль не был здесь два лета,
Две зимы тому назад.

Вся она — от Подмосковья
И от Волжского верховья
До Днепра и Заднепровья —
Вдаль на запад сторона,—
Прежде отданная с кровью,
Кровью вновь возвращена.

Вновь отныне это свято:
Где ни свет, то наша хата,
Где ни дым, то наш костер,
Где ни стук, то наш топор,
Что ни груз идет куда-то,—
Наш маршрут и наш мотор!

И такую-то махину,
Где гони, гони машину,—
Есть где ехать вдаль и вширь,
Он пешком, не вполовину,
Всю промерил, богатырь.

Богатырь не тот, что в сказке —
Беззаботный великан,
А в походной запояске,
Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян.

Но покуда вздох в запасе,
Толку нет о смертном часе.

In what village you munch carrot,
In what place you bivouac.

From what river you fetch water
As you fetched it once before;
Where again your boots go tramping,
Where your wheels resound once more.

Look around at daybreak, soldier,
Whether you have slept or not.
After two long years of absence
Do you recognise the spot?

All the way from Moscow region,
From the Volga's upper reaches
To the Dnieper and beyond
Far into the West—that land,
Once so tragically lost,
We've won back at bloody cost.

See once more these things we cherish:
Where a light burns, it's our cottage;
Where there's smoke, our campfire blazes;
Where wood's cut, our axe-blade flashes;
Where a lorry hauls its load,
It's our engine and our road.

Distances that, for a lorry,
Mean a long and gruelling ride
Over country far and wide—
Our foot-slogging, doughty warrior
Takes undaunted in his stride.

Not the blithe and gay colossus
Of the folk-tale fantasies,
But a simple, unpretentious
Soldier, strapped in battle harness,
And in action far from fearless
When he's sober—which he is.

And, as long as he draws breath,
He can have no thought of death.

В муках тверд и в горе горд,
Теркин жив и весел, черт!

Праздник близок, мать-Россия,
Оберни на запад взгляд:
Далеко ушел Василий,
Вася Теркин, твой солдат.

То серьезный, то потешный,
Нипочем, что дождь, что снег,—
В бой, вперед, в огонь кромешный
Он идет, святой и грешный,
Русский чудо-человек.

Разносись, молва, по свету:
Объявился старый друг...
— Ну-ка, к свету.
— Ну-ка, вслух.

Staunch in trouble, proud in grief,
Tyorkin's full of hope and life!

Soon you'll triumph, Mother Russia;
Turn your gaze towards the West.
He's gone far, your son Vassili,
Soldier of the very best.

Sometimes merry, sometimes serious,
Never heeding rains or snows,
Human, yet in deed prodigious,
With his faults and with his virtues,
Into withering fire he goes.

Yes, he's back. The wide world over,
Let the joyful news be heard.
"Step up, Tyorkin!"
"Say a word!"

ДЕД И БАБА

Третье лето. Третья осень.
Третья озимь ждет весны.
О своих нет-нет и спросим
Или вспомним средь войны.

Вспомним с нами отступавших,
Воевавших год иль час,
Павших, без вести пропавших,
С кем видались мы хоть раз,
Провожавших, вновь встречавших,
Нам попить воды подавших,
Помолившихся за нас.

Вспомним вьюгу-завируху
Прифронтовой полосы,
Хату с дедом и старухой,
Где наш друг чинил часы.

Им бы не было износу
Впредь до будущей войны,
Но, как водится, без спросу
Снял их немец со стены:

THE OLD COUPLE

Third year's summer, third year's winter,
Seeds await the spring once more.
Often we remember absent
Comrades in the midst of war.

Some of them retreated with us,
Fought with us a year, an hour;
Some fell, some were posted missing,
Whom we'd met but once before;
Some took leave of us and later
Reappeared; some gave us water;

Some gave us their heartfelt blessing....
We recall the swirling snowstorms
Up there in the front-line zone,
And the clock that Tyorkin mended
For the two old folks at home.

It would have survived the next war
Needing no repair at all,
But the Germans, uninvited,
Took it down from off the wall,

То ли вещью драгоценной
Те куранты посчитал,
То ль решил с нужды военной,—
Как-никак цветной металл.

Шла зима, весна и лето.
Немец жить велел живым.
Шла война далеко где-то
Чередом глухим своим.

И в твоей родимой речке
Мылся немец тыловой.
На твоем сидел крылечке
С непокрытой головой.

И кругом его порядки,
И немецкий, привозной
На смоленской узкой грядке
Зеленел салат весной.

И ходил сторонкой, боком
Ты по улочке своей,—
Убережся ненароком,
Жить живи, дышать не смей.

Так и жили дед да баба
Без часов своих давно,
И уже светилось слабо
На пустой стене пятно...

Но со страстью неизменной
Дед судил, рядил, гадал
О кампании военной,
Как в отставке генерал.
На дорожке возле хаты
Костылем старик чертил
Окруженья и охваты,
Фланги, клинья, рейды в тыл...

— Что ж, за чем там остановка?—
Спросят люди.— Срок не мал...

Maybe thinking it of value
With its antiquated chimes,
Or because they needed metal
In those metal-hungry times.

Winter passed, then spring, then summer,
Life, death in captivity....
With a muffled rumbling somewhere
War continued on its way.

In your native stream, the rearward
German soldier washed his face,
Rested on your porch, bareheaded,
Just as if he owned the place.

Round him, the New Order sprouted.
On the little patch nearby
Vegetables grew, transported
All the way from Germany.

Slinking down your village footpath,
You've just managed to survive,
Scared of talking, scared of breathing,
Lucky that you're still alive.

Our old couple had been living
That way for two years and more,
And the bare patch on the pinewood
Gleamed less brightly than before....

But with passion Grandad argued,
Judged, and guessed, time and again,
Like a general in retirement,
On the course of the campaign.
Close beside his little cottage
Grandpa often used to stand,
Drawing pincers, arrows, wedges
With his stick upon the ground.

"Well, what are they waiting for, Dad?"
Folk would ask. "Time's passing by."

Дед-солдат моргал неловко,
Кашлял:
— Перегруппировка...—
И таинственно вздыхал.

У людей уже украдкой
Наготове был упрек,
Словно добрую догадку
Дед по скупости берег.

Словно думал подороже
Запросить с души живой.
— Дед, когда же?
— Дед, ну что же?
— Где ж он, дед, Буденный твой?

И едва войны погудки
Заводил вдали восток,
Дед, не медля ни минутки,
Объявил, что грянул срок.

Отличал тотчас по слуху
Грохот наших батарей.
Бегал, топал:
— Дай им духу!
Дай еще! Добавь! Прогрей!

Но стихала канонада,
Потухал зарниц пожар.
— Дед, ну что же?
— Думать надо,
Здесь не главный был удар.

И уже казалось деду,—
Сам хотел того иль нет,—
Перед всеми за победу
Лично он держал ответ.

И, тая свою кручину,
Для всего на свете он
И угадывал причину,
И придумывал резон.

He'd look worried, hesitating,
Clear his throat and say:
"Regrouping...."
And then heave a knowing sigh.

But a nagging thought was growing
At the bottom of their minds
That old Dad was being stingy
In his reading of the signs.

As if cheerful news might cost him
Much more than he'd care to say.
"Yes, but when, Dad?"
"What d'you mean, Dad?"
"*Where's* Budyonny, by the way?"

If towards the East they heard the
Distant music of the guns,
Without any hesitation
He'd declare: "Ah, here it comes!"

He could tell our heavy batteries
Just by listening to the sound,
And he'd dance about in frenzy:
"Smash 'em! Bash 'em! Grind 'em down!"

But the barrage would grow silent
And the skyglow fade away.
"Now then what, Dad?"
"Well, the Big Push
Wasn't meant to come this way."

Though he'd never bargained for it,
Dad began to feel that he
Was in some way answerable
For the final victory.

So he hid his disappointment
At the lack of better news,
Thinking out the whys and wherefores,
Always finding an excuse.

Но когда пора настала,
Долгожданный вышел срок,
То впервые воин старый
Ничего сказать не мог...

Все тревоги, все заботы
У людей слились в одну:
Чтоб за час до той свободы
Не постигла смерть в плену.

* * *

В ночь, как все, старик с женой
Поселились в яме.
А война — не стороной,
Нет, над головами.

Довелось под старость лет:
Ни в пути, ни дома,
А у входа на тот свет
Ждать часы приема.

Под накатом из жердей,
На мешке картошки,
С узелком, с горшком углей,
С курицей в лукошке...

Две войны прошел солдат
Целый, невредимый.
Пощади его, снаряд,
В конопле родимой!

Просвисти над головой,
Но вблизи не падай,
Даже если ты и свой,—
Все равно не надо!

Мелко крестится жена,
Сам не скроешь дрожи:
Ведь живая смерть страшна
И солдату тоже.

But, at last, when Zero Hour came
On the long-awaited day,
For the very first time, Grandpa
Couldn't think of what to say.

All anxieties, all worries
Came to one thing: not to die
On the eve of liberation
While still in captivity.

* * *

Night. Like all, the aged couple
In their pit took cover,
As the heavy stuff this time
Flew directly over.

In old age, not in their home,
Not in comfort, even,
Waiting in reception hours
At the gates of heaven.

Underneath a roof of poles,
Sack of spuds for seating,
Bundle, chicken in a skip,
Pot of coals for heating....

He's a veteran of two wars,
Neither maimed nor crippled.
Shell, please try and spare his life
In his native hemp field.

Whistle safely overhead,
But don't land beside him.
Though you may be Russian-made,
Even so, avoid him.

Hastily she crossed herself,
While he sat there, trembling.
Soldiers fear a living death
Too—no use dissembling.

Стихнул грохот огневой
С полночи впервые.
Вдруг — шаги за коноплей.
— Ну, идут... немые...

По картофельным рядам
К погребушке прямо.
— Ну, старик, не выйти нам
Из готовой ямы.

Но старик встает, плюет
По-мужицки в руку,
За топор — и наперед:
Заслонил старуху.

Гибель верную свою,
Как тот миг ни горек,
Порешил встречать в бою,
Держит свой топорик.

Вот шаги у края — стоп!
И на шубу глухо
Осыпается окоп.
Обмерла старуха.

Все же вроде как жива,—
Наше место свято,—
Слышит русские слова:
— Жители, ребята?..

— Детки! Родненькие... Детки!..—
Уронил топорик дед.
— Мы, отец, еще в разведке,
Тех встречай, что будут вслед.

На подбор орлы-ребята,
Молодец до молодца.
И старшой у аппарата,—
Хоть ты что, знаком с лица.

— Закурить? Верти, папаша.—
Дед садится, вытер лоб.

Only midnight brought an end
To the heavy firing.
Then, beyond the field of hemp,
Someone's footsteps nearing....

Over the potato patch,
Straight towards the cellar....
"Well, we dug ourselves a tomb,
No mistake, old feller!"

But he stands, spits on his hands,
Like a lusty ploughman;
Takes the axe and bars the way,
Shielding his old woman.

Bitter though the end may be,
He stays firm and steady,
All prepared to meet his doom,
Chopper at the ready.

Footsteps on the edge. They stop.
Down the dirt comes showering
On her tattered winter coat.
She half faints there, cowering.

But she's still alive somehow.
"We did well to hide here."
Then they hear a Russian voice:
"Anyone inside there?"

"Why, they're ours! My dear, dear boys!" and
Grandpa let his chopper fall.
"Wait and meet the ones behind us.
We're just on advance patrol."

Handpicked soldiers in this detail.
Each a fighter to the core;
And their senior with the handset...
Seen that face somewhere before.

"Want a smoke? Here, roll one, Grandpa."
Dad sat down, his knees gone weak.

— Ну, ребята, счастье ваше—
Голос подали. А то б...

И старшой ему кивает:
— Ничего. На том стоим.
На войне, отец, бывает—
Попадает по своим.

— Точно так.— И тут бы деду
В самый раз, что покурить,
В самый раз продлить беседу:
Столько ждал!— Поговорить.

Но они спешат не в шутку.
И еще не снялся дым...
— Погоди, отец, минутку,
Дай сперва освободим...

Молодец ему при этом
Подмигнул для красоты,
И его по всем приметам
Дед узнал:
— Так это ж ты!

Друг-знакомец, мастер-ухарь,
С кем сидели у стола.
Погляди скорей, старуха!
Узнаешь его, орла?

Та как глянула:
— Сыночек!
Голубочек. Вот уж гость.
Может, сала съешь кусочек,
Воевал, устал небось?

Смотрит он, шутник тот самый:
— Закусить бы счел за честь,
Но ведь нету, бабка, сала?
— Да и нет, а все же есть...

— Значит, цел, орел, покуда.
— Ну, отец, не только цел·

Wiped his brow. "You nearly had it.
Just as well I heard you speak."

And the senior nodded at him.
"Never mind. It works both ways.
War is war, Dad. And you sometimes
Knock your own men out these days."

"True enough." All of a sudden
Dad wants to prolong his smoke.
Try and keep them chatting, somehow.
Two long years! Must have a talk!

But the time was really pressing.
Hardly had the smoke dispersed....
"Have some patience, Grandad; we must
Do some liberating first."

And the senior winked and nodded
In a way that Grandpa knew.
He looked closer at the young man;
Recognised him:
"Why, it's you!

"It's our friend, the master craftsman,
And our guest of long ago.
Quickly, wife, look closer at him!
Don't you recognise him now?"

And she stared:
"My goodness gracious!
You, my son! Well, be our guest!
Would you like some bacon? You've been
Fighting, you must need a rest."

Said the senior, eyes a-twinkle:
"Why, I'd be most honoured, Mum.
But you must be out of bacon...."
"Yes, but—well, we have got *some*."

"So, my boy, still in one piece, eh?"
"More than that. When I left you

Отступал солдат отсюда,
А теперь, гляди, кто буду,—
Вроде даже офицер.

— Офицер? Так-так. Понятно,—
Дед кивает головой.—
Ну, а если... на попятный,
То опять как рядовой?..

— Нет, отец, забудь. Отныне
Нерушим простой завет:
Ни в большом, ни в малом чине
На попятный ходу нет.

Откажи мне в черствой корке,
Прогони тогда за дверь.
Это я, Василий Теркин,
Говорю. И ты уж верь.

— Да уж верю! Как получше,
На какой теперь манер:
Господин, сказать, поручик
Иль товарищ офицер?

— Стар годами, слаб глазами,
И, однако, ты, старик,
За два года с господами
К обращению привык...

Дед — плеваться, а старуха,
Подпершись одной рукой,
Чуть склонясь и эту руку
Взявши под локоть другой,
Все смотрела, как на сына
Смотрит мать из уголка.

— Закуси еще,— просила,—
Закуси, поешь пока...

И спешил, а все ж отведал,
Угостился, как родной.
Табаку отсыпал деду
И простился.

In retreat, I was a soldier.
Now I'm back, I'm not just older—
Look—I've got some stripes on too!"

"NCO?" Dad nodded sagely.
"Well, that's sense enough, at least.
Will they take 'em off again, though,
If you have to head back east?"

"No, forget it! That's all over,
And I swear this solemn vow:
No one, officer or ranker,
Is retreating—as from now.

"Give me never a crust of rye bread,
Turn me from your door away.
I, Vassili Tyorkin, swear it.
Trust in every word I say."

"I believe you well and truly.
How should I address you, though?
Mister Ensign would it be, or
Simply Comrade NCO?"

"Old in years and weak of eyesight,
And infirm though you may be,
These two years have taught you how to
Treat the master race, I see."

Grandpa spat. His wife, however,
One hand propping up her chin,
While the other gripped her elbow,
Stared at Tyorkin; stared at him,
As a mother from the corner
Gazes at her favourite son.

"Have a bite to eat," she urged him.
"Have a little bite—just one...."

Pressed for time, he snatched a morsel,
Seeming quite at home. Then he
Shook some baccy out for Grandpa,
Said goodbye.

— Связь, за мной!—
И уже пройдя немного,—
Мастер памятлив и тут,—
Теркин будто бы с порога
Про часы спросил:
— Идут?

— Как не так!—и вновь причина
Бабе кинуться в слезу.

— Будет, бабка! Из Берлина
Двое новых привезу.

"Men, follow me!"
Half-a-dozen paces later—
No flies on his memory!—
Tyorkin, as if in their doorway,
Asked:
"Clock working, by the way?"

"No, it's gone!" Another reason
For the wife to shed a tear.

"Don't you cry. I'll bring two new ones
From Berlin, Mum—never fear!"

НА ДНЕПРЕ

За рекой еще Угрою,
Что осталась позади,
Генерал сказал герою:
— Нам с тобою по пути...

Вот, казалось, парню счастье,
Наступать расчет прямой:
Со своей гвардейской частью
На войне придет домой.

Но едва ль уже мой Теркин,
Жизнью тертый человек,
При девчонках на вечерке
Помышлял курить «Казбек»...

Все же с каждым переходом,
С каждым днем, что ближе к ней,
Сторона, откуда родом,
Земляку была больней.

И в пути, в горячке боя,
На привале и во сне

ON THE DNIEPER

Just as soon as one fair river—
The Ugra—behind them lay,
Said the General to Tyorkin:
"We're all heading back your way."

Now, this should have made him happy,
For it was an ideal chance
To go home with his Guards unit
In the Army's great advance.

But my Tyorkin, seasoned soldier,
Hardly thought this time how he
Would produce *Kazbeks* and smoke them
For the village girls to see.

With each stage, each day that brought him
Nearer to his home, he'd yearn
With a deep and anguished longing
For the place where he was born.

Marching, fighting, bivouacking,
Or in sleep—time and again

В нем жила сама собою
Речь к родимой стороне:

— Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Приднепровский отчий край,
Здравствуй, сына привечай!

Здравствуй, пестрая осинка,
Ранней осени краса,
Здравствуй, Ельня, здравствуй, Глинка,
Здравствуй, речка Лучеса...

Мать-земля моя родная,
Я твою изведал власть,
Как душа моя больная
Издали к тебе рвалась!

Я загнул такого крюку,
Я прошел такую даль,
И видал такую муку,
И такую знал печаль!

Мать-земля моя родная,
Дымный дедовский большак,
Я про то не вспоминаю,
Не хвалюсь, а только так!..

Я иду к тебе с востока,
Я тот самый, не иной.
Ты взгляни, вздохни глубоко,
Встреться наново со мной.

Мать-земля моя родная,
Ради радостного дня
Ты прости, за что — не знаю,
Только ты прости меня!..

Так в пути, в горячке боя,
В суете хлопот и встреч
В нем жила сама собою
Эта песня или речь.

He would find himself repeating
Like a lyrical refrain:

Motherland, of all the fairest,
Land of woods and dreaming forest,
Dnieper where I used to roam,
Give your son a welcome home!

Greetings, dappled, quivering aspen;
Autumn's pride and joy you are.
Greetings, Yelnya, greetings, Glinka,*
Greetings, River Luchesa....

Motherland, of all the fairest,
How I felt your magic sway!
How my heart, forever pining,
Yearned for you from far away!

Devious was the road I followed;
I've come back the long way home.
I have seen such pain and suffering,
And such sorrow have I known.

Motherland, of all the fairest,
Dusty road my fathers knew—
No, I'll say no more about it;
I'm not boasting, but it's true!

From the east am I returning;
I've not changed, I'm just the same.
Gaze upon me, sighing deeply;
Welcome me back home again.

Motherland, of all the fairest,
Think of that most joyful day,
And forgive me—why, I know not,
But forgive me anyway.

Marching, fighting, meeting others,
On fatigues—time and again
He would find himself repeating
This half-lyrical refrain.

* The Russian composer Glinka (1804-1857) was born in the village of Novospasskoye near Yelnya, Smolensk Gubernia.—*Tr.*

Но война — ей все едино,
Все — хорошие края:
Что Кавказ, что Украина,
Что Смоленщина твоя.

Через реки и речонки,
По мостам, и вплавь, и вброд,
Мимо, мимо той сторонки
Шла дивизия вперед.

А левее той порою,
Ранней осенью сухой,
Занимал село героя
Генерал совсем другой...

Фронт полнел, как половодье,
Вширь и вдаль. К Днепру, к Днепру
Кони шли, прося поводья,
Как с дороги ко двору.

И в пыли, рябой от пота,
Фронтовой смеялся люд:
Хорошо идет пехота,
Раз колеса отстают.

Нипочем, что уставали
По пути к большой реке
Так, что ложку на привале
Не могли держать в руке.

Вновь сильны святым порывом,
Шли вперед своим путем,
Со страдальчески-счастливым,
От жары открытым ртом.

Слева наши, справа наши,
Не отстать бы на ходу.
— Немец кухни с теплой кашей
Второпях забыл в саду.

— Подпереть его да в воду.
— Занял берег, сукин сын!

War itself draws no distinctions.
Every single land is fair,
Whether Caucasus, Ukraine, or
That Smolensk of yours out there.

Crossing streams and crossing rivers,
Fording, bridging, day by day
Your division, pushing onwards,
Never even went your way.

Further south, in early autumn
As the leaves began to fall,
Tyorkin's village was recaptured
By some other general....

Far and wide the front spread outwards
Like a river in full spate.
Horses trotted to the Dnieper
As if to their farmyard gate.

And up front the men were laughing,
Faces sweat-and-dust-begrimed.
Yes, the infantry make progress
Once the transport falls behind.

And they never minded being
So exhausted by their trek
To the river, they could hardly
Hold their spoons on bivouac.

Strengthened by new hope and purpose,
They pushed on their stubborn way,
Mouths agape with joy and suffering,
And the blistering heat of day.

On the left hand, on the right hand—
Our troops, all. Keep on the move!
"Jerry's fled some orchard, left the
Porridge cooking on the stove."

"Chuck him straight into the river!"
"Can't. He's on the bank—dug in."

— Говорят, уж занял с ходу
Населенный пункт Берлин...

Золотое бабье лето
Оставляя за собой,
Шли войска — и вдруг с рассвета
Наступил днепровский бой...

Может быть, в иные годы,
Очищая русла рек,
Все, что скрыли эти воды,
Вновь увидит человек.

Обнаружит в илах сонных,
Извлечет из рыбьей мглы,
Как стволы дубов мореных,
Орудийные стволы;

Русский танк с немецким в паре,
Что нашли один конец,
И обоих полушарий
Сталь, резину и свинец;

Хлам войны — понтона днище,
Трос, оборванный в песке,
И топор без топорища,
Что сапер держал в руке.

Может быть, куда как пуще
И об этом топоре
Скажет кто-нибудь в грядущей
Громкой песне о Днепре;

О страде неимоверной
Кровью памятного дня.

Но о чем-нибудь, наверно,
Он не скажет за меня.

Пусть не мне еще с задачей
Было сладить. Не беда.
В чем-то я его богаче,—

"I've heard he's consolidating
In some village called Berlin."

Indian summer's gold behind them,
Still the troops pushed on their way.
Then the Battle of the Dnieper
Broke before the dawn one day.

At some later time, it may be,
Dredging in the river mud,
Men will once again set eyes on
What was swallowed by the flood;

Dragging from the fishy darkness,
From the drowsy ooze and slime,
Black gun-barrels like fumed oak-logs;
Finding, after all this time,

Two great tanks in final deadlock
Where they clashed—one ours, one theirs;
Bits of steel and lead and rubber,
Fragments of both hemispheres;

War's old junk—a pontoon bottom,
Snapped-off hawser in the sand,
And the head of some old chopper
Wielded by a sapper's hand.

And some poet of the future,
Singing of that very axe
In his epic of the Dnieper,
May give what my story lacks,

Telling of the bloody harvest
Reaped that memorable day.

But there's one thing he can never
Claim on my behalf, I'd say.

If I haven't done full justice
To my subject, that's no crime.
My advantage is that I was

Я ступал в тот след горячий.
Я там был. Я жил тогда...

Если с грузом многотонным
Отстают грузовики,
И когда-то мост понтонный
Деберется до реки,—

Под огнем не ждет пехота,
Уставной держась статьи,
За паром идут ворота;
Доски, бревна — за ладьи.

К ночи будут переправы,
В срок поднимутся мосты,
А ребятам берег правый
Свесил на воду кусты.

Подплывай, хватай за гриву,
Словно доброго коня.
Передышка под обрывом
И защита от огня.

Не беда, что с гимнастерки,
Со всего ручьем течет...
Точно так Василий Теркин
И вступил на берег тот.

На заре туман кудлатый,
Спутав дымы и дымки,
В берегах сползал куда-то,
Как река поверх реки.

И еще в разгаре боя,
Нынче, может быть, вот-вот,
Вместе с берегом, с землею
Будет в воду сброшен взвод.

Впрочем, всякое привычно,—
Срок войны, что жизни век.
От заставы пограничной
До Москвы-реки столичной
И обратно — столько рек!

Hot upon the army's traces;
I was present at the time....

Though the lorries haven't come yet
With their urgent, heavy load,
And the pontoon bridge is held up
Somewhere back along the road,

Soldiers under fire don't tarry,
Orders must be carried out.
Farm-gates go to make a ferry.
Logs and planks will make a boat.

There'll be crossings come the night-time,
And the bridges will be thrown.
Meanwhile, there are friendly bushes
On the right bank reaching down.

Swim across to them and grab them,
As you'd clutch a horse's mane.
Sheltered by the cliff from gunfire,
Rest and get your wind again.

Doesn't matter if your Army
Tunic's dripping wet and dank.
That's the way that Vasya Tyorkin's
Made it to the other bank.

And the shaggy mist at sunrise
Mingling with the smoke, is seen
River-like above the river
Crawling off somewhere downstream.

Now the battle nears crescendo
And it seems about to blow
Men and earth into the river
Almost any moment now.

War can seem to last a lifetime,
And you soon pick up the knack.
Just how many rivers are there
From the outpost on the frontier
Up to the Moskva and back!

Вот уже боец последний
Вылезает на песок
И жует сухарь немедля,
Потому — в Днепре намок.

Мокрый сам, шуршит штанами.
Ничего! — На то десант.
— Наступаем. Днепр за нами,
А, товарищ лейтенант?..

Бой гремел за переправу,
А внизу, южнее чуть —
Немцы с левого на правый,
Запоздав, держали путь.

Но уже не разминуться,
Теркин строго говорит:
— Пусть на левом в плен сдаются,
Здесь пока прием закрыт.

А на левом с ходу, с ходу
Подоспевшие штыки
Их толкали в воду, в воду,
А вода себе теки...

И еще меж берегами
Без разбору, наугад
Бомбы сваи помогали
Загонять, стелить накат.

Но уже из погребушек,
Из кустов, лесных берлог
Шел народ — родные души —
По обочинам дорог...

К штабу на берег восточный
Плелся стежкой, стороной
Некий немец беспорточный,
Веселя народ честной.

— С переправы?
— С переправы.

Now here comes the last man crawling
Out onto the sandy strip,
Gulping down a hurried biscuit
Sodden from the river trip.

And he's wet, his breeches squelching.
That's assault! He doesn't care!
"Well, we've got that job behind us.
True, eh, Comrade Officer?"

As the river battle thundered,
Some late German troops were seen
Heading from left bank to right bank
Slightly southwards, just downstream.

No, they mustn't cross each other!
Tyorkin muttered, looking grim:
"Round them all up on the left bank.
We're not taking any in."

And our bayonets, pressing onwards
Over on the other side,
Herded Fritz into the water.
Run you soft, sweet river tide....

Bomb-loads falling on the river
Here, there, everywhere, on spec,
Helped the driving of the bridge piles
And the laying of the deck.

And from cellars, bushes, forest
Caves where they had fled to hide,
Came the people, Russian people,
Down the roads on either side.

And, towards east bank Headquarters,
Keeping clear, one German went,
Caught alive without his trousers,
To the general merriment.

"From the crossing?"
"From the crossing.

320

Только-только из Днепра.
— Плавал, значит?
— Плавал, дьявол,
Потому — пришла жара...
— Сытый, черт!
Чистопородный.
— В плен спешит, как на привал...

Но уже любимец взводный —
Теркин, в шутки не встревал.
Он курил, смотрел нестрого,
Думой занятый своей.
За спиной его дорога
Много раз была длинней.
И молчал он не в обиде,
Не кому-нибудь в упрек,—
Просто, больше знал и видел,
Потерял и уберег...

— Мать-земля моя родная,
Вся смоленская родня,
Ты прости, за что — не знаю,
Только ты прости меня!
Не в плену тебя жестоком,
По дороге фронтовой,
А в родном тылу глубоком
Оставляет Теркин твой.
Минул срок годины горькой,
Не воротится назад.

— Что ж ты, брат, Василий Теркин,
Плачешь вроде?..
— Виноват...

From the Dnieper like a shot!"
"Swimming, was he?"
"Yes, the devil—
Found things getting far too hot!"
"Fat!"
"Pure bred. And off to prison
Like it was a health resort...."

But the unit's favourite, Tyorkin,
Didn't try to join the sport,
Watching without condemnation,
Smoking, wholly lost in thought;
For the road that lay behind him
Was much longer now by far.
But his silence meant no rancour
Or resentment that he bore—
No, it meant he'd learned and witnessed,
Lost and salvaged that much more....

Motherland, of all the fairest,
Dear Smolensk, once more I say,
Please forgive me—why, I know not,
But forgive me anyway.
Tyorkin leaves you, not to cruel
Thraldom near the front somewhere;
No, he leaves you now in safety
Far back in the Russian rear.
It's all over now. The bitter
Years of strife are at an end.

"What's this then, Vassili Tyorkin...
Weeping, are you?"
"Sorry, friend...."

ПРО СОЛДАТА-СИРОТУ

Нынче речи о Берлине.
Шутки прочь,— подай Берлин.
И давно уж не в помине,
Скажем, древний город Клин.

И на Одере едва ли
Вспомнят даже старики,
Как полгода с бою брали
Населенный пункт Борки.

А под теми под Борками
Каждый камень, каждый кол
На три жизни вдался в память
Нам с солдатом-земляком.

Был земляк не стар, не молод,
На войне с того же дня
И такой же был веселый,
Наподобие меня.

Приходилось парню драпать,
Бодрый дух всегда берег,

THE BEREAVED SOLDIER

Now Berlin's the only topic.
Yes, that's true. Next stop Berlin!
It's a long time since we thought of,
Say, the ancient town of Klin.

Even old men by the Oder
May not easily recall
How the capture of Borki took
Six months' fighting, all in all.

Yet each stone, each wooden fence-post
Near that village of Borki,
Ever haunts the memory of my
Fellow countryman and me.

He joined up the day that I did.
He was neither young nor old;
In a way, much like yours truly,
Cheerfully inclined, and bold.

When the laddie had to beat it,
Not discouraged in the least:

Повторял: «Вперед, на запад»,
Продвигаясь на восток.

Между прочим, при отходе,
Как сдавали города,
Больше вроде был он в моде,
Больше славился тогда.

И по странности, бывало,
Одному ему почет,
Так что даже генералы
Были будто бы не в счет.

Срок иной, иные даты.
Разделен издревле труд:
Города сдают солдаты,
Генералы их берут.

В общем, битый, тертый, жженый,
Раной меченный двойной,
В сорок первом окруженный,
По земле он шел родной.

Шел солдат, как шли другие,
В неизвестные края:
«Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?..»

И в плену семью кидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей.

Но какая ни морока,
Правда правдой, ложью ложь.
Отступали мы до срока,
Отступали мы далеко,
Но всегда твердили:
— Врешь!..

И теперь взглянуть на запад
От столицы. Край родной!

"To the west!" he kept on saying,
While he headed for the east.

By the way, as we retreated,
And as town fell after town,
He was much more in the fashion,
He was far, far better known.

Strange, but the respect and honour
That we held him in was such
That the generals even didn't
Seem to count for very much.

Labour always was divided
Since the earliest of wars.
Only troops surrender cities,
Generals capture them, of course!

So in Forty One, encircled,
Bothered by a double wound,
Badly knocked about and battered,
He retreated from home ground,

Marching, like the other soldiers,
Into lands that no one knew.
"What's ahead? Where are you, Russia?
How much is there left of you?"

As he left his folks defenceless,
Hurrying in the train of war,
What he thought, I can't imagine,
Or what secret grief he bore.

But, however great the muddle,
False is false and true is true.
To a certain point we beat it,
Deep into the rear retreated.
But repeated:
"This won't do!"

Now look west from Moscow city.
It's our land again—yes, all!

Не на шутку был он заперт
За железною стеной.

И до малого селенья
Та из плена сторона
Не по щучьему веленью
Вновь сполна возвращена,

По веленью нашей силы,
Русской, собственной своей.
Ну-ка, где она, Россия,
У каких гремит дверей!

И, навеки сбив охоту
В драку лезть на свой авось,
Враг ее — какой по счету!—
Пал ничком и лапы врозь.

Над какой столицей круто
Взмыл твой флаг, отчизна-мать!
Подождемте до салюта,
Чтобы в точности сказать.

Срок иной, иные даты.
Правда, ноша не легка...
Но продолжим про солдата,
Как сказали, земляка.

Дом родной, жена ли, дети,
Брат, сестра, отец иль мать
У тебя вот есть на свете,—
Есть куда письмо послать.

А у нашего солдата—
Адресатом белый свет.
Кроме радио, ребята,
Близких родственников нет.

На земле всего дороже,
Коль имеешь про запас
То окно, куда ты сможешь
Постучаться в некий час.

And to think that it was locked up
Fast behind an iron wall!

All, down to the tiniest hamlet,
Is at long, long last set free,
By no freak of fate delivered
Out of dire captivity,

But by spirit, plain and simple,
Russian spirit, solely ours.
Now just look! Where is she, Russia,
Thundering at what alien doors?

Cured, at last, for once and always
Of the would-be conqueror's lust,
See the foe—and not the first one!—
Sprawling face-down in the dust.

Over what great city, Russia,
Shall your flag triumphant soar?
Wait until the victory salvoes,
And we'll tell you then for sure.

Times, they change, and so do places.
True, the load's a heavy one....
In the meantime, we'll continue
With the story we've begun.

If you have a home, wife, children,
Brother, sister—you're all right.
Then at least you know there's someone
Waiting for each word you write.

But not so our fellow soldier;
All the world's his addressee.
Radio excepted, brothers,
No near relatives has he.

Nothing in this world's more precious
Than to rest safe and secure
Knowing there's a certain window
You can tap at any hour.

На походе за границей,
В чужедальной стороне,
Ах, как бережно хранится
Боль-мечта о том окне!

А у нашего солдата,—
Хоть сейчас войне отбой,—
Ни окошка нет, ни хаты,
Ни хозяйки, хоть женатый,
Ни сынка, а был, ребята,—
Рисовал дома с трубой...

Под Смоленском наступали.
Выпал отдых. Мой земляк
Обратился на привале
К командиру: так и так,—

Отлучиться разрешите,
Дескать, случай дорогой,
Мол, поскольку местный житель,
До двора — подать рукой.

Разрешают в меру срока...
Край известный до куста.
Но глядит — не та дорога,
Местность будто бы не та.

Вот и взгорье, вот и речка,
Глушь, бурьян солдату в рост,
Да на столбике дощечка,
Мол, деревня Красный Мост.

И нашлись, что были живы,
И скажи ему спроста
Все по правде, что служивый —
Достоверный сирота.

У дощечки на развилке,
Сняв пилотку, наш солдат
Постоял, как на могилке,
И пора ему назад.

Far away across the border
All throughout the long campaign,
Oh, how you recall that window,
With what tenderness and pain!

But our luckless fellow soldier,
Near the finish of the war,
Has no window, has no cottage,
Has no housewife, though he's married,
Has no son, although there was one—
Houses, chimney stacks he'd draw....

Near Smolensk we'd been advancing.
As it happened, things were slack.
So he went to his commander
While we were on bivouac.

"Putting in for leave of absence.
Me, I'm local. Chance to go,
See my folks, visit my place there...
Like to call and say hello."

Granted. He must not stay long, though....
He knows every bush and tree,
But the road looks somehow different;
Things aren't what they used to be.

There's the hill, and there's the river;
Weeds so tall you could get lost,
And a board nailed up as signpost
To his village: *Krasny Most.*

Then he chanced on some survivors,
And they told him honestly
Without empty words or phrases
That he'd lost his family.

At the signpost by the junction,
As if mourning at a grave,
Forage cap in hand, he lingered
Till at last he had to leave.

И, подворье покидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей...

Но, бездомный и безродный,
Воротившись в батальон,
Ел солдат свой суп холодный
После всех, и плакал он.

На краю сухой канавы,
С горькой, детской дрожью рта,
Плакал, сидя с ложкой в правой,
С хлебом в левой,—сирота.

Плакал, может быть, о сыне,
О жене, о чем ином,
О себе, что знал: отныне
Плакать некому о нем.

Должен был солдат и в горе
Закусить и отдохнуть,
Потому, друзья, что вскоре
Ждал его далекий путь.

До земли советской края
Шел тот путь в войне, в труде.

А война пошла такая—
Кухни сзади, черт их где!

Позабудешь и про голод
За хорошею войной.
Шутки, что ли, сутки—город,
Двое суток—областной.

Срок иной, пора иная—
Бей, гони, перенимай.
Белоруссия родная,
Украина золотая,
Здравствуй, пели, и прощай.

As he turned and left his homestead,
Hurrying in the train of war,
What he thought, I can't imagine,
Or what secret grief he bore....

Back again with his battalion,
Homeless and bereaved, alone,
There he ate his cold soup, weeping
After all the rest had gone,

By a dried-up ditch, lips trembling,
As if he were just a child,
Spoon in one hand, bread in the other,
All alone in this wide world.

Weeping for his son, it may be,
For his wife, or in the grim
Knowledge that henceforth there could be
No one left to weep for him.

Even in his grief, my soldier
Needs must sleep and snatch some rest,
With a long, long march before him
Far into the unknown west.

Toil and battle lay between him
And the Soviet frontier.

What a crazy war—field kitchens
Missing somewhere in the rear!

Still, you can forget you're hungry
When the war goes well for you.
Country market town in one day,
And the city reached in two.

Times, they change, and so do places.
Strike, chase, intercept the foe.
Byelorussia's lakes and forests,
Fair Ukraine of golden harvests—
Hail, farewell, and on we go!

Позабудешь и про жажду,
Потому что пиво пьет
На войне отнюдь не каждый
Тот, что брал пивной завод.

Так-то с ходу ли, не с ходу,
Соступив с родной земли,
Пограничных речек воду
Мы с боями перешли.

Счет сведен, идет расплата
На свету, начистоту.
Но закончим про солдата,
Про того же сироту.

Где он нынче на поверку.
Может, пал в бою каком,
С мелкой надписью фанерку
Занесло сырым снежком.

Или снова был он ранен,
Отдохнул, как долг велит,
И опять на поле брани
Вместе с нами брал Тильзит?

И, Россию покидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей.

Может, здесь еще бездомней
И больней душе живой,
Так ли, нет,— должны мы помнить
О его слезе святой.

Если б ту слезу руками
Из России довелось
На немецкий этот камень
Донести,— прожгла б насквозь.

Счет велик, идет расплата.
И за той большой страдой
Не забудемте, ребята,

And you must forget you're thirsty
Though the beer is going free.
Time won't even wait for those who've
Occupied a brewery.

Sometimes quickly, sometimes slowly,
Leaving Russia in our rear,
Fighting all the way, we forded
Streams and brooks on the frontier.

Now we've added up our losses
And the world can see the score
Being settled. But to go back
To our friend bereaved by war....

Where he is, there's no real telling.
Was he killed not long ago?
Has a piece of lettered plywood
Vanished under sifting snow?

Or was he a third time wounded
And laid up till he was fit?
Was he on the field of battle
With us when we took Tilsit?

And as he was leaving Russia,
Hurrying in the train of war,
What he thought, I can't imagine,
Or what secret grief he bore.

Or, more sick at heart than ever,
Does he wish that he were dead?
Either way, we should remember
All those bitter tears he shed.

If one tear drop could be carried
Out of Russia—only one—
It would burn its way like acid
Even through that German stone.

Great the score that's being settled,
But, though harsh the cost we bore,
Bear in mind the burden shouldered

Вспомним к счету про солдата,
Что остался сиротой.

Грозен счет, страшна расплата
За мильоны душ и тел.
Уплати — и дело свято,
Но вдобавок за солдата,
Что в войне осиротел.

Далеко ли до Берлина,
Не считай, шагай, смоли,—
Вдвое меньше половины
Той дороги, что от Клина,
От Москвы уже прошли.

День идет за ночью следом,
Подведем штыком черту.
Но и в светлый день победы
Вспомним, братцы, за беседой
Про солдата-сироту...

Bravely by our friend, the soldier
Rendered homeless by the war.

Grim the score and dread the vengeance,
For those millions dead and gone.
Settle up—the cause is sacred,
But add extra for our comrade
Whom the war left all alone.

Is Berlin so far away now?
Just keep moving, fag in mouth....
Scarce a quarter of the distance
That you've marched from Klin, for instance,
Or from Moscow further south.

Day must follow night. Our bayonets
Soon shall demarcate the line.
Come the day of celebration,
We'll recall in conversation
That unhappy friend of mine

ПО ДОРОГЕ НА БЕРЛИН

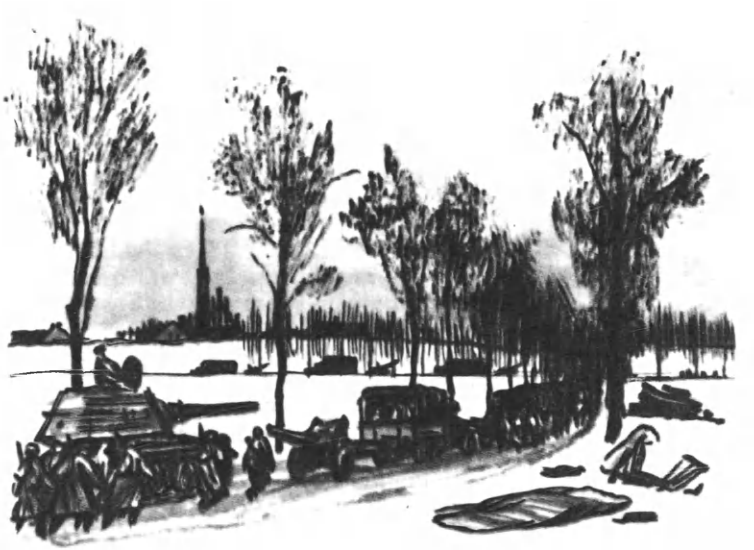
По дороге на Берлин
Вьется серый пух перин.

Провода умолкших линий,
Ветки вымокшие лип
Пух перин повил, как иней,
По бортам машин налип.

И колеса пушек, кухонь
Грязь и снег мешают с пухом.
И ложится на шинель
С пухом мокрая метель...

Скучный климат заграничный,
Чуждый край краснокирпичный,
Но война сама собой,
И земля дрожит привычно,
Хрусткий щебень черепичный
Отряхая с крыш долой...

Мать-Россия, мы полсвета
У твоих прошли колес,

THE ROAD TO BERLIN

All along the motorway,
Feathers flying, thick and grey.

Sticking to the telegraph cables
And the boughs of dripping limes,
Forming on the sides of lorries
Like a coat of winter rime.

Wheels of guns and kitchens grinding,
Mud and snow with feathers blending...
Rain and sleet all mixed with fluff,
Greatcoats smothered in the stuff....

Foreign clime so miserable,
Redbrick land interminable;
But war's old familiar sound
Makes the earth, as usual, tremble,
And the brittle roof-tiles tumble
Crashing to the sodden ground....

Mother Russia, at your wheels we've
Trudged across a hemisphere,

Позади оставив где-то
Рек твоих раздольный плес.

Долго-долго за обозом
В край чужой тянулся вслед
Белый цвет твоей березы
И в пути сошел на нет.

С Волгой, с древнею Москвою
Как ты нынче далека.
Между нами и тобою —
Три не наших языка.

Поздний день встает не русский
Над немилой стороной.
Черепичный щебень хрусткий
Мокнет в луже под стеной.

Всюду надписи, отметки,
Стрелки, вывески, значки,
Кольца проволочной сетки,
Загородки, дверцы, клетки —
Все нарочно для тоски...

Мать-земля родная наша,
В дни беды и в дни побед
Нет тебя светлей и краше
И желанней сердцу нет.

Помышляя о солдатской
Непредсказанной судьбе,
Даже лечь в могиле братской
Лучше, кажется, в тебе.

А всего милей до дому,
До тебя дойти живому,
Заявиться в те края:
— Здравствуй, родина моя!

Воин твой, слуга народа,
С честью может доложить:
Воевал четыре года,

And we've left your mighty rolling
Rivers far behind somewhere.

Following the transport convoys
Trailed your birch-trees, gleaming white,
Deep into this alien country,
Dwindling until lost from sight.

Far away now, with your Volga
And the Kremlin's ancient towers,
You are separated from us
By three languages not ours.

It's no Russian day, late dawning
On this land that never smiles.
By the wall, steeped in a puddle
Lie the brittle, shattered tiles.

Warning notices, inscriptions,
Arrows, signposts everywhere;
Chicken netting, prohibitions,
Fences, cages, doors, restrictions—
All conducive to despair.

Motherland, in days of triumph
Or in times of trouble dire,
None's more bright, more fair than you are,
Nearer to the heart's desire.

There's no telling what the soldier's
Destiny will lead him to:
Even if a grave fraternal,
Let it be at least with you.

But still better—to arrive
All in one piece and alive,
Saying on his safe return:
"Greetings, land where I was born!"

And your soldier, people's servant,
May report, conscience at ease,
That he's had four years' campaigning,

Воротился из похода
И теперь желает жить.

Он исполнил долг во славу
Боевых твоих знамен.
Кто еще имеет право
Так любить тебя, как он!

День и ночь в боях сменяя,
В месяц шапки не снимая,
Воин твой, защитник-сын,
Шел, спешил к тебе, родная,
По дороге на Берлин...

По дороге неминучей
Пух перин клубится тучей.
Городов горелый лом
Пахнет паленым пером.

И под грохот канонады
На восток, из мглы и смрада,
Как из адовых ворот,
Вдоль шоссе течет народ.

Потрясенный, опаленный,
Всех кровей, разноплеменный,
Горький, вьючный, пеший люд...
На восток — один маршрут.

На восток, сквозь дым и копоть,
Из одной тюрьмы глухой
По домам идет Европа.
Пух перин над ней пургой.

И на русского солдата
Брат француз, британец брат,
Брат поляк и все подряд
С дружбой будто виноватой,
Но сердечною глядят.

На безвестном перекрестке
На какой-то встречный миг —

Hardly grumbling or complaining,
And he wants to live in peace.

To the glory of your colours
He has rendered honour due.
Who, then, has more right than he has
To bestow his love on you?

Days and nights in battle spending,
Hat on head for weeks unending,
Your defender, warrior son,
Has been hurrying to greet you
Down the long road to Berlin....

All along that road fly swirling
Clouds of feathers, dancing, whirling.
And the rubble in each town
Reeks of burning fluff and down.

Eastward, while the big guns boom,
Out of dismal murk and gloom
As from Hell's gates, people crowd
Streaming down along the road;

Of all races and extractions,
Grimy, driven to distraction,
Bitter, burdened, and on foot,
Heading east—their only route.

Heading east, through soot and smoke-clouds,
From one prison dungeon fled,
Europe is dispersing homewards.
Storm of feathers overhead.

Brother Briton, Brother Frenchman,
Brother Pole, and all the rest
Seem to look towards the Russian
Almost as if with contrition,
But in open friendliness.

Brief encounter at some crossroads—
No one knows exactly where—

Сами тянутся к прическе
Руки девушек немых.

И от тех речей, улыбок
Залит краской сам солдат:
Вот Европа, а спасибо
Все по-русски говорят.

Он стоит, освободитель,
Набок шапка со звездой.
Я, мол, что ж, помочь любитель,
Я насчет того простой.
Мол, такая служба наша,
Прочим флагам не в упрек...

— Эй, а ты куда, мамаша?
— А туда ж,— домой, сынок.

В чужине, в пути далече,
В пестром сборище людском
Вдруг слова родимой речи,
Бабка в шубе, с посошком.

Старость вроде, да не дряхлость
В ту котомку впряжена.
По-дорожному крест-накрест
Вся платком оплетена.

Поздоровалась и встала,
Земляку-бойцу под стать,
Деревенская, простая
Наша труженица-мать.

Мать святой извечной силы,
Из безвестных матерей,
Что в труде неизносимы,
И в любой беде своей;

Что судьбою, повторенной
На земле сто раз подряд,
И растят в любви бессонной,
И теряют нас, солдат;

And the girls, though shy of speaking,
Lift their hands to pat their hair.

At each friendly word of greeting,
Our boy blushes like a rose.
This is Europe, but *spasibo*
Is a word all Europe knows.

There he stands, the liberator,
Hat, with star, somewhat askew:
"Glad to help in times of trouble,
Glad to lend a hand to you.
No reflections on the Allies,
Just the service we lay on...."

"Where d'you think you're going, then, Ma?"
"That way. Home, of course, my son!"

In the milling throng of people
Deep inside that alien land,
It's a Russian woman speaking,
Well wrapped up, with staff in hand.

Old, perhaps, but not decrepit;
Harnessed in a shoulder pack;
For the rigours of the journey,
Shawl tied crossways, front and back.

Up she gets with words of greeting,
And our men look on with pride—
Just an ordinary woman
From the Russian countryside.

Full of life, indomitable,
One of all the nameless mums
Tireless in their work, undaunted
By whatever trouble comes.

She who, down the generations,
Has done what she can, and more,
Sacrificing all to rear us,
Losing us in time of war.

И живут, и рук не сложат,
Не сомкнут своих очей,
Коль нужны еще, быть может,
Внукам вместо сыновей.

Мать одна в чужбине где-то!
— Далеко ли до двора?
— До двора? Двора-то нету,
А сама из-за Днепра...

Стой, ребята, не годится,
Чтобы этак с посошком
Шла домой из-за границы
Мать солдатская пешком.

Нет, родная, по порядку
Дай нам делать, не мешай.
Перво-наперво лошадку
С полной сбруей получай.

Получай экипировку,
Ноги ковриком укрой.
А еще тебе коровку
Вместе с приданной овцой.

В путь-дорогу чайник с кружкой
Да ведерко про запас,
Да перинку, да подушку,—
Немцу в тягость, нам как раз...

— Ни к чему. Куда, родные?—
А ребята — нужды нет —
Волокут часы стенные
И ведут велосипед.

— Ну, прощай. Счастливо ехать!—
Что-то силится сказать
И закашлялась от смеха,
Головой качает мать.

— Как же, детки, путь не близкий.
Вдруг задержат где меня:

Never resting for a minute,
Kept awake from dusk till dawn,
Just in case their grandsons need them,
Let alone the sons they've borne!

Stranded in a foreign country!
"Where's your home, Mum? Is it far?"
"Me, I'm from beyond the Dnieper,
But my home is there no more."

"Hold it, fellers! This won't do, now—
Soldier's mother, staff in hand,
Leaving like this on the homeward
Journey from a foreign land.

"No, you needn't interfere, Ma!
We can fix you up real good.
First of all, you take this horse here,
Harnessed ready for the road.

"Next, you'll need some gear and tackle.
This here travelling rug should do,
And this cow—might come in handy—
And—seconded—one small ewe.

"Mug and teapot for the journey,
And a pail, so don't complain!
Here's a mattress, here's a pillow:
Fritz's loss can be our gain...."

"Boys! I don't need all that luggage!
What would I want those things for?"
But they're bringing her a wall-clock,
And a bicycle, what's more!

"Cheerio, Ma! Pleasant journey!"
Then she tries to speak, instead
Nearly chokes herself with laughing,
And again she shakes her head.

"It's a long, long way I'm going.
They could stop me suddenly.

346

Ни записки, ни расписки
Не имею на коня.

— Ты об этом не печалься,
Поезжай да поезжай,
Что касается начальства,—
Свой у всех передний край.

Поезжай, кати, что́ с горки,
А случится что-нибудь,
То скажи, не позабудь:
Мол, снабдил Василий Теркин,—
И тебе свободен путь.

Будем живы, в Заднепровье
Завернем на пироги.

— Дай господь тебе здоровья
И от пули сбереги...

Далеко, должно быть, где-то
Едет нынче бабка эта,
Правит, щурится от слез.
И с боков дороги узкой,
На земле еще не русской —
Белый цвет родных берез.

Ах, как радостно и больно
Видеть их в краю ином!..

Пограничный пост контрольный,
Пропусти ее с конем!

What about the horse? No permit;
Got no paper signed on me!"

"Don't you fret about that permit.
Just keep going. Just press on.
Never mind about the Army—
They've got problems of their own.

"Just you keep old Dobbin walking,
And no harm'll come to you.
Don't forget—the thing to do
Is to say Vassili Tyorkin
Fixed you up—and you'll get through!

"All being well down by the Dnieper
We'll drop in for pies one day."

"May God grant you health and safety,
May no bullet come your way...."

Blinking back her tears, the old lady
Is well on her way, maybe,
Riding on. To left and right
Of the narrow roadway, rustling
In this land that's not yet Russian—
Dear old birch-trees, shining white!

Oh, how bitter-sweet to see them
In a land that isn't yours!...

Guards on duty at the checkpoint,
Let her through—complete with horse!

В БАНЕ

На околице войны —
В глубине Германии —
Баня! Что там Сандуны
С остальными банями!

На чужбине отчий дом —
Баня натуральная.
По порядку поведем
Нашу речь похвальную.

Дом ли, за́мок, все равно,
Дело безобманное:
Банный пар занес окно
Пеленой туманною.

Стулья графские стоят
Вдоль стены в предбаннике.
Снял подштанники солдат,
Докурил без паники.

Докурил, рубаху с плеч
Тащит через голову.

THE BATHS

Deep in war-swept Germany,
Russian baths—oh, brothers!—
You can keep your Sanduny*
Same as any others!

Genuine bath-house—home from home,
Here in foreign places.
Let us therefore with one voice
Duly sing its praises.

Home or castle—it's all one;
No deceit, that's certain:
Bath-house window hid by steam
As if by a curtain.

And His Excellency's chairs
Wait the soldier's pleasure.
Now he takes his drawers off,
Smokes his fag at leisure.

Vest comes next, over his head,
Up from off his shoulders.

* A reference to the famous Sandunovsky Baths in Moscow.— *Tr.*

Про солдата в бане речь,—
Поглядим на голого.

Невысок, да грудь вперед
И в кости надежен.
Телом бел,—который год
Загорал в одеже.

И хоть нет сейчас на нем
Форменных регалий,
Что знаком солдат с огнем,
Сразу б угадали.

Подивились бы спроста,
Что остался целым.
Припечатана звезда
На живом, на белом.

Неровна, зато красна,
Впрямь под стать награде,
Пусть не спереди она,—
На лопатке сзади.

С головы до ног мельком
Осмотреть атлета:
Там еще рубец стручком,
Там иная мета.

Знаки, точно письмена
Памятной страницы.
Тут и Ельня, и Десна,
И родная сторона
В строку с заграницей.

Столько верст и столько вех,
Не забыть иную.
Но разделся человек,
Так идет в парную.

Он идет, но как идет,
Проследим сторонкой:
Так ступает, точно лед
Под ногами тонкий;

Now let's have a look at him,
Our stark-naked soldier.

Medium height but chest well out;
Body's clean uprightness
By four years in uniform
Tanned to lily-whiteness.

And, although by now he's shed
All his grand regalia,
Still, with action you can tell
He's not unfamiliar.

And you'll simply be amazed
That he could survive it—
On the naked skin, a star
Flaming bright and livid,

Like a medal that he's won,
And he always wears it,
Only it's his shoulder-blade,
Not his chest, that bears it.

Quickly, then, from top to toe
Look our athlete over.
Here's a scar shaped like a pod,
And here's yet another.

Like a hieroglyph, each scar
Tells a different story.
See them—Yelnya, the Desna
And his home ground, next to far
Alien territory.

What each mile he marched was like,
He needs no reminding.
To the steam room now he goes,
Leaves his clothes behind him.

In he walks, but how he walks,
Watch with due discretion:
As if treading on thin ice,
Seems the right expression.

Будто делает с трудом
Шаг — и непременно:
— Ух, ты! — крякает, притом
Щурится блаженно.

Говор, плеск, веселый гул,
Капли с потных сводов...
Ищет, руки протянув,
Прежде пар, чем воду.

Пар бодает в потолок.
Ну-ка, с ходу на полок!

В жизни мирной или бранной,
У любого рубежа,
Благодарны ласке банной
Наше тело и душа.

Ничего, что ты природой
Самый русский человек,
А берешь для бани воду
Из чужих, далеких рек.

Много хуже для здоровья,
По зиме ли, по весне,
Возле речек Подмосковья
Мыться в бане на войне.

— Ну-ка ты, псковской, елецкий
Иль еще какой земляк,
Зачерпни воды немецкой
Да, уважь, плесни черпак.

Не жалей, добавь на пфенниг,
А теперь погладить швы
Дайте, хлопцы, русский веник,
Даже если он с Литвы.

Честь и слава помпохозу,
Снаряжавшему обоз,
Что советскую березу
Аж за Кенигсберг завез.

It's an effort, every step,
As he enters, mincing.
"Ouch!" he yelps at every step,
Rapturously wincing.

Chatter, splashing, cheerful din;
Drips drop from the ceiling...
Not for water, but for steam,
Hands outstretched, he's feeling.

Billowing steam-clouds butt the roof.
On your shelf, lad—that's the stuff!

Whether peace or war is reigning,
At whatever frontier line,
Soul and body love the comforts
Of a bath at any time.

What's it matter, though you may be
Russian to the very core—
Distant alien river waters
For a bath you'll gladly draw.

They're less healthy for your system
In the winter or the spring—
Baths beside the streams round Moscow
When the war is in full swing.

Now, then, you from Pskov, or Yelnya,
Or wherever it may be,
Fill the scoop with German water,
Mind you splash it liberally!

One more pfennig-worth this way, please,
And to iron the seams out, man,
Use that Russian birch-switch even
Though it's Lithuanian.

To the thoughtful Quartermaster
Who brought from beyond and through
Königsberg, those Russian switches—
Render praise and honour due!

Эй, славяне, что с Кубани,
С Дона, с Волги, с Иртыша,
Занимай высоты в бане,
Закрепляйся не спеша!

До того, друзья, отлично
Так-то всласть, не торопясь,
Парить веником привычным
Заграничный пот и грязь.

Пар на славу, молодецкий,
Мокрым доскам горячо.
Ну-ка, где ты, друг елецкий,
Кинь гвардейскую еще!

Кинь еще, а мы освоим
С прежней дачей заодно.
Вот теперь спасибо, воин,
Отдыхай. Теперь — оно!

Кто не нашей подготовки,
Того с полу на полок
Не встянуть и на веревке,—
Разве только через блок.

Тут любой старик любитель,
Сунься только, как ни рьян,
Больше двух минут не житель,
А и житель — не родитель,
Потому не даст семян.

Нет, куда, куда, куда там,
Хоть кому, кому, кому
Браться париться с солдатом,—
Даже черту самому.

Пусть он жиловатый парень,
Да такими вряд ли он,
Как солдат, жарами жарен
И морозами печен.

Пусть он, в общем, тертый малый,
Хоть понятно, черта нет,

Hey you, Slavs all, from the Volga,
The Kuban, Don and Irtysh—
Occupy the bath-house heights and
Get dug in. You needn't rush!

It's the height of joy and pleasure
When you're free to take your time
Purging with the good old birch-twigs
Foreign sweat and foreign grime.

Clouds of steam in goodly measure,
And the dripping planks are hot.
Now then, friend of mine from Yelnya,
Send us up another lot!

Give us more, and we can take it
With the lot you sent before!
That's the ticket! Thank you, soldier.
Have a rest. No need for more.

He who hasn't had our training
Won't climb easily up here.
Since a rope will hardly help him,
Better get some hoisting gear.

If some connoisseur and expert
Drops in—hardy though he be—
He won't stick it out, or rather
If he does, he'll be no father,
He'll be seedless presently!

No, it's useless, useless, useless
For a stranger in this place
Vying with a soldier: even
Satan couldn't stand the pace!

He won't have been, like our soldier,
(Though he may be strong as most)
Fried in many a summer heatwave,
Baked in many a winter frost.

There's no Satan, naturally;
But, although our guest is tough,

Да поди сюда, пожалуй,
Так узнаешь, где тот свет.

На полке́, полке́, что тесан
Мастерами на войне,
Ходит веник жарким чесом
По малиновой спине.

Человек поет и стонет,
Просит:
— Гуще нагнетай.—
Стонет, стонет, а не донят:
— Дай! Дай! Дай! Дай!

Не допариться в охоту,
В меру тела для бойца—
Все равно, что немца с ходу
Не доделать до конца.

Нет, тесни его, чтоб вскоре
Опрокинуть навзничь в море,
А который на земле—
Истолочь живьем в «котле».

И за всю войну впервые—
Немца нет перед тобой.
В честь победы огневые
Грянут следом за Москвой.

Грянет залп многоголосый,
Заглушая шум волны.
И пошли стволы, колеса
На другой конец войны.

С песней тронулись колонны
Не в последний ли поход?
И ладонью запыленной
Сам солдат слезу утрет.

Кто-то свистнет, гикнет кто-то,
Грусть растает, как дымок.
И война—не та работа,
Если праздник недалек.

Let him try it here—he'll find out
Just where Hell is soon enough!

On the bunk, rough-hewn by wartime
Joiners with a craftsman's knack,
See the birch-twigs fiercely flicking
Up and down the purple back.

And the victim, howling, moaning,
Never ceases to implore:
"Harder! Harder!" Then, unsated:
"More! More! More! More!"

Not to get a thorough steaming
Till his body's had enough,
Is like harassing the Germans
Without finishing them off!

No, let's press him hard, till he
Tumbles back into the sea.
Roast the ones that still survive
In their jerry-pots alive.

It's the first time that you haven't
Found the Germans in your way.
After Moscow, hear the fireworks
Thunder out for victory.

Hear the salvo's many voices
Drowning out the ocean's roar.
Yes, our wheels and guns have travelled
To the far end of the war.

Now the columns move off, singing;
One more push before the end?
And the soldier rubs a tear off
With a grimy, dusty hand.

Someone's whistling, someone's whooping;
Misery melts like smoke in air.
War's a very different story
With the celebrations near.

И война — не та работа,
Ясно даже простаку,
Если по три самолета
В помощь придано штыку.

И не те как будто люди,
И во всем иная стать,
Если танков и орудий —
Сверх того, что негде стать.

Сила силе доказала:
Сила силе — не ровня.
Есть металл прочней металла,
Есть огонь страшней огня!

Бьют Берлину у заставы
Судный час часы Москвы...

А покамест суд да справа —
Пропотел солдат на славу,
Кость прогрел, разгладил швы,
Новый с ног до головы —
И слезай, кончай забаву...

А внизу — иной уют,
В душевой и ванной
Завершает голый люд
Банный труд желанный.

Тот упарился, а тот
Борется с истомой.
Номер первый спину трет
Номеру второму.

Тот, механик и знаток,
У светца хлопочет,
Тот макушку мылит впрок,
Тот мозоли мочит;

Тот платочек носовой,
Свой трофей карманный,
Моет мыльною водой,
Дармовою банной.

War's a very different story,
As the veriest fool could guess,
If each bayonet has the backing
Of three aeroplanes, no less.

And the men are also different,
And the scene is altered now.
Guns and tanks galore — just try to
Find the space for them somehow!

Strength has given strength a lesson:
Strength and strength are not the same.
There is metal outlasts metal,
There is flame more dread than flame.

Now the Kremlin bells are chiming
Judgement's hour before Berlin....

While the fated hour is coming,
See our soldier, body shining,
Warmed right through and smooth of skin,
Brighter than a brand-new pin.
Now he's finished, down he's climbing....

And below, another joy —
Choice of shower or bath-tub,
And the naked soldiers all
Give themselves a last rub.

This one's boiled alive; his mate
Flops exhausted, drooping.
Number One gives Number Two's
Back a thorough rubbing.

One, an expert, mends the light,
Fiddling and poking.
This one soaps his hair, that one
Gives his corns a soaking.

One is laundering in the suds,
Free of charge and gratis,
Much prized booty seized in war —
One small hankie, that is.

Ну, а наш слегка остыл
И — конец лежанке.
В шайке пену нарастил,
Обработал фронт и тыл,
Не забыл про фланги.

Быстро сладил с остальным,
Обдался и вылез.
И невольно вслед за ним
Все поторопились.

Не затем, чтоб он стоял
Выше в смысле чина,
А затем, что жизни дал
На полке мужчина.

Любит русский человек
Праздник силы всякий,
Оттого и хлеще всех
Он в труде и драке.

И в привычке у него
Издавна, извечно
За лихое удальство
Уважать сердечно.

И с почтеньем все глядят,
Как опять без паники
Не спеша надел солдат
Новые подштанники.

Не спеша надел штаны
И почти что новые,
С точки зренья старшины,
Сапоги кирзовые.

В гимнастерку влез солдат,
А на гимнастерке —
Ордена, медали в ряд
Жарким пламенем горят...

— Закупил их, что ли, брат,
Разом в военторге?

Well, our man's cooled off down there;
End of loafing's pleasure,
And the soap he doesn't spare,
Operates on front and rear,
Flanks, too, for good measure.

And the rest is quickly done—
Rinse, then through the doorway.
For some reason, all the rest
Follow in a hurry.

Not because our friend can boast
Higher rank or station,
But because his conduct's been
Quite an inspiration.

Russians love a show of strength:
Puts them on their mettle
In the daily round of work,
In the heat of battle.

Ever since the days of old,
Grit and resolution
Have inspired our people with
Heartfelt admiration.

With respect they watch our friend
As, quite unconfounded,
He puts on a pair of drawers
Clean and freshly laundered.

Then he dons his trousers, then
Pulls his boots on, dawdling.
(Sergeant-Major calls them new,
Though they're like tarpaulin.)

Next he pulls his tunic on,
And the tunic, dropping,
Shines with medals, every one
Flashing as if in the sun....

"Army Store goods," says someone.
"You been round there shopping?"

Тот стоит во всей красе,
Занят самокруткой.
— Это что! Еще не все,—
Метит шуткой в шутку.

— Любо-дорого. А где ж
Те, мол, остальные?..
— Где последний свой рубеж
Держит немец ныне.

И едва простился он,
Как бойцы в восторге
Вслед вздохнули:
— Ну, силен!
— Все равно, что Теркин.

In his glory, there he stands,
Rolls a gasper, grinning.
"Chicken feed!" he answers back.
"That's just the beginning!"

"Fine and dandy! May we ask
Where you'll get the others?"
"Why, where Jerry's lining up
For his last stand, brothers!"

Hardly has he said good-bye—
Hear the buzz of talking!
"He's a tough un, that!" they sigh.
"Every inch a Tyorkin!"

ОТ АВТОРА

«Светит месяц, ночь ясна,
Чарка выпита до дна...»

Теркин, Теркин, в самом деле,
Час настал, войне отбой.
И как будто устарели
Тотчас оба мы с тобой.

И как будто оглушенный
В наступившей тишине,
Смолкнул я, певец смущенный,
Петь привыкший на войне.

В том беды особой нету:
Песня, стало быть, допета.
Песня новая нужна,
Дайте срок, придет она.

Я сказать хотел иное,
Мой читатель, друг и брат,
Как всегда, перед тобою
Я, должно быть, виноват.

FROM THE AUTHOR

"Clear bright night, moon in the sky,
And we've drained the goblet dry." *

Tyorkin, Tyorkin, well and truly
Has the war come to an end.
You and I all of a sudden
Seem outdated now, my friend.

Deafened by the eerie silence
After what has been before,
Silent am I too, a singer,
Used to singing in the war.

There's no harm in that whatever.
It may be my lay is over.
Now we need another song;
Wait, and it will come along.

But, dear reader, friend, and brother,
I had something else to say,
And, as usual, it may be I've
Failed you in a kind of way.

*An echo from Pushkin's *Songs of the Western Slavs.*— *Tr.*

Больше б мог, да было к спеху,
Тем, однако, дорожи,
Что, случалось, врал для смеху,
Никогда не лгал для лжи.

И, по совести, порою
Сам вздохнул не раз, не два,
Повторив слова героя,
То есть Теркина слова:

«Я не то еще сказал бы,—
Про себя поберегу.
Я не так еще сыграл бы,—
Жаль, что лучше не могу».

И хотя иные вещи
В годы мира у певца
Выйдут, может быть, похлеще
Этой книги про бойца,—

Мне она всех прочих боле
Дорога, родна до слез,
Как тот сын, что рос не в холе,
А в годину бед и гроз...

С первых дней годины горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне,
Повстречавшись на войне.

От Москвы, от Сталинграда
Неизменно ты со мной —
Боль моя, моя отрада,
Отдых мой и подвиг мой!

Эти строки и страницы —
Дней и верст особый счет,

I'd sing more, if time permitted;
But at least due notice take:
If I fibbed for fun, I never
Merely lied for lying's sake.

There were moments when I sadly
Heaved a sigh, or two, or three,
Echoing words my hero uttered,
Letting Tyorkin speak for me:

"I would say a lot more, really,
But I'll keep it hid from you.
I would play much better, truly—
It's the best that I can do."

Though in times of peace, the poet
May to other themes incline
More compelling and more trenchant
Than this soldier's tale of mine—

Him I love above all others:
He's my dearest child, no less,
Like a son reared not in comfort,
But in times of storm and stress.

From the first days of affliction
In the homeland's hour of grief,
You and I, Vassili Tyorkin,
Bosom friends became for life.

I would never dare forgo you,
There is so much that I owe you,
So much that I'm grateful for
Since we first met in the war.

Yes, from Stalingrad, from Moscow,
With me all the way were you—
All my joy, grief, consolation,
And my deed of derring-do!

Words, lines, pages in due order
Tell the story, day by day,

Как от западной границы
До своей родной столицы,
И от той родной столицы
Вспять до западной границы,
А от западной границы
Вплоть до вражеской столицы
Мы свой делали поход.

Смыли весны горький пепел
Очагов, что грели нас.
С кем я не был, с кем я не пил
В первый раз, в последний раз...

С кем я только не был дружен
С первой встречи близ огня.
Скольким душам был я нужен,
Без которых нет меня.

Скольких их на свете нету,
Что прочли тебя, поэт,
Словно бедной книге этой
Много, много, много лет.

И сказать, помыслив здраво:
Что ей будущая слава!

Что ей критик, умник тот,
Что читает без улыбки,
Ищет, нет ли где ошибки,—
Горе, если не найдет.

Не о том с надеждой сладкой
Я мечтал, когда украдкой
На войне, под кровлей шаткой,
По дорогам, где пришлось,
Без отлучки от колес,
В дождь, укрывшись плащ-палаткой,
Иль зубами сняв перчатку
На ветру, в лютой мороз,
Заносил в свою тетрадку
Строки, жившие вразброс.

How from that far Western border
Almost up to Moscow city,
Then away from Moscow city
Back towards the Western border
And from that far Western border
To the German capital city—
You were with me all the way.

Spring has washed away the ash of
Fires that warmed us in the past.
Many are those I stayed with, drank with,
For the first time and the last.

Many a soldier I befriended
Round the fire in company.
Many a soul was grateful to me
Without them, where would I be?

And so many read you, poet,
Who aren't with us any more,
That this book might have been written
Many, many years before.

And, as common sense would claim,
What care I for future fame?

Or the critic, captious one,
He who reads it all unsmiling,
Tries to find some fault or failing,
And is sorry if there's none.

Not of glory was I dreaming
If the honest truth be told,
When, beneath some shattered, leaning
Cabin roof, all gashed and holed,
While the endless transports rolled—
In my groundsheet, downpour streaming,
Or, glove in my teeth, breath steaming,
In the wind, in bitter cold,
There I wrote, and let the teeming
Substance of my tale unfold.

Я мечтал о сущем чуде:
Чтоб от выдумки моей
На войне живущим людям
Было, может быть, теплей,

Чтобы радостью нежданной
У бойца согрелась грудь,
Как от той гармошки драной,
Что случится где-нибудь.

Толку нет, что, может статься,
У гармошки за душой
Весь запас, что на два танца,—
Разворот зато большой.

И теперь, как смолкли пушки,
Предположим наугад,
Пусть нас где-нибудь в пивнушке
Вспомнит после третьей кружки
С рукавом пустым солдат;

Пусть в какой-нибудь каптерке
У кухонного крыльца
Скажут в шутку: «Эй ты, Теркин!» —
Про какого-то бойца;

Пусть о Теркине почтенный
Скажет важно генерал,—
Он-то скажет непременно,—
Что медаль ему вручал;

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкою в руке:
— Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке...

Я доволен был бы, право,
И — не гордый человек —
Ни на чью иную славу
Не сменю того вовек.

And I strove to work real wonders,
Hoped my brainchild might bring more
Cheer into the lives of people
Fighting out this bitter war;

That the soldier might be gladdened,
As when he might chance to hear
That old, battered, bruised accordion
Which could turn up anywhere.

If you stretch those wheezing bellows
Out as far as they will go,
You can store up wind in surplus
For two dances in one blow.

Now that all the guns are silent,
Let us venture to believe
That our names will be remembered
In the tavern by some veteran
Soldier with an empty sleeve.

In the scullery or the pantry
Or outside the kitchen door,
Let them say of some bright soldier:
"You're a Tyorkin, that's for sure!"

May the much-respected general
Mention Tyorkin with an air.
He'll be bound to tell you how he
Decorated him somewhere.

And may anyone who's read it,
With this book of mine in hand
Say: "It's poetry, but it's Russian
Anyone can understand."

That would make me truly happy.
I'm not jealous of my name,
But I'd not trade *Tyorkin*'s glory,
Not for anybody's fame.

Повесть памятной годины,
Эту книгу про бойца,
Я и начал с середины
И закончил без конца.

С мыслью, может, дерзновенной
Посвятить любимый труд
Павшим памяти священной,
Всем друзьям поры военной,
Всем сердцам, чей дорог суд.

1941—1945

So my book about a soldier,
Tale of stirring times I've penned,
Starting somewhere in the middle,
Leaving off before the end,

To commemorate, however
Bold the intention might appear,
Those whose names shall live forever,
All whom wartime brought together,
All whose verdict I hold dear.

1941-1945

AFTERWORD

HOW *VASSILI TYORKIN* WAS WRITTEN*

The first chapters of *Vassili Tyorkin* were published in 1942, although the hero's name had become known through the Army press considerably earlier. But it was in 1942 that, as the author of "A Book About A Soldier", I began receiving readers' letters which, in addition to general criticisms of this work, contained comments, requests, and queries. These queries were many and varied, but can be reduced, in essence, to three:

1. Did Vassili Tyorkin exist in real life, or was he invented?
2. How was the book written?
3. Why has there been no post-war sequel to *Tyorkin*?

I shall begin at the beginning with the first question, which is the one most frequently asked about the principal character of any book.

"Does Tyorkin exist in real life?", "Is he a type, or a person actually known to you?", "Is he real?"—these are three random examples of the way this question was usually formulated. I began receiving such enquiries from readers almost as soon as "A Book About A Soldier" began appearing in the newspapers and magazines. Some letters evidently expected an answer in the affirmative, but it was patently clear from others that the reader was in no doubt whatever about the existence of a "real" Tyorkin and that it was merely a question of "Is he in our division or some other one?" Instances of letters being addressed not to me, the author, but to Vassili Tyorkin in person provide further evidence of the widespread notion that Tyorkin was a "real person".

In short, some readers were, and still are, under the impression that Tyorkin is, so to speak, a private individual, a soldier with that or some other name, registered under an Army unit and field post office number. Moreover, missives in prose and verse from readers indicate a wish for things to be that way, that is, for Tyorkin not to be a fictional character.

However, I was, and still am, unable to satisfy these naive but much appreciated feelings on the part of the readers by stating (like certain other writers) that my hero is not invented but lives, or used to live, in such-and-such a place, and that I met him at such-and-such a time in such-and-such circumstances.

No, Vassili Tyorkin, as he figures in the book, is an invention from start to finish, a product of the imagination, a creation of fantasy. And although I endowed him with characteristics which I had observed in many living people, not one of these latter can be called a prototype of Tyorkin.

* Published in abridged form.—*Ed.*

The fact remains, however, that he was conceived and invented not just by myself alone, but by many people, including men of letters; but mainly by non-literary people and, to a considerable extent, by my correspondents. They took a very active part in the creation of *Tyorkin*, from the very first chapter of the book right up to the conclusion, and even now they continue developing his image in various forms and along various lines.

This will become clearer as I go into the second question, which occurs even more frequently in my mail — "How was *Tyorkin* written? Where did the book come from?"

"What did you use as material for it, and what served as your starting point?".

"Surely the author himself was a Tyorkin?"

Such enquiries come not just from ordinary readers, but from people specialising in literature: college students writing theses on *Vassili Tyorkin*, teachers, scholars, critics, librarians, lecturers, and so on.

I shall attempt to describe how *Tyorkin* took shape.

Vassili Tyorkin, as I have already mentioned, became known to the reader, principally the Army reader, from 1942 on. But "Vasya Tyorkin" was already a familiar name as early as 1939, at the commencement of the Finnish campaign. At that time, the Leningrad Military District newspaper, *On Guard for the Homeland*, was publishing contributions by a team of writers and poets: Tikhonov, Sayanov, Shcherbakov, Vashentsev, Solodar, and the author of these lines.

In the course of discussions with the editorial staff about the tasks and nature of our work as writers for an Army newspaper, we decided that what was needed was to start something by way of a humorous section, or weekly skit, written by members of the team and featuring verses and illustrations. And so we writers attached to the editorial office of *On Guard for the Homeland* decided to find a character for a series of amusing cartoons with rhyming captions. He had to be a cheerful, happy-go-lucky soldier, a kind of rough-hewn folk figure. We tried to think of a name for him. It had to be a telling one, with irreverent and satirical undertones. Someone suggested calling our hero Vasya Tyorkin*— Vasya, not Vassili. There were other suggestions: Vanya, Fedya, and so on; but Vasya won the day. And that is how the name was found.

The job of writing an introduction to the proposed series of skits fell to me. I was to give a portrait of Tyorkin, even if only in the most general terms, and I had to set the tone and style of our forthcoming talks to the reader. Previously to this, *On Guard for the Homeland* had published a short poem of mine, "Bivouac", written under the immediate impression of a visit to a certain division.

* From the Russian verb *teryet* (literally — to rub); suggests someone who has knocked about a bit.— *Tr.*

One stanza in the poem went as follows:

He had genius, some old chap:
Found a way of boiling
Soup with never spill or slop
While the kitchen's rolling.

As I had not had any experience of Army service at that time (apart from a short spell with the liberation campaign in Western Byelorussia), and as I had never written anything to do with Army life, this poem was my first step in tackling new subject matter. I was still very unsure of myself at this stage, clinging to my habitual rhythms and cadences. In my introduction to the collective *Tyorkin*, I returned to these earlier cadences which, as applied to the new material and the new task, seemed to me the most suitable.

Here are a few stanzas from the "early" *Tyorkin:*

Vasya Tyorkin? Who's he, pray?
Not to be contrary,
He's a person, shall we say,
Extraordinary.

Not a prepossessing name,
Doesn't ring too slickly;
But he won a hero's fame
Altogether quickly.

And moreover we should add,
If you're curious, really,
Why his comrades call the lad
Vasya, not *Vassili*!

Why, because he's popular,
Friendly as none other.
Folk, no matter who they are,
Love him like a brother.

Over seven feet tall, well-knit,
Of true giant stature,
Well endowed with mother wit
And a buoyant nature;

And in battle, or elsewhere
(It's quite incidental),
Vasya thinks a right good square
Meal is most essential.

But he's not one to hold out
When it comes to prowess,
Pitching foes like sheaves about
In the summer harvest.

Rather grim though he may look,
This there's no denying:
He can't live without a joke
Or a witty saying.

I should mention that when I became more involved with "Tyorkin" as he is today, I drastically altered his features, beginning with the most important one of all:

Tyorkin? Who might he be, pray?
No need to be chary:
He's a fellow, you might say,
Rather *ordinary*....

And this alone is enough to account for the hero's different names: Vasya in the former case, and Vassili Tyorkin in the latter.

All the subsequent illustrated skits by our writers' team bore uniform titles commencing with the words: "How Vasya Tyorkin...". Here is an example of a complete skit, "How Vasya Tyorkin took a prisoner":

1. Fir trees thin and snowdrifts dense;
   Tyorkin's on reconnaissance,
   Camouflaged from head to toe
   In a cloak as white as snow.

2. Tyorkin listens, Tyorkin sees—
   White Finn coming up on skis,
   Never guessing, foolish chap,
   That he's heading for a trap.

3. Tyorkin works a simple ruse,
   Of his camouflage makes use;
   Burrows down and then lies low,
   Looking like a heap of snow.

4. To the Finn it looks a fine
   Prospect for a "trampoline".
   Down he swoops. He's nearly there—

5. Hold it! Stop! No thoroughfare!
   That's how Tyorkin struck it lucky
   Using camouflage on reccy,

6. And then, with no more ado,
   Marched his man to Staff HQ.

After paying tribute to *Vasya Tyorkin* with one or two skits, most of his originators, according to inclination and opportunity, took up other work for the paper: one did articles on military history, another—outlines and sketches about life at the front, yet another—verses, and so on.

Shcherbakov, a Red Army poet and a long-standing contributor to the paper, became the principal author of *Tyorkin*.

Tyorkin was more of a success with the Red Army reader than all the rest of our articles, verses and sketches, although our attitude at the time to this success was rather superior and condescending. Quite justifiably, we didn't regard it as literature. When the war was over in Finland, one of my fellow writers for the Army press asked me what I was working on now and, hearing that I was busy with *Tyorkin*, he wagged his finger admonishingly at me as if to say: you're working on that now? A likely story!

And yet "Tyorkin" was now all I could think of, work on, or worry about. "Tyorkin", I thought, as I tackled the job afresh, should be promoted from the "Comic Corner", the "Point Blank" column and so forth, in which he had hitherto been featured under this or that name, and should consume not just a small fraction of my energy in narrowly specialised "humorous" writing, but all my powers to the full. It's hard to say precisely on what day and at what hour I made the decision to throw myself into the task with everything I had, but in the summer and autumn of 1940 I was already living and breathing this project, which now overshadowed all my previous intentions and plans. One thing is clear: my decision resulted from the vivid impressions left by the war which I had just been through and after which I simply couldn't go back to my ordinary literary work.

Tyorkin, as I planned it at the time, should combine simplicity and unpretentiousness of form — the direct functionalism of the skit *Tyorkin* — with seriousness and perhaps even lyricism of content.

The weakness of the old "Tyorkin", as I now realise, was that he belonged to the tradition of an earlier time when poetry, as addressed to the masses, was deliberately simplified for a different cultural and political level of reader, and when this poetry was not the ultimate form of lyrical expression for its creators, who put their hopes of true achievement and "real" art in a temporarily postponed form of "real" creativeness.

Things were different now. There was a new reading public — the children of those revolutionary fighters for whom Demyan Bedny and Vladimir Mayakovsky had written songs, *chastushkas*, and satirical couplets — and each and every one of them was literate, politically mature, familiar with many benefits of culture, and had grown up in Soviet times.

My first concern was to digest my experiences during the recent war, which had been not just my first war, but my first truly intimate meeting with Army personnel. During the fighting, I came to realise profoundly — felt to the core of my being, as the expression goes — that our Army was not a special world standing apart from the rest of our society, but simply those same Soviet men and women placed in the conditions of life in the Army and at the front.

I transferred my rough pencil jottings to a fair copybook, writing down some passages fresh from memory. In this material, which was new to me, everything was precious down to the smallest trifle — a visual impression, a turn of phrase, an aptly used word, a detail of everyday life at the front. But dearest of all to me were the people I had been fortunate enough to meet, get to know, and talk to on the Karelian Isthmus. Driver Volodya Artyukh, smith-artilleryman Grigori Pulkin, tank commander Vassili Arkhipov, airman Mikhail Trusov, Alexander Poskonkin of the Coastal Infantry, Army doctor Mark Rabinovich — all these and many others with whom I talked through the night in some dug-out or overcrowded house that had managed to remain standing in the front-line zone, were not just passing acquaintances whom I had encountered in the course of my professional duties as a journalist, although I saw most of them only once, and briefly at that. I had already written something about each of them — a profile or some verses — and the very work of doing this had made me sift through my fresh impressions, that is to say, "absorb" everything connected with these acquaintances of mine.

As I developed my plan for *Tyorkin*, I went on thinking about them, clarifying for myself their essence as representatives of the first post-October generation.

"It is not this war, whatever it may be like," I wrote in my notebook, "that has made these people, but the greater thing that was before the war. The revolution, collectivisation, the whole way of life. And the war has been revealing these people's qualities, has been bringing them out into the clear light of day. True, the war has done something too."

And again:

"I feel that the Army is going to be as dear a theme to me as that of the reorganisation of life in the rural areas, and Army people are as dear to me as the people of the collective farms in the country; but then, in the main, they are the same people.

"Task — to penetrate their inner spiritual world, to feel them as my own generation (a writer is the contemporary of any generation). They have been through childhood, adolescence and youth under the Soviet administration, in the factory schools, on the collective farms, in Soviet higher educational institutions. Their consciousness has formed under the impact of our literature too, amongst other things."

I was inspired by the spiritual beauty of these people, by their modesty, by their high political awareness, by their ready humour when the conversation dwelt on the very trying experiences which they had had to face on active service. And yet whatever I had written about them in verse or prose, I still felt that I hadn't really got to the bottom of it all. Behind those iambics and trochaics of mine, behind the phraseological turns of the

newspaper profiles, the original, living idioms in the speech of smith Pulkin or airman Trusov, the jokes, the mannerisms, the idiosyncrasies of the other real-life characters—all had somehow failed to come off and were real only to me.

I was already beginning to experiment with the verse, feeling my way owards beginnings, introductions, opening cadences:

... In the war across that river,
By the banks of the Syestra,
Deep in snowdrifts, many a soldier
Won a hero's Golden Star.
There, unsung in poem or story,
In the fir glades' swampy hell,
Many for their country's glory
Bravely fought and nobly fell....

This metre, four-foot trochaics, seemed more and more suitable for the poem.

Generally speaking, I think that metre should not be born of a wordless drone, like that of which Mayakovsky speaks, but of words themselves, of meaningful verbal combinations inherent in the living language. If these combinations happen to fit into the pattern of any of the so-called canonical metres, then they subordinate it to themselves, not vice versa, and take the form, not just of iambs or trochees (the count of stressed and unstressed syllabies is too conventional and abstract a measure), but of something entirely original—a new rhythm, as it were.

The first line of "Crossing Over", which became the leitmotif for the whole chapter, was made up of "crossing over" repeated in a tone of voice that seemed to presage everything implied in the words:

Crossing over, crossing over...

I spent so long reflecting on and visualising, in all its reality, the episode of a crossing which cost many lives and enormous moral and physical effort, and which has probably impressed itself for all time on the memories of those who took part in it—I had so "lived" the experience, that I suddenly found myself uttering this exclamation which was also a sigh:

Crossing over, crossing over...

And I "believed" in it. I felt that it could not be said in any other way, containing, as it did, all that it signified: battle, blood, losses, the deadly night cold, and the great courage of men going to their deaths for the Motherland.

There is, of course, absolutely nothing original about this, and the repetition of a word in the opening lines has been, and still is, widely used in oral and written poetry.

For me, however, it was a revelation. A line had come into being and I could no longer do without it. I did not care whether it was in trochees or

not, because no such line had ever existed in trochees before; but it existed now and, moreover, it had set the tone and cadence of what was to follow.

That is how I hit on the beginning for one of the chapters in *Tyorkin*.

June 22nd, 1941, put an end to all my heart-searchings, doubts, and conjectures. They now belonged to the normal peace-time literary life which we had to abandon and shake off if we were to fulfil the tasks that now confronted each of us. So I put aside my notebooks, outlines, jottings, intentions, and plans. It never occurred to me at the time that this work of mine, interrupted by the outbreak of a major war, would be needed in wartime.

In my capacity as special correspondent or, to be more precise, in my capacity as "writer" (there was such a staff appointment in the military press), I arrived at the South-Western Front, reported to the editorial office of the newspaper *Red Army*, and began doing the same kind of work as all writers at the front.

I wrote sketches, verses, skits, slogans, leaflets, songs, articles, notes — in a word, everything.

One of my comrades at the front presented me with a fat exercise-book. Although it was bound in black oilcloth, the paper was of inferior quality, rough in texture and with the consistency of blotting paper. I used it as an album in which I stuck or pinned my daily "output" as cuttings from the newspaper. In the atmosphere of life at the front, with its constant travelling and night bivouacs, in conditions when it was necessary to be prepared for marching orders at any time and to have one's kit ready packed, this album, which I kept in my document case, was for me an all-purpose aid which performed the functions of briefcase, filing cabinet, desk drawers, and so forth. It helped me to preserve something that was very important at that time — a sense of continuity and orderliness, however relative, in my own "personal routine".

... Before the spring of 1942, I arrived in Moscow and, looking through my notebooks, suddenly decided to revive *Vassili Tyorkin*. The introduction about water, food, jokes and the truth was written straight off. I soon finished "Bivouac", "Crossing Over", "Tyorkin Wounded", and "On Military Decorations", which I already had in draft form. "The Accordion" remained essentially the same as when it was first published. The chapter "Before Battle" was entirely new, based on impressions of the summer of 1941 on the South-Western Front.

I wasn't long troubled with doubts and apprehensions concerning the indefiniteness of genre, the lack of an initial plan for the work as a whole, or by the weak story link-ups between chapters. Not a poem? Well, leave it that way, I decided. No single plot? Do without one, then; it's not essential. No real beginning to the story? There isn't time to invent one. No climax

and ending planned to round off the narrative? Let well alone, strike while the iron's hot, and when the time comes, it'll sort itself out. Once I had made this decision, absolving myself of all inner sense of obligation to the conventions of form and summarily dismissing any possible criticism of my work by the literary world, I felt cheerful and happy. As if making fun of myself and my own scheme, I drafted out the lines telling how "this soldier's book was penned—no beginning and no end". And, indeed, there was "no time for spinning all this yarn from the beginning": there was a war on, and I had no right to put off till tomorrow what must be said today, at once, without waiting for the time when it could all be treated consecutively right from the beginning.

Why is it without an end?
So that we can spare our friend.

This explanation seemed understandable in wartime conditions, when the end of a story about a hero could mean only one thing—his death. But in letters from comrades who were not just members of the general public but who were analysing *Tyorkin* on a scientific basis, so to speak, there was some bewilderment over these lines: shouldn't they be taken some other way? No, they should not!

I won't say, however, that problems of form ceased to trouble me any more after I had plucked up the courage to write "without form", "with no end and no beginning". I was worried about form, only not the kind of form which is meant in relation to, say, the genre of a poem, but that which I needed and inevitably and gradually arrived at by trial and error in the process of working on that particular book.

I made it my first principle of composition and style to aim at a certain completeness of each separate part, or chapter, and, within the chapter, each period and even each stanza. I had to bear in mind the reader who, although unfamiliar with the previous chapters, could find something complete and rounded off in the particular issue of the newspaper he had before him. Moreover, this reader might well be unable to wait until the next chapter: he was, like the hero, at the front. And it was this approximate completeness of each chapter with which I was primarily concerned. I held nothing back, saved nothing for some other occasion, endeavouring to say all I had to say in the latest—that is, the current—issue, to express my mood to the full, to convey each fresh impression, idea, motif, and image as it occurred. True, I did not arrive at this principle until a later stage, that is, after the first few successive chapters of Tyorkin had been published in a batch, and the rest were being printed one at a time as they were finished. I consider that my decision to publish the first chapters before I had finished the book was the right one and had much to do with determining the future of *Tyorkin*. The reader

had a hand in making the book what it was, and I shall have more to say about this later.

The subtitle "A Book About A Soldier", for which I finally settled, was not the result of an endeavour simply to avoid the term "poem", "tale", and the like. It coincided with the decision not to write a poem, or a tale, or a novel in verse—in other words, not to write something with its own sanctioned and more or less obligatory conventions of plot and composition. No such conventions emerged with me, but something did emerge nevertheless, and this something I entitled "A Book About A Soldier". I was much influenced in this choice of subtitle by the special sound of the word "book" as I heard it in childhood on the lips of the common people, and which seems to take it for granted that a book exists in one copy only. If the word ever got round amongst the peasants that there was such-and-such a book, and such-and-such things had been written in it, this in no way implied that there could be another book exactly like it. One way or the other, the word "book" in this popular sense has special overtones, implying something serious, authoritative and absolute.

And if I ever thought, as I worked on it, that my book might be a success, I often imagined it published as a soft-cover edition, like the Army Regulations, with the soldier keeping it in his boot, his tunic, or his hat. As for its structure, I dreamed that the reader might open it at any page and start from there.

After the chapters of the first part of *Tyorkin* began appearing in print, it became my all-absorbing and principal occupation at the front.

No work of mine ever went less easily to start with or more easily afterwards than *Vassili Tyorkin*. True, I rewrote each chapter many times, checking it for sound, and spent much time labouring over a single line or stanza.

For example, I remember how the beginning of the chapter "Death and the Soldier" took shape, "modelled", in the poetic sense of the word, on the lines of the old song about a soldier:

> Don't you hover, old black raven,
> Wheeling low above my head.
> Here's no carrion for the having;
> I am still alive, not dead....

At first, I just jotted down lines of verse alternating with prose; it was important to "sketch out" the picture as a whole:

> Wounded lay a Russian soldier...

Tyorkin lies bleeding on the snow. Death has settled by him and says:

"You're good as dead."
"No, not yours yet," Tyorkin said.
"Living soldier I, not dead."
"Well, if you're not dead,
Move your hand or move your head."
Whereon Tyorkin softly answered,
"I'm just keeping quiet instead."

Then came the opening stanza:

On a hillock on the moorland,
Lost and feeling low, one day,
Tyorkin, lonely and unheeded,
In the snow abandoned lay.

But there weren't enough details to suggest a battlefield, and the resulting picture had too much of the conventional folk-song about it: "on the moorland..."—you expected to hear "'neath the willow" at any moment. But I needed the realities of the present war along with the cadences from the familiar song. Moreover, the second line was no use—it lacked simplicity. It smacked of literary conceit rather than lyrical verse. Then came the stanza:

As the battle din receded
Over the hills and far away,
Tyorkin, lonely and unheeded,
In the snow abandoned lay.

This was not very good, but it gave a quite definite feeling of time and place: the battle is already far away, the wounded soldier has been lying on the snow for some time, and he's freezing to death. The next stanza naturally develops the first:

Blood and snow to ice had hardened
Underneath him. Stealthily,
Death stopped over him and whispered:
"Soldier, come along with me."

But this chapter as a whole came easily and quickly. I hit on the basic tone and composition straightway.* But goodness knows how many lines I wrote and rewrote time and time again, often rejecting them in the end, yet feeling just as happy as if I had written successful new ones.

* The chapter "Death and the Soldier" may, amongst other things, also be said to form a close link between *Vassili Tyorkin* and *Tyorkin in the Underworld*, which was to be published many years later. This chapter contains the external plot of my latest poem: Tyorkin, picked up half-dead on the battlefield, comes back to life from non-existence, from the "other world", the description of which gives the theme of my "second *Tyorkin*" its special contemporary significance.—*Author's note.*

By this time, I was no longer at the South-Western, but at the Western (3rd Byelorussian) Front. The front-line troops were now stationed, roughly speaking, in the eastern part of the Smolensk Region. The movement of this front, which was soon to relieve Smolensk, was the inspiration behind certain lyrical motifs in the book. As a native of the Smolensk country and bound to it by many personal and biographical ties, I could not help but see my hero as a native of those parts.

One more confession. About halfway through the book I was nearly seduced by the temptations of "plot interest". I was even on the verge of getting my hero ready to cross the front line and operate behind the enemy lines in the Smolensk area. Such a turn of events would in many respects have seemed organic and natural, apparently giving me the chance to widen my hero's activities, bring in new descriptive passages, and so forth. The chapter "The General", in the first published version, was given over to a scene in which Tyorkin says good-bye to his divisional commander before going behind the enemy lines. Other extracts also were published dealing with life in the enemy's rear. But I soon realised that this was reducing the book to a kind of personal history, diminishing it and depriving it of that front-line "universality" of content which I had originally set out to achieve and which had already made "Tyorkin" a nickname for soldiers of his type. I firmly rejected this course, cut out everything to do with the enemy rear, redrafted "The General", and continued developing my hero's story according to my original plan.

Speaking of the work as a whole, I can only repeat what I have already said in print concerning "A Book About A Soldier":

"Whatever its purely literary significance may be, it was for me a true joy. It gave me a sense of the legitimacy of the artist's place in the great struggle of the people, a feeling of the obvious usefulness of my labours, and a sence of total freedom in handling poetry and words in a naturally evolving and uninhibited narrative form. In the mutual relationship of writer and reader, *Tyorkin* was my poetry, my journalism, my song, my homily, my humour, my lore, my heart-to-heart talk, and my commentary on events.

The front-line reader who, in the course of direct and indirect acquaintance through the pages of the press, had become for me my collaborator—to the extent of his involvement in my work—this reader for his part also looked on *Tyorkin* as our common task.

"Dear Alexander (I don't know your patronymic)," wrote Ivan Andreyev, a soldier, "if you are in need of material, I might be able to help. A year at the front and seven battles have taught me a thing or two and made something of an impression."

"While at the front, I heard a soldier tell a story about Vasya Tyorkin that I haven't read in your poem," reported K. V. Zorin from Vyshnii Volochok. "Would you be interested, perhaps?"

"Why has our Vassili Tyorkin gone and got himself wounded?" demanded D. Kaliberdy and others in a joint letter. "How did he end up in hospital? After all, he managed to shoot down a fascist plane without getting wounded. Has he landed up in hospital with a cold in the nose? That's not like our Tyorkin. It's bad, so don't write about him like that. Tyorkin should always be with us up at the front line, like the cheerful, resourceful, bold and determined fellow he is.... With all best wishes! We look forward to Tyorkin getting out of hospital as soon as possible."

And many more letters like this in which the reader's concern with the hero's fate develops into an actual involvement in the business of writing about it....

In May 1945, "From the Author", the concluding chapter of *Tyorkin*, was published. It evoked many reactions in verse and prose, and ninety-nine per cent of them boiled down to one thing: the readers wanted to see Tyorkin in peacetime working conditions. I still receive such letters, and they are sometimes addressed not to me, but to the editors of various publications or to the Writers' Union—in other words, to organisations which, in the opinion of the letter-writers, can bring some kind of official influence to bear on me.

V. Minerov of the Prechistoye District in the Smolensk Region, in a postscript to his verses "The Search for Tyorkin" addressed to an editorial office in Moscow, writes: "Do please excuse these rough and ready verses. I'm not a poet, but I was driven to it, just to get Tvardovsky working again."

In requests and advice to write a sequel to *Tyorkin*, the hero's activity in peacetime is usually determined by the type of occupation held by the letter-writer. Some would like Tyorkin to stay in the Army on extended service, teaching the younger generation of soldiers and setting them an example. Others want to see him inevitably back at the collective farm and working as chairman or foreman. A third group find that the best sequel to his story would be a job on one of the great postwar construction projects, such as the Volgo-Don Canal....

The sheer variety of requests about the precise fate of the postwar *Tyorkin* could put me in an extremely difficult position.

But this, of course, is not the real point.

I have written, and still do write, to my correspondents to explain that *Tyorkin* was a book born of the specific and unique atmosphere of the war years and that, with its specific function no longer necessary, the book cannot be continued with different material that would require a different hero and different motifs. Let me quote from the concluding chapter:

Now we need another song;
Wait, and it will come along.

... *Vassili Tyorkin* comes from the "element" of contemporary quasi-folklore represented by the newspaper and notice-board skit, the repertoire of the variety stage, the *chastushka*, the comic song, doggerel, and the like. It has now given birth to much similar material as used in the newspapers, special publications, variety, and everyday speech. It is, in fact, returning to its origins. And in this sense, "A Book About A Soldier", as I have already mentioned, is not so much my own work as the result of collective authorship.

After Tyorkin the Army college trainee, we have Tyorkin the anti-aircraft gunner; Tyorkin demobilised and going to the Bratsk Hydroelectric Project; Tyorkin in the electric forge shop, Tyorkin on virgin soil, Tyorkin the civil policeman.... He acquired "sons" and "nephews". The years pass, and even our hero's age, in conformity with the interests of the younger generation of readers, undergoes the appropriate "adjustment". The collective "sequel" to *Tyorkin* can only please me and inspire a feeling of affinity with my numerous collaborators.

As for my own share of the work, I consider that it is now finished. In no way am I upset about this, as the original author. On the contrary, I am very pleased. I had the good fortune in my time to work on the development of Tyorkin's image, which has become, as the written and spoken reactions of the reading public confirm, fairly popular.

But, of course, I feel very differently about one particular instance of a "sequel" to "A Book About A Soldier", written out of motives profoundly alien to the image of Tyorkin and in a manner bearing not even the remotest resemblance to the universally accepted ideas of what constitutes the literary profession.

I refer to the publication in New York of a book written by a certain S. Yurasov and entitled *Vassili Tyorkin After the War*, with the subsequent qualification in brackets, "After A. Tvardovsky". This "collaborator" is no naive beginner and his work is no guileless "effort of the pen". He is credited on the jacket of this book with an autobiographical novel, *An Enemy of the People*, which tells the story of "Soviet Major Fyodor Panin who decided to break with Bolshevism and become an émigré".

Yurasov pretends that he has taken quite literally what I said in "A Reply to the Reader", to the effect that "A Book About A Soldier" is, in a sense, not my own personal creation but the result of collective authorship. And this is what he writes:

"Part of *Vassili Tyorkin After the War* is based on what I heard in the Army and in the Soviet Union. Some passages in this part coincide with individual passages in A. Tvardovsky's book, but have an entirely different meaning. It would be hard to say which ones are imitations of the poet in anonymous *Tyorkins* and which belong to folklore and were used by A. Tvardovsky."

"It may be said," continues Yurasov, "that *Vassili Tyorkin*, as he lives and is being created to this day in the depths of the Army and the people, is a free popular work of creative art."

Having presented his case in this wise, Yurasov takes upon himself the right to full "licence" in handling the text of my *Vassili Tyorkin*.

We open the book at page one:

If the stream bears you along,
Celebrate that stream in song....

From the first days of affliction,
In the homeland's hour of grief,
You and I, Vassili Tyorkin,
Bosom friends became for life.

But I never had a notion
Just how famous you'd become,
Or how everyone would like you
And you'd win the hearts of some.

And so on, line after line, all correctly "after Tvardovsky", except that, for instance, the line "From the first days of affliction" has been replaced with the clumsy-sounding "From wartime's days of affliction", and "But I never had a notion" with "But nobody had an inkling" and so on up to page three where, after my "Did his luck change after all?", there is suddenly a stanza invented purely by Yurasov:

Been sent off to prison, maybe;
Tyorkins these days are oppressed.
Yes, in Forty-Five, they say he
Made a bid to reach the West.

This scurrilous attempt by Yurasov to equate, even if hypothetically, a decent Soviet soldier and hero with his own contemptible history as defector and traitor to his homeland can naturally evoke nothing but a revulsion which makes it impossible to dwell on all the tricks used in this unscrupulous falsification.

It's crude stuff. What might be called the technical aspect of Tyorkin's hand-to-hand combat with a German has been taken from the chapter entitled "The Duel", and various lines and stanzas have been somehow transposed to present the incident as a hand-to-hand fight between Tyorkin and a policeman. Compared to this, the car-thieves' practice of respraying a stolen vehicle and changing the number plates seems positively honourable.

Yurasov "quotes" stanzas, periods and whole pages of mine; but nowhere does he use inverted commas, assuming that his additions and substitutions give him the right to make what use he likes, in pursuit of his anti-Soviet ends, of the well-known and oft reprinted text of the Soviet book. It is a telling fact that this man, who has gone over to the "service" of

the bourgeois world where the supreme deity is private property, should have openly flouted the principle of literary property which, in our socialist society, is actually protected by the law, being essentially an ethical concept.

But none of this need surprise us when, as can be seen from the dust-jacket of S. Yurasov's cheap plagiarism, the publishers of this anti-poetic mish-mash have no qualms about naming their firm in New York after one of the greatest and most noble of all Russian writers, Anton Chekhov.

1951-1966

Содержание

От автора 6
На привале 12
Перед боем 26
Переправа 40
О войне 56
Теркин ранен 62
О награде 80
Гармонь 86
Два солдата 102
О потере 116
Поединок 128
От автора 142
«Кто стрелял?» 150
О герое 162
Генерал 168
О себе 184
Бой в болоте 194
О любви 212
Отдых Теркина 224
В наступлении 238
Смерть и воин 250
Теркин пишет 264
Теркин — Теркин 270
От автора 282
Дед и баба 292
На Днепре 308
Про солдата-сироту 322
По дороге на Берлин 336
В бане 348
От автора 364

CONTENTS

	Page
From the Author	7
Bivouac	13
Before Battle	27
Crossing Over	41
Concerning War	57
Tyorkin Wounded	63
On Military Decorations	81
The Accordion	87
Two Soldiers	103
Lost Property	117
The Duel	129
From the Author	143
"Who Did That?"	151
The Hero	163
The General	169
About Myself	185
The Battle of the Marshes	195
On Love	213
Tyorkin Has a Rest	225
On the Offensive	239
Death and the Soldier	251
Tyorkin Writes	265
Tyorkin v. Tyorkin	271
From the Author	283
The Old Couple	293
On the Dnieper	309
The Bereaved Soldier	323
The Road to Berlin	337
The Baths	349
From the Author	365
Afterword. How *Vassili Tyorkin* Was Written	374

REQUEST TO READERS

Progress Publishers would be glad to have your opinion of this book, its translation and design and any suggestions you may have for future publications.
Please send all your comments to 21, Zubovsky Boulevard, Moscow, USSR.